ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-4

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тут никто не навязывает тебе определенную роль, определенную расу и класс персонажа. Это не игра. Ты живешь в реальном мире. Но тут есть элементы компьютерной игры, причем отказаться «выйти» из игры ты можешь лишь одним способом – умереть. Это безумный реальный мир, где ты «рождаешься» уже взрослым и при этом тебе не принадлежит ничего – даже частям своего тела ты не хозяин. При этом у тебя все же остается определенная свобода выбора и действий. Тут уже все будет зависеть от твоего характера и устремлений – насколько обеспеченным ты станешь, насколько здоровым и снаряженным, будешь гнить в грязи изуродованным червем или же по утрам станешь неспешно пить кофе в домашней обстановке. Но чтобы ты ни делал – ты останешься добровольно низшим, и выше этого статуса тебе не подняться.

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая

Дем Михайлов
Низший-4

Глава первая

– И че ты лыбишься? – с глубоким подозрением поинтересовалась Йорка.

– Да просто люблю я утро после боя – пробурчал я.

– И кто она?

– Кто она?

– Да та она с кем ты всю ночь воевал так, что шум стоял на весь коридор.

– Да мало ли кто из здешних любит покричать? – удивился я.

– То-то и оно – заржал Рэк – Местные сукки с ног сбились, ища ту счастливицу в своих рядах. К нам уж раз пять подбегали. А найти все не могут.

– Передайте – и не найдут – отмахнулся я, наваливая себе на тарелку холодной рыбы и зеленого пюре – Не было никого. Я сам себя удовлетворял. Оттого и орал оргазмично.

– Не трынди, гоблин.

– Да не знаю я кто это был – признался я чистосердечно – Пьян был. Не рассмотрел. А она – да первая попавшаяся. Повторюсь – с чего такой интерес, гоблин?

– Да мне как-то до жопы эльфийской – дернула плечом Йорка – Это бордельные расспросами задолбали. О… идет… он особо сильно интересовался. Разве что только напрямую не спросил – кого именно трахнул гоблин Оди?

– Какая ты грубая – поцокал я языком – На Окраине рожденная што ли?

– Што ли…

К нам на самом деле направлялся «бордельный» – юный паренек с ослепительной профессиональной улыбкой, толкающий перед собой тележку с моими вещами.

– Доброе утро, господин Оди.

– Доброе. Спасибо за доставку. Слышал тебя интересует моя постельная жизнь?

– Ну что вы…

– Да вот она так говорит – я ткнул пальцем в поперхнувшуюся Йорку.

– Я задавал вопросы – согласился паренек – Но лично меня ваша постельная жизнь никак не интересует, господин Оди.

– Честный ответ – хмыкнул я.

– Могу я еще чем-нибудь помочь?

– Как погода на улице?

– Дерьмо и моча льют как из ведра – невозмутимо отрапортовал паренек – Погода как с цепи сорвалась. Уровень

воды вдвое выше обычного.

– Ясно. Свободен – отпустил я его и отвернулся к огромному настенному экрану, изображающему чаек бродящих по мокрому грязному песку.

С легким поклоном паренек удалился, но не успел он скрыться за дверями, как внутрь впорхнул десяток разнополых ночных бабочек.

Ну как впорхнули… опущенные плечи и головы, сгорбленные спины, тяжелая бредущая походка, хриплые усталые голоса, лица в потеках макияжа, потерявшие блеск тряпки висят на их немало повидавших за ночь телах как пожухлые дырявые листья.

И ведь это элита – раз их пустили перекусить в этот зал.

Элитные смачные сукки отработавшие всю ночь. Истерзанные, изможденные, ненавидящие всех и вся.

Почему это зрелище кажется мне знакомым – возвращение домой усталых и переставших имитировать счастье шлюх. Почему это зрелище не кажется мне отталкивающим? Скорее привычным, но очень давним…

Я был сутенером в прошлой жизни?

Очень сомневаюсь. Не те у меня навыки. Не тот характер.

Но мне определенно знакомы эти вытянувшиеся и посеревшие от усталости лица с размазанным макияжем, отчего сукки больше похожи на списанных в утиль несмешных клоунов, нестройно шагающих в жерло крематория…

– Оди!

– Да, гоблинша ты неугомонная – поморщился я – Слышу тебя.

– Мы… я… – девушка запнулась, сделала небольшую паузу и, глянув на стоящего рядом Баска, решительно продолжила – Мы обговорили все с Баском. Мы с тобой.

– Тайные переговоры рядового состава за спиной командира – сокрушенно покачал я головой – Вас бы к стенке поставить за это дело. Но не расстрелять, а ласково улыбнуться каждому, а затем вбить вас прикладами игстрелов в эту самую гребаную стену – да так чтобы прямо идеально ровненько все получилось.

– Командир… – на обычно невозмутимом лице слепого зомби разом проявилось целое море эмоций – Ты не подумай…

– Шутка – буркнул я – Сам же велел каждому хорошенько подумать, все взвесить и решить. Хвалю что начали разговор первыми. Ну? Чего решила бравая пехота? Я хоть и слышал – но ты повтори.

– Ну… мы остаемся! – выпалила Йорка.

– В борделе?

– С тобой!

– Вот как – перестав горбиться над почти опустевшей тарелкой, я задумчиво смерил напарницу долгим взглядом – Со мной что? Мне мало пафосных слов, тупица. Мне нужна жесткая и уверенная конкретика. Вы со мной куда? Зачем? На каких условиях? Будете идти со мной до тех пор, пока не станет слишком жарко и вот тогда незаметно уйдете, успев подзаработать несколько тысчонок солов? Будете со мной до тех пор, пока ваши нравственные гоблинские принципы не посчитают, что Оди стал конченным кровавым психопатом и от него пора уходить? А если через пять минут кто-то прострелит голову Баска, и он сдохнет в луже мозгов и крови – ты останешься со мной? А ты Баск? Если умрет Йорка – ты продолжишь шагать в ногу со мной или отправишься таскать серую слизь, а вечерами глушить душевную боль самогоном и наркотой? Или же вы готовы принять любую возможную потерю, любой мой поступок, выполнить любой мой приказ и пройдете со мной весь путь до конца – каким бы долгим и страшным он не был?

Тишина…

Я понимающе кивнул:

– Не ожидали, да? Думали – мы с усталой небрежностью выразим согласие, Оди радостно улыбнется – и все закончится. Так?

Тишина…

– Ну – надавил я – Время у вас было. Всю ночь обсуждали. Так чего решили?

Вперед шагнул зомби, повел рукой и, наткнувшись на живот Йорки, надавил, оттесняя ее назад. Поднял исполосованное лицо, наставив на меня неприкрытую пустую глазницу:

– Мы с тобой, командир. До самого конца – каким бы он не был.

– Готовы выполнить любой мой приказ?

– Да.

– Да – подтвердила и Йорка.

Тихо хрюкнул орк Рэк, поставивший на соседний столик поднос с остатками рыбы и занятый важным делом – сованием самых жирных кусков себе в пасть и отправлением остального в большой пластиковый контейнер с пюре, прихваченный с того же многострадального общего котла. Молодец орк. Хорошая жратва – не мелочь для солдата.

– Ну это же отлично – расцвел я широкой улыбкой и, снова наклонившись над тарелкой, буднично велел – Йорка, Баск – вон за тем столиком инкуб и две сукки слишком громко чавкают. Таких упырков нравоучениями не исправить. Убейте их.

– А? – это надо было видеть, насколько сильно выпучились

глаза Йорки – Что?

– Убейте их – повторил я – Прямо сейчас.

Молчание… переглядываются…

Пришлось напомнить:

– Я отдал приказ. Тот самый что из разряда «любой». Чего стоите? Можете убивать шилами, ножами, голыми руками. Можете забить им долбаную рыбу в долбанные глотки – и пусть они задохнутся, а мы покушаем и посмотрим.

– Да ладно тебе приколы такие кидать – бледно улыбнулась Йорка.

Я смотрел на Баска. Слепой зомби колебался. Он хотя бы развернулся к столу со жрущими сукками, наклонил голову, наводясь на цель, рука опустилась к ремню и легла на рукоять шила, но он продолжал стоять.

– Давай – подтолкнул я его голосом – Давай, зомби. Вперед. Убей сукк.

– Командир… – зомби не обернулся и сделал небольшой шаг к обозначенным мною целям – Ты не шу…

– Я не шучу. Я отдал приказ. И вынужден его повторить – убей сукк, зомби!

– Хватит прикалываться, Оди! – уже куда громче напомнила о себе Йорка – Мы со всей душой! Верим тебе! А ты…

– На кой хрен мне твоя душа, дура?! – я изумленно уставился на напарницу – Очнись! Приди в себя! Подумай! На кой мне твоя душа?! Засунь ее себе в сраку гоблинскую и утрамбуй покрепче! Мне не нужна твоя душа! Мне нужны умелые и злобные исполнительные бойцы! Такие что не будут думать – а это хорошо или плохо, приемлемо или нет? Нет! Услышав приказ убить гребанных сукк и лысого сраного инкуба за тем сучьим столиком у фальшивого берега – они пойдут и убьют гребаных сукк и лысого сраного инкуба! Вот что такое – вера в меня! Действие, а не рассуждение! Четкое и максимально быстрое выполнение приказа – вот доказательство веры в своего командира!

За столиками перестали есть. Одна за другой потрепанные ночные бабочки и мотыльки поднимали головы и обращали к нам удивленные и немного испуганные лица. Особенно ошарашенными – и реально испуганными – выглядели сидящие за указанным мною столиком «гребанные сукки» и «лысый инкуб».

– Да за что их?! – взорвалась Йорка – Что они сделали?!

– А тебя не должно это волновать – отшвырнув пустую тарелку, я поднялся и, уперев кулаки в стол, злобно зарычал – Тебя! Не должно! Это! Волновать! Ты должна думать только о выполнении приказа! Цепочка должна быть простой – приказ-наведение-выполнение-доклад. Все!

– Эй, мужик… – приподнявшийся из-за столика лысый юноша с густо накрашенными глазами и ртом, заискивающе улыбнулся – Не шути так…

– Сядь и заткнись, мясо! – медведем заревел оторвавшийся от рыбы Рэк.

У инкуба будто подколенные сухожилия перерезали – с такой скоростью он шлепнулся обратно на стул.

– Я сделаю это – сказал Баск – Сам. Всех. Прямо сейчас. Йорку в это не надо тянуть. Она… натура тонкая…

– Да что ты? – издевательски протянул я – Натура тонкая? А в реальной боевой ситуации, где придется проткнуть насквозь невинную старушку, чтобы пробить печень прикрывшемуся ею ублюдку – тоже тонкая натура помешает? И тогда мы все сдохнем – потому что ублюдок успеет перезарядить игстрел и подселит нам металла в головы? Хватит гребаных комедий! Пожрали? Валите! Оба! И либо исчезните навсегда – либо вернитесь сюда уже реально готовыми выполнить любой мой приказ. Любой! Каким бы он ни был!

– Командир…

– Валите! Живо!

Вздрогнувшая Йорка попятилась, сгребла со стула рюкзак. Ее догнал Баск и они зашагали прочь.

– Эй!

Обернувшись на мой окрик, замерли выжидательно:

– Если вдруг решите вернуться, то знайте – я вас сразу отправлю туда же – убивать гребанных сукк и лысого инкуба! Все. Шутки кончились, ребятишки. Вместе с детскими играми. Дальше нас ждут сугубо взрослые кровавые потрахушки и я хочу быть уверен в каждом из своих бойцов! Валите и подумайте об этом!

Йорка развернулась и размашисто зашагала прочь. Баск коротко кивнул и поспешил следом, догнав уже у выхода и скрывшись за дверьми, рядом с которыми стоял улыбчивый паренек с прилизанными волосами.

– А с этими что – чавкающий орк ткнул перепачканным пюре пальцем в съежившихся за столиком «жертв» – Врезать им? Может лысого раз десять о столешницу хлебалом? А то так чавкают, суки… и забрали лучшие куски рыбы…

– Мы… – перепугано пискнула одна из сукк – тоненькая темнокожая девчонка двадцати с небольшим – Мы не…

– Жрите спокойно – устало махнул я рукой и, сцапав пустую тарелку, побрел к столу с остатками яств.

– Там только пюре фиолетовое осталось и шиза в кувшинах.

– Сойдет – ответил я, доставая из поясной сумки последний протеиновый батончик.

Когда вернулся, усевшись рядом с упаковавшим жратву в рюкзак Рэком, тот, со свойственной ему бесцеремонностью хлопнул меня по плечу и «утешил»:

– Да в жопу!

– Что в жопу?

– Да все сразу. Ты правильно сделал, командир. Смысл тащить с собой таких… непонятных… тем более у них любовь – а это точно полная жопа для нас с тобой. В бою они в первую очередь друг друга прикрывать станут. Так и сдохнем – из-за их трахнутой любви и розовых соплей. Зачем? Пусть валят нахрен. Найдут себе стальную норку и спокойно заживут – Копула присмотрит. А мы… а мы пойдем себе дальше…

– Сейчас принесут горячей рыбы, господа – оповестил нас паренек – И графинчик отличного самогона. Желаете немного таблеток? У меня широкий выбор.

– Давай – ответил я, сгребая с протянутой ладони пяток пакетиков – Самогон – в бутылке. Рыбу в контейнере. С собой заберем. Ты не против?

– Я только за. Я всегда за. Мы все сразу упакуем. Еще и штучек тридцать протеиновых баточников позвольте добавить? И пару бутылочек с отменной шизой.

– Будет здорово.

– Все будет готово через десять минут – поклонился паренек и ушел.

Во время нашего короткого разговора зал успели покинуть все ночные бабочки и мы остались здесь вдвоем, лениво ковыряя завтрак и наблюдая за мокрыми чайками на экране. Знающий свое дело служитель не обманул и лично доставил все обещанное. Увидев его приближение, я допил второй огромный бокал воды и поднялся.

– Время двигать.

– Топали.

– А ты чего такой довольный? – глянул я искоса на Рэка.

Тот сверкнул зубами в широкой усмешке:

– А почему нет? Кровь, секс, выпивка, жратва. Кровь, секс, выпивка, жратва. Закольцованное удовольствие.

– Медблок навестил?

– Нет еще.

– Вперед.

– Понял, командир.

Подошедший паренек опустил на стол вместительную сумку снабженную широким ремнем.

– Нимфа Копула просила напомнить вас проверить ближайший банкомат – он в шестидесяти шагах отсюда.

– Ага.

– И… она добавила кое-что еще, но не знаю стоит ли…

– Старуха просила передать эти слова мне?

– Не могу быть уверен.

– Выкладывай – кивнул я.

– Если без излишне эмоциональных слов, то она сказала – пытаясь через отвращение к себе дать кому-то шанс выбрать свою судьбу самостоятельно, дать шанс красиво, гордо и без потери достоинства уйти от крови и смерти… можно ненароком собственную мошонку подставить под ржавый серп, оставшись без верных соратников в нужный момент.

– Всевидящая и всезнающая мудрая старуха с дырой в голове – холодно усмехнулся я – Обожающая лезть не в свое дело. В этот раз она ошиблась.

– Нимфа Копула щедрая и добрая госпожа. И редко ошибается.

– Не спорю – вздохнул я, закидывая ремень сумки на плечо – Медпроцедуры на очереди. И где там ты говорил ближайший банкомат?…

* * *

Текущее время: 10:44.

Баланс: 4920.

Задумчиво глядя на медленно крутящегося в витрине малыша, я понимал, что все равно его приобрету, но это не мешало мне злиться на явные недостатки предлагаемого товара – и недешевого.

«Пиги» – свинка, поросенок, хрюкалка – укороченный игстрел работающий бьющий с меньшей силой и на меньшую дистанцию, но зато способный за одно нажатие спуска мгновенно опустошить весь картридж, посылая в цель веер жалящих игл. Картриджи имелись двух видов – пяти и десятизарядные. Но в продаже имелись исключительно пятизарядные и в количестве всего пяти штук. Это, кстати, был еще один довод в пользу немедленно покупки – на витрине всего два пиги. Приобрести все это великолепие я мог начиная с ранга ПРН-Б + 2, которым и являлся со вчерашнего дня. Стоимость – пять с половиной сотен солов. Стоимость картриджей – десятка. Перезарядка за обычную сумму, тут система не поскупилась.

Прижав палец к темному сенсору, я подтвердил покупку и стал наблюдать, как один из малышей замедляет вращение и начинает приближаться к бронированному стеклу оружейного

торгмата.

– С новой игрушкой, командир – пробухтел сидящий у стены орк, ласково поглаживая лежащий на коленях только что купленный игстрел – Тир устроим? В том затопленном дерьмом коридоре.

– И по четыре раза пройдем всю полосу препятствий – кивнул я, протягивая руку и забирая игстрел-5м – Куплю боезапас – и выдвигаемся.

Следом за оружием я приобрел двадцать различных картриджей, часть отправив в поясную сумку, а часть в рюкзак. Теперь у меня два ствола и придется хорошенько попотеть, чтобы наловчиться пользоваться ими одновременно.

Баланс: 4320.

* * *

– Ком… тьфу… вот дерьмо! – хрипло заорал Рэк, выныривая и отфыркиваясь, после того как его догнала и накрыла вязкая волна нечистот. Капюшон и маску содрала, очки съехали, за линзами плещется разъедающая глаза мутноватая зелень, во рту бурая каша с черными лохмами.

– Руку! – крикнул я, вытянувшись на судорожно дергающихся пластиковых ящиках и протягивая уносимому следующей волной орку левую руку – Ну! Рывок!

Дернувшийся Рэк сумел уцепиться, но скользкие пальцы соскользнули. Тогда он швырнул ударивший меня по плечу игстрел, сам держась за ремень. Уперевшись ботинками в приподнятый край ящика, остановил продвижение орка, а сам, чуть поведя упертым в другой ящик стволом «пиги», выпустил все пять игл, нашинковав прыгнувшего серого чешуйчатого зверюгу.

Плукс беззвучно рухнул в дерьмо, я же, перекатившись, торопливо перезарядился и потратил еще пять игл на следующую тварь, что рухнула прямо с неба, тяжко ударившись о стенной выступ боком, но сумевшая встать.

– Рэк! Слева!

– Твою м-мать! – от ярости перешедший на взбешенный визг орк покатился по плоту. Перекосив рот, он пытался вырвать себе гребаный глаз, что никак не мог дать ему картинку из-за едкой херни попавшей под веки – Не вижу! Не вижу, с-сука! Где! – в его лапе появился нож, игстрел улетел за плечо – Где?!

– Сам! – ответил я, роняя «свинку» и выхватывая из-за плеча старый верный игстрел.

Два выстрела и оранжевый хромой комок не дополз до плукса

всего ничего, замерев в паре десятков сантиметров. Рухнувший с неба «мандарин» был чем-то ошпарен и так и так уже подыхал – только поэтому и пошел в атаку.

Подхватив висящего на запястье малыша, почти не целясь пустил веер игл, сбив атаку двух крупных и странно желтых матерых плуксов, пустив им плеснувшую на грязную чешую алую кровь и замедлив продвижение к визжащим на стенном выступе двум зомби. Хотя какие зомби – на двоих две ноги и три руки. Почти черви. Мне их не жаль. Просто замедляю и убиваю все опасное вокруг себя.

А со стальных небес орет и орет гребанная сирена! Никак не может заткнуть свои протяжные стоны, пробирающие до нервной дрожи. Огоньков над нами стало в разы больше, слышны удары металла о металл, доносятся далекие крики. А некоторые огоньки еще и крупнее стали… мать твою!

Снова перекатившись, я оказался на спине отплевывающегося орка, а на место, где я только что мирно грел свою гоблинскую жопу, рухнул примотанный к тросу труп. Брызнуло. Утирая с хари грязь вперемешку с кровью, я вытащил из рюкзака Рэка бутылку, что он пытался нащупать вслепую.

– Утирайся!

– Дерьмо! Откуда это дерьмо?! И что это щас было?!

– С неба все дерьмо. Труп упал еще один. Хватит визжать, сука! Промой глаза – и в бой!

– Пытаюсь!

– Руку на игстрел. Держи над спуском!

Команды Рэк умел выполнять быстро и мигом сцапал свой игстрел, легонько прижав палец к клавише спуска. Схватив его за рукав, дернул, потянул в сторону.

– Давай!

Орк зло защелкал спускам, иглу за иглой вбивая в лоб вынырнувшего из дерьма красного плукса. Вот и мозгососы явились. Да еще такие крупные…

– Перезаряжай!

Перезарядившись и сам, перекатился к рухнувшему трупу и глянул на его спину. Показалось? Нет. Гребаные эльфы… у парня не было огромного куска спины – вырван вместе с хребтом. Вроде, как и голова деформирована мощным ударом или же рывком позвоночника – череп едва не вырвали из родной теплой комнатки.

– Вижу! – обрадованно воскликнул Рэк, привставая – Ну как вижу – все смазано. Жжет, сука! Жжет дико!

– Заткнись.

– Понял.

– Пригнись! Лечь!

Их к нам тянет что ли?

Еще одна «звезда» упала со стальных небес прямо на наш едва держащийся на плаву плот. Заметив габариты, я аж зажмурился, понимая, что в дерьмо прыгать не вариант – нас продолжает куда-то тащить обрушившаяся водопадом река. Потом Рэка не догоню вплавь по дерьму. Но повезло… относительно повезло – сдвоенная звезда упала прямо на нас, но с протяжным тягучим звоном остановилась в метра над Рэком и мной. Треснуло. Хлюпнуло. Прямо мне на грудь свалилась половина какой-то сучьей тетки со слоновьей харей и разорванной грудью. На коротковатом тросе остались висеть переломленные в пояснице хрипящий мужик и нижняя половина тетки. И тут же повезло второй раз – сверху рухнуло два плукса. Один впился в бедро хрипящего бедолаги, второй упал на лежащую на мне половинку паучихи. И не успел насладиться вкусом сладкого жирка, как я проткнул его раз пять шилом и сбросил в дерьмо. Следом отправил половину жирухи, не забыв содрать с ее потного липкого лба ярко светящий фонарь.

Наш плот развернуло, ударило о стенной выступ, и он замер. Слезть на более твердую и надежную поверхность? Нет. Останемся здесь. А первого рухнувшего дохляка используем как соединяющий нас с выступом тяжелый пластырь – зубами говнюка на выступ, а задница пусть останется у нас. Так и сделал. Сперва думал не прокатит, но плот, чуть накренившись, замер. Хорошо.

Спешно проверив оружие, разместил один фонарь на выступе, другой на краю плота и, опустившись на колено, замер. Лечь бы на живот, но тогда не смогу нормально контролировать происходящее наверху – а оттуда валятся тяжеленные жирные паучихи.

– С глазами лучше – доложил Рэк – Так это что за херня, командир?

– У них наверху что-то прорвало – ответил я, чуть поводя стволом игстрела и наводя его на новую достопримечательность славного города Дренажтаун, что появилась всего-то минут пять назад.

– А хлопок?

– У них там что-то взорвалось – поправился я, бросая короткий взгляд вверх – не летит ли дохлая звезда? – и начиная оглядывать затопленный коридор – Вернее – они сами там что-то взорвали. О дерьмо…

– Что еще? Плуксы?

– Хуже. Эта хрень стала шире…

Тут я не соврал – бьющая из неба сине-зеленая струя стала в два раза шире, сохранив при этом ту же силу напора. В уши неспешно и грозно влез грозный звук низвергающейся беспощадной воды.

Все случилось быстро. Очень быстро. Мы только добрались до задворок Дома Копулы, где тренировались в заплывах в прошлый раз. Неспешно огляделись, наметили мишени, обговорили кто и как пойдет, изначально решив, что пора отработать соло заходы – вылазка в Клоаку показала всю важность умения действовать в одиночку. Это когда Рэк за трупами к пандусу бегал. И обратно. И воевал, выскакивая из засады и нанося стремительные удары дубиной. Я пересказал внимательно слушающему орку все замеченные тогда ошибки. Он впитал, обмозговал, уточнил и наконец-то кивнул, давая понять, что готов действовать. Я показал ему первые три контрольные точки и начал отходить – и тут сухо и протяжно треснуло. Одновременно вниз ударила тугая воздушная волна. И пролился водопад дерьма – что конечно же угодил прямо в наш коридор. И вот мы плывем…

– Оди! Оди! Эй! – на баррикаде, что почти утонула под поднявшимися нечистотами, прыгала и орала знакомая фигура – Оди! Гоблин ты трахнутый! Рэк! Вы живы?!

– Командир! – перекрикивая водопад, закричал взобравшийся следом зомби – Вы живы?!

– Хватит тупых вопросов, придурки! – заорал я в ответ – Туда! Туда смотрите, идиоты! Плуксы! Слева! Йорка!

– Вижу! – дернулась та и я ничуть не удивился, когда в ее руках появился игстрел.

Шелк. Щелк. Щелк. Все три мимо. Выбравшийся из дерьма здоровенный серый плукс хорошенько встряхнулся и рванул к судорожно пытающейся перезарядиться Йорке.

– Вот дерьмо! – крикнул я, вжимая спуск – Дура тупая!

– Сам такой! Урод!

Один мимо. Два в цель. Плукса не убило, но одна из лап подогнулась, и он рухнул, прокатившись по сколькому металлу почти до самых ног Йорки. В упор она уже не промахнулась, всадив три иглы в лоб и шею. И успокоено улыбнулась, опуская игстрел.

– Перезарядись! Живо! – аж взорвало меня, в том время как моя свободная рука, действуя сама собой, перезаряжала оружие – Живо!

Вздрогнув, она поспешно выщелкнула картридж, не попадая в щель, с трудом вставила в спешке новый и зло закричала в ответ:

– Да он же уже… – она не договорила – в метре от нее река дерьма взорвалась, выпуская из тягучих недр еще двух плуксов.

Оранжевый и красный. Оба крупные. Очень крупные.

Оранжевого в центр горбатой спины ударила дубина Баска. Он же, упав на колени, бесстрашно обняв тварь левой рукой, с бешеной скоростью заработал шилом, нанося удар за ударом. Красному досталось четыре иглы – две от Йорки и две от меня. Третью я всадил в бок оранжевого, помогая зомби.

Больше напоминать не пришлось – гоблинша перезарядилась, навела оружие и добавила игл в спину оранжевого, после чего тот наконец-то рухнул. Выпрямившись, она забросила игстрел за спину и развела руками:

– Патроны кончились!

– С-су-ука-а-а… – протянул я, глядя, как на баррикаду выбирается еще пять прибитых течением плуксов. И, как назло, все разного размера – а парочка настолько мелких, что и стрелять по ним бесполезно – промахнусь.

– Рэк!

– Вижу… я рванул – пригнувшись, Рэк приготовился к прыжку в реку дерьма, но я успел остановить его порыв.

– Эй! Срежь по выступу! И прыжком на те два оранжевых ящика. С них круто влево на белую херню, за которую уцепилась та крикливая стерва. Оттуда на баррикаду. Я отстреляюсь – и за тобой!

– Усек!

Тяжело бухая облепленными грязью ботинками, разбрасывая вокруг себя жижу, полуслепой орк побежал по стенному выступу. Я же, проверив небо и не обнаружив полусферы, всадил иглу в грудь заходящейся криком тощей зомбячке с проеденным животом и единственной рукой, облепленной сразу несколькими мелкими плуксами. Та с облегчением пискнула и наконец-то замолкла, вернув нам возможность хоть какого-то общения. И я сразу же заорал:

– Отступайте к стене! Йорка! Как я учил – дубиной!

– Ладно!

– Какого хера вы вообще приперлись?!

– Вас спасать!

– Да нас не надо спасать! – ответил я, влепляя три иглы в бок самого крупного серого плукса и спешно перезаряжаясь.

– Мы с тобой, Оди! Нам потом в борделе объяснили, что ты просто выбор нам дать хотел!

– Совсем тупые?! Копуле важна наша команда! Она не хочет нас терять и скажет что угодно!

– А что скажешь ты?

– Скажу – где голова лысого инка? И головы тех сукк?

– Издеваешься?!

– Есть такое. Дубиной!

– Есть!

Опустившаяся дубина пробила хребет подскочившего плукса, ногой Йорка сбросила второго мелкого с баррикады, Баск покатился по луже в обнимку сразу с тремя мелкими плуксами, инстинктивно подставляя их пастям защищенный жилетом торс. И руку… все пальцы на левой руке исчезли в пасти серого плукса.

– Дерьмо! – процедил я, вскакивая и бросаясь бежать по стенному выступу, повторяя недавний маршрут орка. Выступ. Стоп. Три выстрела. Игстрел за спину. Прыжок. Прыжок. Мимо дохлой стервы. Прыжок. Свинку в руку. Пли. С хрюканьем выплюнув пять игл, малыш умолк, но ненадолго – я скормил ему еще картридж и, оказавшись наконец на баррикаде, закрутился по ее вершине, расстреливая все прибывающих и прибывающих плуксов, ломая им хребты, сбрасывая обратно в коридор.

С воем примчавшуюся полусферу, что ударила во все стороны лазерными лучами, мы дружно проигнорировали – была задача поважней. Мы изо всех сил старались выжить. Крутнувшись, швырнул Йорке два картриджа. Она заметила, но не поняла и боеприпасы, отскочив от ее тупой головы, рухнули в лужу.

– Млять!

– С-сука! – подтвердил я, с хрустом дробя голову малышу плуксу – Рэк! Брось игстрел! Дубиной! Прикрывай Баска!

– Я сам!

– Чем? – возразил я, бросив взгляд на кровавую культю левой руки и оставшиеся три пальца на правой. Еще и ноги порвали ему. Зомби скоро обратится в червя.

– Я сам! – упрямо повторил Баск, падая животом на раненного плукса и вбивая под себя шило – Я сам!

– Сам так сам – буркнул я, спешно перезаряжаясь и отмахиваясь от лучей полусферы – Да не могу я сейчас доклад дать! Не могу! Но если кратко – тут полная жопа!

Этого хватило – опустившаяся ниже полусфера наконец-то замерла, упорядочила направление лазерных лучей и протяжно застрекотала, выплевывая десятки игл, что замолотили по запузырившейся жиже. Баррикаду оставили дочищать нам. А Баск потерял еще два пальца, зато приобрел две шикарные борозды на правой щеке. Йорка пробилась сквозь стайку плуксов и закрутилась вокруг зомби, отбрасывая от него осатаневших тварей.

– Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! – с чувством произнеся, подбирая из лужи крови картриджи и впихивая их в игстрел. Опустив ствол, выстрелил в голову, прижатого ногой оранжевого плукса, и повторил – Дерьмо!

– Пробьемся! – обнадежил немилосердно щурящий глаза Рэк, смотрящий на кого угодно, но только не на нас.

– Дерьмо – подытожил я, хватаясь за топор – Но да – уж как-нибудь пробьемся…

Глава вторая

– И как? – спросил Баск, показывая мне две пятерни.

Помассировав переносицу, я взглянул на предъявленные новые пальцы и тяжело вздохнул:

– Лишь бы гнулись.

– Все пальцы разноцветные! – выпучилась стащившая очки Йорка – Каждый палец – от другого чувака! Лопнуть и сдохнуть!

– Лишь бы гнулись – повторил я, стараясь смотреть на радугу пальцев бесстрастно – Баск… а чего ты не орал от боли, когда тебе пальцы отгрызли?

– Чего?

– Молодец, говорю. Мо-ло-дец.

– Да я почти и не чувствовал – признался Баск.

– Адреналин? Или последствия той химии что в нас закачивают?

– Не знаю. А пальцы правда разноцветные прямо?

– Еще как! – подтвердила Йорка и безжалостно добавила – Не трогай меня ими! Фу!

– Она привыкнет – обнадежил я слепого зомби – Чего такой радостный!

– Глаза!

– Не вижу – признался я, заглядывая в зияющую на изуродованном лице дыру.

– Да нет! – правильно понял меня Баск – Ты видел в интерфейсе? Мне повысили ранг! Дали награду за отвагу! И сделали болючий укол в глаз – вот там я орал так орал! Хотя всегда думал, что в глазу нет нервов… меня было слышно?

– Не – покачал я головой – И что со зрением?

– Пока ничего. Но было сказано подождать от десяти до двадцати трех минут! Представляешь?! Подождать от десяти до двадцати трех…

– Сядь куда-нибудь и подожди от десяти и дальше – велел я, приваливаясь к стене и открывая интерфейс.

Я хотел проверить щедрость системы. И через секунду убедился, что порой она бывает более чем скупа. Ну или расчетлива.

Повышение ранга и такую награду как у меня получил только Баск – надо полагать система сочла его достойным, видя, как с изгрызенными руками он продолжает драться с рвущимися через баррикаду плуксами. Остальным из группы, несмотря на проявленные доблесть и отвагу, не обломилось высоких наград.

А вот в остальном система уже скупиться не стала,

пересчитав истребленных плуксов, ранжировав их, назначив за каждого награду и поделив ее, между нами, поровну.

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б + 2Н) **Лидер группы**. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б + 1) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б + 2Н) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б + 2Н) Член группы. Статус: норма.

Награды:

1. За проявленную отвагу.

(Материальное поощрение за награду: ежедневная выплата 4-х солов).

– Чувствуешь себя как? – поинтересовался я, намеренно не называя имени.

Но Баск сообразил и торопливо кивнул:

– Да норм все. Там щиплет, тут саднит, здесь колет, а где-то чешется и жжет. Все как всегда.

– Все как всегда – подтвердил я, глянув на собственные руки, обильно залитые медицинским клеем. В последние минуты боя я едва не потерял левый указательный палец и сейчас, благодаря прозрачному клею, мог отчетливо видеть заживающее мясо и белесые волоконца чего-то – Так что с глазами? Конкретные пояснения были?

– Немного. Система сказала – стабилизация, очистка, заживление и еще пару непонятных слов. Укол обошелся сотню!

– Ого – присвистнул я – Ладно. Ждем десять минут.

– Вдруг хоть немного начну видеть? – губы зомби растянулись в улыбке, но Баск недолго прыгал по зыбкому облаку надежды, поспешив вернуться на твердую сталь земли – Если нет – то и в жопу! И так неплохо.

– Неплохо – скривился я – Но могло бы быть в три раза лучше.

– С глазами?

– Нет. С мозгами! Сегодня ты наделал кучу ошибок.

– Да он ведь… – пискнула Йорка, но продолжить не смогла – лениво глянув на нее, я буркнул:

– Не лезь.

– Я сам – подтвердил Баск и повторил – Я сам!

– Сам он… – недовольно пробухтела Йорка и, сделав вокруг нас круг, попыталась сказать что-то еще, но снова наткнулась на мои слова, что подействовали с внезапной силой, буквально отбросив ее метров на пять от дверей медблока.

А ведь я и не сказал ничего такого прям уж обидного или серьезного:

– Баск разберется. А ты пока сбегай за головой лысого инка. И кстати… может пора харю вымыть? Вдруг Баск прозреет и первое что он увидит будет грязная морда потрепанной жизнью гоблинши…

Дальше продолжать смысла не было – Йорка уже издалека, нетерпеливо приплясывая у дверей душевой, проорала:

– Сдохни, гоблин траханый! И я не потрепанная! – после чего исчезла за дверью.

А ведь я шутил про грязь – нас неплохо отмыли в медблоках во время осмотра и процедур. Система не терпит грязь.

– Рэка держат в медблоке дольше всех – задумчиво изрек я после крохотной паузы, глядя на желтый цвет в статусе орка.

– Если еще и он ослепнет…

– Не – качнул я головой – Глаз промоют, отполируют – и готово. Тут другое. Он нехило так нахлебался пролившегося с небес дерьма. Может ему пищевод и желудок заменяют?

– Запросто – согласился зомби – Заодно и кровь чистят. Ох…

– Что?

– Какие-то искры в глазу… яркие! Оди… что-то мне страшно. Смешно да? – стремительно бледнея, Баск хапнул рукой воздух, но стены не нащупал и начал оседать. Дрожащие губы, побелевшее лицо, остекленевшие глаза, учащенное дыхание, подгибающиеся ноги – зомби словил паническую атаку.

Поймав его, прислонил к стене. Уселся рядышком, прислонил его к своему плечу. Не сказал ни слова. А зачем? Пусть себе сидит и потихоньку приходит в себя слепошарый, заодно оценивая свое состояние. Искры в глазу его напугали… а что будет, когда система вмонтирует ему два полноценных новых глаза? Впадет в каталепсию…

А что такое каталепсия? Вот вроде подходит, а вроде и нет… и объяснить сам себе значение термина не могу. Когда Баск задышал ровнее, понял, что самое время сказать ему что-то ободряющее и такое теплое, чтобы по всему ему оживающему телу побежали ласковые мурашки.

– Как в себя придешь и наших подлатают – пойдем и найдем гребанную Суку Еву и порежем ее на мелкие лоскуточки.

– А-ага…

– Пей – я втиснул в его пальцы открытую бутылку с водой – И забей сейчас на искры в глазной орбите. Рано или поздно мы тебе глаза сделаем.

– Не прогоняй нас.

– Я и не прогонял. Вы сами ушли.

– Ты против что мы с Йоркой сошлись? Поэтому прогнал?

– А дерьмо – поморщился я – Вот этого точно не ожидал. Да мне плевать встречаетесь вы или у вас просто сладкие влажные потрахушки без обязательств. Стресс сбрасываете? Отвлекаетесь от воспоминаний о крови и пузырящемся на вздутых мертвецах гноя? Ну и отлично! Дело не в этом.

– Хорошо… – слабо кивнул Баск – Хорошо… я уж подумал – ты на Йорку сам глаз положил.

– Еще раз так подумаешь – и наши пути разойдутся – предупредил я и прозвучавший в мом голосе металл заставил слепого зомби поежиться и кивнуть еще раз.

– Извини, командир. Просто о всяком думал этим утром.

– Ты чего от жизни хочешь, зомби? Уютной спокойной жизни? Тогда нам лучше разойтись. Понимаешь, я ведь чувствую – вы мне не верите.

– В чем?

– Я вам напрямую говорю! А вы не верите. Пойдете со мной – сдохнете! И я переступлю через ваши трупы и пойду дальше! И даже млять не оглянусь! Сука! Как убедить, что я говорю правду? Со мной у вас будущего нет. Не знаю, что там наплела старая Копула, но может в ее словах и есть зерно правды – я хочу дать вам выбор. Уходите пока не поздно.

– А что ж ты Рэка не прогоняешь тогда?

– Рэка? Он так и так сдохнет скверно – без раздумий ответил я – Судьба таких как он предопределена. Смерть в барной драке, смерть в бою. Да любая смерть кроме той что от старости и во время сна в теплой домашней постели. Рэк ходячий мертвец. Как и я.

– Мы пойдем за тобой. Это решено. Мы так решили.

– И Йорка?

– Мы оба. Мы пойдем за тобой. Хоть в ад. Хотя мы уже в аду…

– Ну нет – усмехнулся я – Настоящего ада ты еще не видел.

– Меня что-то вырубает. Я покемарю чуток…

– Чем искры в глазу кончатся знать не хочешь?

– Да насрать.

– Верный ответ. Спи, боец.

Зомби опустил подбородок на грудь и затих. Я же, почесав

зудящее место на груди под новенькой футболкой купленной в пару шагов отсюда, запахнул плотнее свежий дождевик, глянул на висящую над головой крохотную полусферу наблюдения и тоже прикрыл глаза. Не из-за сонливости. Я просто почувствовал надвигающуюся мягкую волну грядущего провала. Я даже не сомневался – со стремительностью падающего в бездну замороженного трупа ко мне приближается новый флешбэк…

«Она сидит напротив меня. Красивая и улыбающаяся. Переброшенные через плечо волосы спадали на грудь пышной золотистой волной. Изящные руки ловко справлялись с палочками для еды, потихоньку отщипывая от рыбы кусочки белой сочной мякоти. За высокими окнами цвел летний сад, едва заметно покачивались молодые японские сосны, издалека донесся звук сработавшего сиси-одоси, застрекотала цикада. Умиротворяющая обеденная атмосфера. В комнате, за невысоким столиком, чей возраст насчитывает уже не один век, только мы вдвоем. Я. И зеленоглазая Мокко, решившая однажды что именно так звучит ее настоящее имя и забывшая данное родителям. Мокко влюбленная в азиатскую культуру, фанатично следующая загадочной моде на кимоно, спящая на татами, упражняющаяся с катаной, отрабатывающая ката, выращивающая крохотные деревца в глиняных горшках и литрами пьющая невероятно дорогой зеленый чай выращенный на лучших небесных фермах. Это лишь та верхняя часть айсберга что известна мне. Еще я неплохо знаю скрывающийся под шелком кимоно ландшафт ее отлично тренированного тела. Сегодня мы проснулись вместе. Проснулись поздно. И еще долго нежились в обнимку, прежде чем подняться. После совместного и несколько затянувшегося принятия утреннего душа я был отправлен к небольшому прудику в дальней части огороженного высокой каменной стеной двора, где выловил двух жирных карпов с золотистой чешуей и принес на стилизованную под старинную кухню – а на самом деле кухню предельно современную, умную, способную самостоятельно приготовить так много и так хорошо, что ее прозвали убийцей шеф-поваров. Но сегодня Мокко от начала до конца сделала все сама. Закусив губу, фыркая на падающую на лоб прядь, она умело орудовала отточенным лезвием ножа и вскоре выпотрошенная и очищенная от чешуи рыба легла на решетку жаровни, откуда вскоре переместилась на две тарелки, что встали на разделивший нас невысокий узкий столик.

Умиротворяющая обеденная атмосфера…

И музыка…

Из невидимых колонок доносились звуки ритмичной музыки, голос неведомой мне певицы бодро утверждал, что все дерьмо

жизни – преходяще. Что все мы наделены крыльями и надо лишь научиться ими пользоваться, чтобы взмыть в далекую небесную синеву и оттуда взглянуть вниз – и тогда все проблемы покажутся крохотными и ничтожными. Лети же, лети моя мечта…

В этом доме никогда раньше не звучала тупая попса. Только инструментальная музыка, порой тоскливая, порой оптимистичная, но попса – никогда. Но я знал, что Мокко ее слушала – на работе. Чем-то эта слащавая ритмичная хрень помогала в работе ее гениального разума. И вот сейчас…

Глянув на меня поверх бокала, Мокко отпила из своего бокала и улыбнулась – так, как умела только она. Обычная ее улыбка, что заставит улыбнуться и другого. Но… Что-то екнуло в сердце. Медленно опустив палочки на стол, я скрестил пальцы, при этом незаметно скользнув большим пальцем правой руки по запястью левой и дважды быстро моргнув. Сигнал подан. Начато выполнение.

– Что происходит? – мой вопрос прозвучал буднично. Прозвучал лениво – под стать царящей здесь искусственной погоде.

– Люблю тебя – она подарила мне еще одну улыбку, потянувшись вперед, схватила меня за руку, заставив расплести пальцы, подтянула мою кисть к себе. Она задела тарелку и на ее летнем кимоно появились пятна рыбьего жира, прилипли комочки идеально приготовленного риса. И ее – вечно опрятную, помешанную на изящности и чистоте – это совершенно не озаботило. У меня в душе что-то оборвалось. Что-то очень не так. И в первую очередь об этом буквально вопит ее пульс – неровный, быстрый, все ускоряющийся, отдающийся в кончиках тонких пальцев. Ее пальцы неподвижны, стиснули мою ладонь мертвой хваткой, но при этом ее пульс так силен, что отбивает на моей коже барабанную дробь.

– Что происходит, Мокко? – на этот раз в моем голосе звякнул металл. В первый раз. Никогда прежде не я не повышал голоса, никогда прежде в нем не появлялись требовательные нотки.

– Вчера днем пришел доклад. Корпоративные безопасники сумели сломать твою отличную легенду. Никакой ты не боевой эскорт. Ты шпион и саботажник засланный к нам Консорциумом. От меня потребовали заманить тебя в подготовленную ловушку. И мне пришлось воспользоваться всем своим влиянием, чтобы вырвать у них еще один день – еще один день для нас. Для тебя и меня. И он уже закончился… для меня так уж точно. Мои последние четыре минуты… Не переживай – я сказала им что не выдам тебе план. После обеда мы должны были отправиться на

прогулку в Скайпарк – там все и должно было случиться. Но не случится.

Мне не требовалось искать часы – они всегда со мной. И зеленоватые цифры показывали, что до полудня осталось три минуты с небольшим. До полудня… но сейчас меня волновало совсем другое.

– Что ты сделала?

Мой вопрос не имел отношения к безопасникам или ее родной корпорации. Он вообще не касался работы. Меня волновала Мокко. И только она.

– Что ты сделала?! – повторил я, резко сжимая пальцы и впервые причиняя ей боль – Тебя лихорадит. Что ты сделала?!

– Крохотная таблетка с необычным химическим соединением – улыбнулась Мокко, не пытаясь высвободить ладонь – Она уже действует. И вскоре уничтожит мой мозг. Буквально вскипятит его в удивительной химической реакции. Мне… мне было очень хорошо с тобой. Я для тебя всего лишь цель. Понимаю. Но все равно – я люблю тебя, О…

– Заткнись! – рявкнул я, вскакивая и перетаскивая ее к себе через стол, сметая к гребаным чертям всю старинную посуду. Хрустя осколками, развернулся, вскинул Мокко на плечо, выскочил через раздвижные бумажные двери и рванул по усыпанной мелкой галькой дорожке.

– Стой… стой… я придумала для тебя способ убежать. Развернись. Тебе надо к…

– Заткнись! – повторил я и резко затормозил, остановившись в шести шагах от ступившего на дорожку худощавого японца с опущенным к земле мечом.

– Опусти госпожу на землю – ровным голосом произнес японец – И тогда я убью тебя быстро и без…

– Захлопни свою гребанную пасть, ты, напыщенный хреносос! – осклабился я и сделал шаг вперед – Срать я хотел на твою вежливость и на твои обещания. Свали с моей дороги! Мокко проглотила какую-то дрянь. Химическое сраное сэппуку. Ее надо спасать. Я знаю куда ее доставить. И не хочу тратить лишние секунды на то, чтобы запихать твою катану тебе же в задницу! А я это сделаю, тупой ушлепок с прославленной и никому нахрен неинтересной родословной кастрированных сторожевых псов! Пропусти! Или сдохни!

– Бесполезно… – прошелестела Мокко, и ее приподнятая голова упала, ударившись о мое предплечье.

Охранник принял решение молниеносно. Отбросив катану, он одним прыжком оказался за три с лишним метра от дорожки, следующий прыжок отнес его еще на три шага.

– Торопись!

Больше он не сказал ни слова, но я на самом деле знал биографию этого парня и понимал – он попытается убить меня в любом случае. Сейчас его остановила лишь безграничная преданность своей госпоже. Но потом… потом он найдет меня. А мне плевать.

Проскочив ворота, я прыгнул в затянутую милосердным облачным туманом бездну и в ушах злорадно заревел воздух, решивший расступиться передо мной в ложной почтительности, чтобы посмотреть, как я грохнусь о далекую землю. В стороне зажглась и потухла синеватая искорка – вызванная загодя уже открыла крышу и торопилась на перехват.

Зная, что меня никто не слышит, я зашептал и каждое мое слово было унесено воющим ветром:

– Тупая дура с кофейным именем… почему ты не сказала… почему ты не сказала… в жопу твою корпорацию и ее секреты. Мне важна ты! Ты, тупая ты дура!»

Мне никто не ответил. Разве что приветственно и насмешливо мигнула россыпью зеленых огней приборная доска подскочившей машины. Рухнув на сиденье, сбросив Мокко на соседнее, я ударил по экрану ладонью, и мы провалились вниз. Загудел движок, на лобовом стекле предупреждающе замигали алые огни – я не прохожу мимо двух транспортных средств идущих уровнем ниже. Бронированное корыто для особо важных грузов, о которое я расплющусь или же бюджетная тонкостенная пластиковая калоша-лоукостер для нищих слоев населения, что наивно считают себя чуть ли не средним классов. Обходной маневр оборачивался потерей десяти драгоценных секунд. Нет уж. Я не сверну. Мой следующий ход очевиден. Оскалившись, я резко сдвинул крохотный джойстик, одновременно увеличивая обороты движкам. Я не потеряю ни единой гребанной секунды. Ни единой…»…

Вздрогнув, я вернулся в реальность, сморгнул и почувствовал, как из глаз побежала странная влага, образовавшая в нижней части линз очков. Стянув очки, зло утерся перчаткой и выругался. Потею тут как свинья на ферме Пока-Пока…

– Ты в порядке?

– В полном – ответил я на вопрос зомби и в моем голосе звучало лишь уверенное равнодушие – Ты же покемарить собирался.

– Да шумят наверху – поморщился Баск и снова уронил голову на грудь.

– И это первые на сегодня отличные новости – усмехнулся я, задирая лицо и глядя в затянутый серо-бурым туманом потолок.

Стальные небеса хмурятся. Стальные небеса громыхают. Стальные небеса искрят. Со стальных небес слетают дохлые светлячки с мясной начинкой. Вместе с мочой и дерьмом оттуда начала литься еще горячая кровь. И это просто прекрасно…

– Чем отличные? – как оказалось Баск все же не заснул.

– Причин много – ответил я, усилием воли заставляя пальцы отодвинуться от спрятанного во внутреннем кармане дождевика пакетика с таблетками – Чем больше шумихи и проблем – тем легче таким непрошенным гостям как мы туда пробраться. И это главное. Чем больше у них потерь, тем меньше возможностей заткнуть все дыры – а судя по звукам дыр появилось там много. Это дает шанс таким грязным обоссанным гоблинам как мы превратиться в гостей вполне званных. Но надо поторопиться – хорошим шансом захотят воспользоваться многие.

– И что за шанс?

– Эволюционировать – рассмеялся я и ткнул пальцем сначала в залитый бурой жижей пол, а затем в искрящийся огоньками далекий стальной свод – Эволюционировать из мокрого гоблина в хищного и гордого небесного паука.

– У них большие потери – мгновенно сопоставил Баск – И их надо восполнять. Шанс стать полезным, а если выполнишь все поручения – то могут и навсегда оставить в своих рядах. И больше не придется весело шлепать по лужам дерьма и дышать парами эльфийской мочи.

– Вот это вряд ли – буркнул я – Дерьма везде хватает. Даже на небесах. Вставай, зомби. Счастье тебе подвалило – игровой вызов.

– О! – Баска будто адреналином укололи, и он бодро подскочил – Что за игра?

– Да ты фанат – вздохнул я и покосился на большой экран с цифрой тринадцать – Сегодня тебе, низушек, выпало сыграть в… это еще что за гребаный бред?

– Что? Что там? – изнывал от нетерпения зомби, позабывший и о усталости и о том, что в поврежденном глазном яблоке недавно мелькали какие-то искорки – Что там?

– Текстовый квест – задумчиво прочитал я с экрана – Тебе предстоит дать минимум пятьдесят ответов и принять минимум пятьдесят решений, чтобы дойти до финала. Награда будет зависеть от принятых тобой решений и их последствий. Внимание – даже незначительная мелочь может иметь огромные последствия в будущем. Будьте рассудительны. Охренеть…

– Вот это я понимаю удача – мелко закивал Баск, опускаясь перед экраном и натягивая посильней капюшон на голову – зомби оказался прямо под достаточной сильной зелено-желтой струей льющей с небес – Помоги, командир. Прочитай. А дальше…

– А дальше ты сам – вздохнул я, с неохотой приподнимаясь – Чертова Йорка. Нашла время прихорашиваться. Ладно. Готов?

– Готов!

– Тогда погнали. Начало удивительно бодрое… Итак… «Вы стоите перед опущенной стальной решеткой, что перегораживает вам путь. Единственный способ пройти: решить несложную задачу. Перед вами витают светящиеся слова, складывающиеся в текст: счастливый Блум отыскал три яблока, но оказалось, что одно сгнило и его пришлось выбросить. Сколько яблок осталось у Блума? Варианты ответов: три, один и два. У тебя осталось шесть секунд на отв…

– Два!

– Потрясающе – хмыкнул я – Выбирай третий вариант.

– Готово.

– Загрохотав, стальная решетка неохотно поднялась, открывая вам путь. На землю упало три предмета и с собой ты можешь взять лишь один из них. На иссохшей земле лежат: отмычка, топор и свирель. Выберите предмет. У вас пять секунд.

– Отмычка! – Баск возбужденно потер ладони – Отмычка!

– Да слышал я. Первый вариант.

– Готово!

– Поздравляю – вы получили отмычку. Пройдя дальше, вы очутились в небольшом коридоре и в ужасе замерло – перед вами медленно вздымалась злобно шипящая огромная кобра. У вас три секунды! Примите решение! Убить кобру топором. Сыграть на свирели успокаивающую музыку. Пробежать мимо кобры. Отступить. Ответить на вопрос ядовитой твари. Хм… уверен, что не зря выбрал отмычку?

– Уверен! Мой вариант – ответить на вопрос!

– Пятый вариант. Ага. Еще чуть ниже. Жми.

– Есть!

– Разинув пасть, кобра яростно зашипела и неожиданно вы поняли, что слышите леденящий душу голос…

– Леденящий душу мать его голос! – возбужденно закачал головой обычно невозмутимый Баск – Ледянящий душу!

– Время уходит – напомнил я и продолжил – Вопрос чешуйчатой твари гласил: «Дай ответ на задачу, путник! И я пропущу тебя! Если же ошибешься – умрешь!..».

Так вот дальше и пошло. Я медленно читал, Баск выбирал и принимал решения, мы медленно продвигались по комнатам вымышленного особняка наполненного монстрами, задачами и сокровищами. Когда вернулась Йорка – навестившая душевую кабину дважды! – под ее дождевиком, вместо привычных мешковатых и удобных штанов, просвечивали коротенькие

желтые шортики, бейсболка под капюшоном исчезла, открыв расчесанные волосы, очки убраны на лоб. Ну да. Плевать на едкое дерьмо вокруг – надо себя показать во всей красе. Отодвинувшись от Баска, уступил ей место и тихо пробормотал:

– Через полчаса чтобы жопу опять в штаны спрятала, боец. Полчаса. Или я тебя окуну в самую глубокую лужу дерьма.

– Поняла…

– Снаряжение где?

– В капсулу забросила.

– Полчаса – повторил я и вернулся на свое место, где, вытянувшись, задремал, краем уха прислушиваясь к голосам бойцов, что продолжали преодолевать опасности игрового вызова. Необычного и увлекательного надо сказать выбора. Вряд ли столь же интересную игру предложат рядовому гоблину или орку. Такое не каждому полурослику перепадет.

Рэк что-то задерживается…

Спать….

Проснулся рывком, разлепив глаза, увидел бредущего вдоль стены орка и понял – для него мелкими последствиями не обошлось. Держится за живот обеими руками. Так держат пробитый мешок – чтобы всякая мелочь в дыру не выпала. Глянув на статус Рэка, убедился, что желтоватый уровень сменился темно-желтым.

С места я не двинулся. Спокойно ждал, когда он доковыляет до меня, прислонится спиной к стене и медленно-медленно сползет по вниз, коснувшись задницей пола с такой осторожностью, будто ему заменили тазовые кости на хрупкое стекло. За линзами очков пустота и красный воспаленный глаз залитый чем-то серым, а еще слезами и болью.

– Как твои дерьмовые дела? – поинтересовался я, вдоволь насмотревшись на его зелено-черно-красную кожу лица и шеи.

– Отрезали нахрен.

– По суккам больше не ходок?

– Тьфу-тьфу! Это, кстати, как я слышал – не заменяют! – вздрогнул от испуга Рэк – Не-не!

– Слышал, что о чем больше всего переживаешь – то и потеряешь – равнодушно заметил я – Что отрезали?

– Вот – Рэк осторожно раздвинул полы дождевика и я увидел залитый клеем живот с длинным продольным разрезом скрепленным скобами – Требуху мне покромсали. И вот – он задрал голову и показал перерезанное и снова зашитое системой горло – Там тоже чего-то ковыряли. Прямо по кругу скальпелем проходились – будто гнилые места из овоща вырезали. Язык… я

думал его тоже вырежут. Но обошлось кислым маринадом. И как на духу скажу – когда острую хрень к глазу выпученному поднесли, то подумал, что все, еще одним слепошарым в команде прибыло. Обошлось… прыснули чем-то холодным, смазали горячим, под конец пшикнули нейтральным.

– Пока ты не боец – подытожил я – Так…

– Я с вами! – прохрипел орк, уставившись на меня единственным глазом так свирепо, что мне на ум невольно пришла еще одна мифическая раса.

– Рэк… нам не по горизонтали топать – произнес я и ткнул пальцем вверх – Нам карабкаться.

– Насрать мне! Я с вами!

– А если по дороге шов разойдется и требуху терять начнешь? Вдруг не успеем тебя до медблока дотащить…

– Я с вами, командир! – повторил Рэк и по хриплому упертому голосу я понял, что его не переубедить. Даже если запрещу – потянется следом. Побредет, поковыляет, под конец поползет и так до упора.

Как-то хреново-избирательно работает мой авторитет командира.

– Не выходит у меня с вами жесткую диктатуру установить – признался я Рэку.

– Я за тебя кому хочешь горло перегрызу – пожал плечами орк – С остальным помочь не могу. Эти во что долбятся? Картинок не вижу.

– Текстовый замудренный квест – ответил я.

Рэк скривился:

– Дерьмо для небритых детишек.

– Не скажи – дернул я щекой – Не скажи…

– А что тут говорить? Игрушка! Но хоть что-то платят – если выиграешь. Хотя у меня с этим не слишком. Куда проще комунить голову проломить или сотню ведер слизи перетаскать.

– Не все так просто – уже сам себе сказал я, глядя на экран, забитый строчками зеленого текста.

Баску и его визуальному поводырю Йорке пока удавалось как-то выживать, и они переходили с одной игровой зоны в другую, постоянно отвечая на какие-то вопросы, подбирая и используя предметы. И вопросы перестали быть детского уровня – сложность задач возрастала от экрана к экрану. Но Баск справлялся. Притихшая Йорка перестала давать советы и просто старалась как можно быстрее и внятней зачитать текст, повторить если потребуется и перечислить доступные варианты. Обработав все в голове, слепой зомби называл ответ и пока не ошибся.

– Командир…

– Да? – сконцентрировался я на вытянувшемся орке – Принести чего-нить?

– Жрать и пить нельзя еще два часа – безмятежно улыбнулся Рэк – Обезболивающее действует.

– Тогда чего хотел?

– Зачем нам наверх?

– Там ответы.

– Ответы? Ответы на что?

– На все это дерьмо – отозвался я, выразительным жестом указывая на окружающий нас омерзительный пейзаж.

– Да с чего ты взял? Тут за весовых гномов считают. А они под нами. Нам даже за вход есть чем заплатить – отдадим расписную клешню Йорки, погундим с парой тамошних бугров, заимеем связи, поимеем выгоды.

– Ага – рассмеялся я – Заимеем. Поимеем. Вот все самое дерьмовое в мире начинается именно с этого, Рэк. Когда ты пытаешься не установить и заработать, а кого-то поиметь и что-то заиметь. Легко ты руки чужие как пропуска к своей сладкой жизни отдаешь.

– Так ей другую пришьем! – буркнул Рэк – Разве так не лучше? За ней охотиться перестанут. С гномами терки исчезнут. В благодарность может что-то полезное расскажут. Только не говори, что ты такой вариант не прикидывал.

– Я много чего прикидывал. Но не верю я что гномы правят здешним бедламом. У них своя роль. Важная роль. Но и только. Хотя может и придется однажды к ним сунуться. Но пока вниз смотреть не станем. Там пока слишком тихо и спокойно. А вот наверху целая куча проблем.

– Так может и не соваться тогда наверх? Только под горячую руку к разозленным паукам попадем. Ты не подумай – мне насрать! Скажешь – и пойду. Вниз, вверх… да насрать! Просто резон твой понять хочу. К гномам у нас ключик есть. К паукам… какой?

– Небольшой – поморщился я – Мы помогли кое в чем нимфе Копуле. А она дружит с пауками.

– И че?

– Этого мало – согласился я – Но зато у пауков большие проблемы.

– И че?

– А то, что, когда на вверенной тебе территории вдруг случаются большие проблемы – тебе нужно срочно их ликвидировать. И желательно это сделать до того, как с тебя спросит тот, кто вверил тебе эту самую территорию. У пауков сейчас пар из срак валит – так они стараются все исправить.

Взгляни наверх.

Мы оба задрали головы и некоторое время созерцали целую россыпь появившихся на стальных небесах новых созвездий – лихорадочно мигающих созвездий. Там под сводом сверкали сварочные аппараты, мелькали темные пятна чего-то переносимого на тросах, по-прежнему низвергался водопад и сыпались редкие ошметки чего-то непонятно. Небо буквально полыхало под пританцовывающими паучьими лапами.

– Теперь взгляни туда – ткнул я орка в голень и указал на затопленную по колено улочку.

– Праздник трупов – спустя пару секунд ответил Рэк – Дохлые пауки летят на бойню.

Тут он был прав. По улице двигалось праздничное шествие с искромсанными трупами на плечах. Гоблины, орки и полурослики, вся эта широко улыбающаяся, радующаяся внезапному приработку городская взвесь, чуть ли не танцуя шагали по колено в дерьме, таща на загривках мертвецов – как целых, так и кусками. Обрывки обрезанных тросов волочились по воде, кокетливо выглядывали кишки из вспоротых когтями плуксов животов, слепо смотрели в родное небо паучьи искаженные хари с открытыми ртами, нет-нет да падали в жижу уроненные или отпавшие конечности, тонули головы и приходилось их нашаривать в мутном месиве. Само собой трупы были обнажены – с них содрали все, что можно было продать или же использовать. И все это щедро поливалось сверху эльфийской мочой – и сам груз и веселые носильщики.

– Есть! – завопил ликующе Баск.

– Ура-а-а! – ответила ему Йорка.

– Прозрел? – спросил я.

– Выиграл!

– А…

– Пятьсот солов награда!

– Сколько? – удивился я – Неплохо…

– Спорим ты хочешь нас угостить? – поинтересовался один из самых дюжих городских, держащий за лодыжку оторванную ногу – Пара бутылок славным жителям города.

– Пошел нахрен тупорылый ушлепок пока я тебе эту ногу в жопу не забила! – окрысилась Йорка, умудрившись показать в оскале удивительно большое количество зубов.

– Неплохо – приподнял голову Рэк – Твердеет баба…

– И ты заткнись! – не промолчала и здесь гоблинша.

Носильщики трупов хотели что-то сказать, но я молча приподнял заряженную «свинку» и помахал ей в воздухе, намекая, что лучше им не задерживаться. Меня поняли правильно, и

процессия продолжила свой веселый путь к медблокам.

– Ох ты… – вскочивший Баск странно наклонил голову – куда странней обычного – и медленно опустился прямо в лужу – Дерьмо… ноги…

– Что с ногами? Что у тебя? – дернулась Йорка, мигом сменив голос с «крысиного» на «кошачий».

– Не у меня… у тебя… я их вроде как вижу… голые коленки?

– И… и как тебе?

– Более тупого вопроса не слышал – вздохнул я, с кряхтением поднимаясь – Так… бойцы! Подъем! Пора нам немного прогуляться. Километров пять пройти придется. Это по прямой. А потом вверх до упора. Кто не дойдет – признаться лучше прямо сейчас. Оставим в капсуле отсыпаться.

Оглядев каждого, я убедился, что никто не рвется остаться в тылу. Ну и отлично.

– Нам вон туда – махнул я рукой – Баск. Специально для тебя, раз пока видишь только голые коленки – там стена, а у стены что-то вроде здоровенной лестницы, забранной сетками, решетками и обвязанной огоньками.

– А что с заданиями? – попыталась Йорка поменять наш дальнейший курс.

– Не смотрел пока. Вот поднимемся до неба – и гляну.

– А если задания внизу? Или на Окраине вообще!

– Туда и пойдем – обнадежил я гоблиншу, вешая «пиги» на пояс – Двинулись, гоблины! Рэк! Вставай.

– Я постараюсь дойти.

– Да шутка это была – проворчал я, выходя в центр улицы и поднимая руку в останавливающем жесте – Нас подвезут.

Бодро катящийся по улице вагончик с выбитыми стеклами противно зазвенел, сообщая, что не собирается останавливаться. Придется к жесту добавить универсальное средство – я вскинул игстрел и прицелился точно в центр жирной груди вагоновожатого в красивом синем плащике и модных затемненных защитных очках. Зазвенев еще противней вагончик начал останавливаться, а вот вагоновожатый только набирал обороты, высунувшись под дождь и злобно завопив:

– Ты кто такой сука, чтобы меня пушкой тормозить? Крутым себя возомнил, ушлепок? Мемвас тебе дух приподнял?! Погоняло озвучь, отсос!

– Я Оди – спокойно ответил я, лениво опуская игстрел – Что ты там сказал про отсос?

– Говорю – тебе любая сукка в городе бесплатно, герой! Садись, Оди! Подбросить куда?!

– Ага. До вон той лестницы – указал я, берясь за поручень –

Бойцы! Забирайтесь. Добрый дядя нас покатает.

– И с удовольствием – часто закивал мужик, стягивая очки и показывая крохотные близко посаженые глазки – А… слушай… просто спрашиваю…

– Что такое? – спросил я, глядя, как мои усаживаются на редких сиденьях в передней части вагона. Задняя грузовая площадка сплошь заставлена закрытыми контейнерами.

– Правда, что ты сожрал сердце Понта Сердцееда? Вырезал у еще живого и сожрал. А вырезал каким-то эльфийским цветком – глазки мужика исподтишка обшарили меня с ног до головы – А?

– Так говорят?

– Ну да!

– Может и правда – вздохнул я, тоже усаживаясь – С тех пор много дерьма утекло. Уже не вспомнить.

– Ты крут, Оди! Ты просто крут! И вы все крутые! Ребят! Самогона хлебнете? Шизу в бутылки покрошу. У меня и пара красных энергетиков найдется – сладенькие и заряжают. Сделать?

– Давай – кивнул я – Спасибо тебе…

– Хрюк. Хрюк Три Шестерки Восемь.

– Большой номер – заметил я.

– Точно! Я сам окраинный. Вот в полурослики выбился тяжким трудом. А начинал на том дальнем Краю – не отходя от примитивных органов управления, мужик запустил пятерню в небольшой пластиковый ящик – И жизнь была дерьмовая. Рассказать?

Я развел руками и, восприняв это как одобрение, Хрюк обрадованно пустился в повествование. Так мы и покатили по залитым дождем улицам Дренажтауна – прихлебывая чуть сдобренный самогоном приторный энергетический коктейль и слушая про тяжкое надрывное прошлое Хрюка Три Шестерки Восемь. Изредка задавая вопросы, я ненадолго возвращал Хрюка к теме Зловонки – как там проходила зачистка, чего интересного выловили кроме тонны костей, были ли странные удивительные гибели, не встречались ли какие диковинные плуксы или еще какая зловещая болотная тварь…

Но узнать удалось всего ничего. Погибла одна группа целиком, напоровшись за засаду болотников. Еще двое умудрились утонуть, но их выловили. Ну и трое пропали с концами где-то в боковых проходах, куда их направила система на разведку. Еще говорят какая-то удивительно ловкая девка располосовала глотку одному записному городскому ловеласу, что по слухам, мог угадать смачную фигурку под самым мешковатым дождевиком. Ну это враки. Хотя ловеласа и нашли плавающим харей вниз в луже кровавой мочи. Но мало ли кто его

порешил.

Где это случилось?

Да эльфы его знают. Хрюк там не был – и рад этому до усрачки. Не с его имечком там шарахаться – тут вагон огласил булькающий смех, а мы, звеня и скрипя, подкатили к подножью стальной лестницы, снабженной по сторонам двумя вместительными лифтовыми кабинами. Мы вывалились из вагона и Хрюк укатил, еще долго маша нам в боковое окно и радостно потирая левую щеку – по его просьбе я дал ему пощечину. Так чтобы при свидетелях, но так чтобы зубы не вышибить и нос не разбить. Зачем ему такое? Сегодня есть шанс заполучить в свою койку одну зачетную пухляшку и ему не помешает в активе история о том, как он рискнул поспорить с самим Оди, а тот ему за это влепил по харе…

Махать Хрюку в ответ я не стал. Занят был – рассматриванием неприветливой конструкции по чьим слишком уж частым и многочисленным осклизлым ступеням стекала обильная густая жижа. И морды двух охранников у первого пролета тоже не выглядят приветливыми…

– Сдриснули отсюда, гоблины – хрипло велел высокий и тощий некто в черном дождевике, прислонившийся к стальной опоре. Чтобы сказать это ему пришлось ненадолго прервать свой сухой кашель. Второй, куда плечистей и здоровей на вид, шагнул вперед и продублировал слова первого:

– Догоняйте вагон и валите.

– Как? – переспросил я вежливо, подходя поближе и поднимаясь на ступеньку – Не расслышал.

– Я говорю – вали нахер, сука! – подавшись вперед, он попытался свирепо ткнуть меня в лицо украшенными шипами фильтрами маски – Свалил живо! И пушка у тебя за плечами меня не пугает. Видали крутых. Свали, гоблин!

Фильтрами по хлебалу я не получил – чуть сдвинулся назад, одновременно заводя руку под дождевик и снимая с пояса игстрел.

– Мы по делу – попытался я мирно.

– Я сегодня тебе в темя ссал! – рыкнули в ответ – И срал! Понял, деловой?!

– Понял – кивнул я, упирая «свинку» ему в пах – Это что я такое крохотное нащупал стволом? Не твоего потного зверька? Ему там не душно?

– Думаешь напугал? – его голос предательски дрогнул – Не выстрелишь! Я паук! Я таких как ты… А-А-А-А-А-А-А!

Согнувшись, он схватился за промежность и рухнул на задницу, в бешеном темпе затарабанил пятками ботинок по

ступенькам.

– А-А-А-А-А-А!

– Дерьмоеды! Что происходит?! – донесшийся сверху голос звучал куда властней.

Подняв лицо, я стащил маску и широко улыбнулся:

– Здрасте. Я Оди. И моя группа – Йорка, Баск и Рэк. В гости к вам. Помощь не нужна?

Крохотная пауза… хриплый скулеж чуть затихшего бедолаги.

– Поднимайтесь!

– Нам бы на лифте – снова улыбнулся я льющей в лицо моче – Денек сегодня выдался нелегким – трупы и плуксы падают с небес. Меня вот едва не пришибла рыжая жирная тетка – ее верхняя и лучшая половина.

– Сюзан Пердушка. Ее последняя паутина уже сплетена – без всякой скорби буркнул невидимый собеседник – Левый лифт. Вас встретят.

С гулом открылись двери левой кабины. Туда я и вошел без всякой опаски. А чего бояться? Я уже успел заметить, что мы находимся в сумраке. Желай пауки нас убить – давно бы пристрелили. Бойцы последовали за мной, двери закрылись и вскоре мы уже поднимались, сквозь решетку глядя на мрачную панораму уходящего вниз Дренажтауна.

Глава третья

Пауки…

Да.

Лучшего названия не подобрать.

Да это и не название. И не прозвище. Это сама суть здешнего люда, обитающего на стальной небесной паутине.

Это я понял секунд через тридцать после того, как нас с лязгающим презрением выплюнула лифтовая кабина, захлопнув за нашими спинами решетчатые створки, будто четко заявляя – вниз я вас, гребаные наземники, не повезу. Лифт оставил нас на краю решетчатого же поля, этакого солидного квадрата примерно двадцать на двадцать метров. Мелкая ячея под ногами суха, воздух прозрачен, с потолка не капает, зато оттуда исходит ровный поток прохладного воздуха. Я первым содрал маску с очками и убедился, что воздух здесь ничуть не хуже окраинного. А затем я увидел паука…

Метрах в шести от нас под потолком висел вниз головой паук, что деловито удлинял удерживающую его паутинную нить, одновременно обхватив четырьмя лапами исходящую паром дырявую трубу. В передней правой лапе сверкал яркий огонек сварки, левая же удерживала привариваемую к дыре стальную латку. Задние лапы, зафиксированные на странных ножных рычагах, контролировали компактную лебедку с тонким стальным тросом. Всего восемь лап. Половина из стали и снабжены овальными магнитами и загнутыми крюками, что способны надежно зацепиться за любую решетку, а заодно с легкостью пробить череп какому-нибудь недоумку, угодившему в паучью паутину. Паучья шкура и морда тоже удивляли, притягивая к себе внимание…

Поняв, что занят завороженным созерцанием многолапой разумной твари, на пару секунд прикрыл глаза, а когда открыл и взглянул на паука снова, увидел уже куда более привычную моему разуму картину.

Под потолком висел дюжий мужик в сером облегающем костюме, что полностью закрывал его от подбородка до пяток. Обуви нет, ноги петлями закреплены на нажимных педалях лебедки. Торс мужика обхватывает металлическая ажурная конструкция, на которой закреплена целая куча приспособлений – четыре многосуставных длинных стальных манипулятора, два их которых заканчиваются магнитными нашлепками, а два загнутыми крюками. На двух манипуляторах светятся огоньки достаточно мощных фонарей. На пояснице

прямоугольный блок с исходящими от него толстыми заизолированными проводами – похоже на аккумуляторную батарею. Над блоком висит объемный рюкзак, из которого выходит пара трубок идущих ко рту поглощенного делом работяги. Бульон? Компот? Энергетик? Да что хочешь – то и зальешь. По бокам от рюкзака два достаточно небольших газовых баллона с шлангами. На передней части этой невероятной «жилетки» висит аж две раздутые поясные сумки, там же свисает гирлянда из стальных пластин-заплат, мотки какой-то проволоки, болтается в петле игстрел. Из-под батареи тянутся две толстые стальные полосы – на них и закреплена лебедка с рычагами. Звенящий тонкий трос уходит к потолку и там, как я сумел разглядеть, крепится к ажурной ферме и крюками и магнитами. Двойная гарантия. Голову трудяги закрывает шлем с налобным фонарем. Спереди прозрачное оконце открывающее чуть подсвеченное лицо – бородатую потную харю напряженно пялящуюся на огонек сварки. На сером комбинезоне видны какие-то достаточно сложные черные узоры. Металлическая конструкция вокруг торса создает иллюзию раздутого брюха.

Короче – под потолком висел настоящий паук!

Прилипшая к трубе восьмилапая тварь выпустившая из сраки звенящую тонкую нить.

Охренеть…

И таких тут немало – медленно поворачиваясь, я жадно сканировал открывшуюся с этой высоты невероятную панораму, попутно отмечая огоньки висящих пауков. Мы находимся в переплетении труб. Я знал об и раньше, но одно дело сквозь дождь снизу пялиться на затянутую туманом и почти двумерную далекую картинку, и совсем другое – оказаться внутри нее.

Трубы. Трубы. Трубищи. Трубки. И снова трубы.

Взгляду тяжело привыкнуть к этим ломанным очертаниям столь чуждого нам мира. Опутанные ажурными конструкциями трубы тянутся во всех направлениях, сходясь и расходясь под острыми и тупыми углами, различаясь диаметром и цветом.

Лестницы… их тоже хватает. И они тоже идут под самыми невообразимыми углами, позволяя перебраться с уровня на уровень в этом подвешенном мире. По этим столь хлипким на вид путеводным тропинкам шустро снуют пауки, перетаскивая различные грузы, передавая обмякшие тела, протягивая какие-то провода.

– Будьте здесь, гоблины – предупредила свалившаяся с потолка красная паучиха, зло сверкнув густо накрашенными глазами за прозрачным забралом шлема – За вами придут. Скажут, что сделать. Ясно?

– Все ясно, небесная бвана – ответил я за всех, и заработавшая ножными рычагами алая паучиха втянула в себя паутинную нить, снова убравшись под потолок.

– Охренеть – озвучил мою недавнюю мысль Рэк, проводив взглядом паучиху – А их трахать можно? Или это извращ – орк с пауком?

– Идиот? – задала Йорка риторический вопрос, после чего переключилась на меня – Зачем яйца дебилу прострелил?

– Это не яйца – поправил я – Это была кнопка дверного звонка. Я вежливо позвонил. И вот мы здесь.

– Пнуть надо было!

– Не трать нервы и время на переживания о здоровье мелких ушлепков – ответил я, поворачиваясь на звук прибывшей лифтовой кабины – Тут наверху аврал. Все способные и дельные – здесь. Ликвидируют последствия. А на охрану лестницы поставили жалких неудачников. Так они и тут облажались, когда решили начать с бодания прибывших посетителей.

Чуть подумав, Йорка развела руками и кивнула. Редкий случай, когда она не нашлась чем возразить.

Из лифта выползло два паука – охранники давешние. Тоненько скулящего раненого поддерживал второй, что одарил нас мрачным взглядом, но не произнес ни слова. Возможно первый мудрый поступок в его тупой жизни.

– Ну и послание с его мошонкой передал – добавил я, проводив уковылявших взглядом.

– И какое? – заинтересовался таращащийся на свою ладонь Баск.

– Его сочащиеся кровью и никчемным семенем яйца громко и отчетливо заявляют – прибывшие гоблины агрессивны и смелы. Поэтому – поручите им соответствующую работу. Они справятся.

– Запомню – кивнул зомби и опять занялся шевелением разноцветных пальцев перед начавшим оживать глазом. Даже слюну пустил из уголка губ – настолько поглощен и счастлив.

Видите этого слюнявого дебила со счастливой ухмылкой пялящегося на собственные пальцы? Думаете конченный? Ан нет – ветеран отмеченный наградой за отвагу…

– Говномесы! Давайте топайте по той нити до упора! И быстро! А то пинками погоню! – вынырнувший из жидкого тумана паук болтался метрах в двух над нашими головами, уперев руки в бока, чуть разведя выпрямленные ноги и изо всех сил стараясь выглядеть значительной личностью. Отходящий от его ножной лебедки трос уходил вверх, проходя через простенький блок со шкивом, закрепленный на спине. Потому и мог висеть головой вверх, высокомерно поглядывая на нас сквозь прозрачный щиток

шлема. Облегающий желтый комбинезон не скрывал солидного брюшка и жирных ляжек.

Да почему ж так везет сегодня на кретинов?

– Хочешь я тебе анус прострелю? – лениво поинтересовался я, глядя вверх и неспешно приподнимая игстрел.

– Слышь ты… – паук пару раз дернул ногами, приподнявшись выше. Заодно схватился за приклад висящего на поясе игстрела.

– Завали жвала, Лепр! – хрипло прорычал из тумана наконец-то по-настоящему властный и жесткий голос – Тебе было сказано нести свою жопу на седьмой склад. Тут что делаешь? Харизму гоблинам показываешь? Возомнил себя важным?

– Да я услышал краем уха… вот и решил позвать…

– Свали нахрен – велел проявившийся из тумана паук в длинном красном плаще поверх черного комбинезона. Лебедку я не видел, но, судя по всему, она была установлена на спине и была электрической. Четыре удивительно длинные стальные лапы свободно свисали вниз. За огромным прозрачным забралом скуластое лицо подсвеченное белым – А вам день добрый, гоблины. В деле вас уже видел – наблюдали мельком за недавней бойней внизу. А ты неплохо в дерьме ныряешь – с легкой усмешкой заметил паук едва слышно зарычавшему Рэку – Прямо пловец. Но и дерешься неплохо. Как и остальные.

Чуть повернувшись, паук указал на почти горизонтальную трубу снабженную перилами:

– Как и сказал тот недоумок – топайте по этой нити до упора. Там площадка – на ней вас встретят и покажут, что делать. Оплата щедрая. Кормежка обильная. Работа опасная, но вам не привыкать. И работа надолго. Ну что? Шагаем? Или едем вниз?

– Мы уже шагаем – улыбнулся я – По этой нити и до упора. Прямо к опасной работе с обильной кормежкой.

Кивнув, черно-красный паук шевельнул пальцами и с едва слышным жужжанием электродвигателя поднялся унесся в туман. Мы же, не став терять времени, двинулись к трубе. В начале столь непривычной тропы задерживаться не стали. Шагнув первым, я схватился за тонкие натяжные перила и двинулся вперед, аккуратно ставя ноги в тяжелых ботинках. Мимоходом отметил, что, если начну соскальзывать – на перила лучше не надеяться.

– Выглядят круто – неожиданно призналась пыхтящая сразу за мной Йорка, за чье плечо уже привычно держался слепой зомби.

Обернувшись на мгновение, увидел подтверждающий кивок шагающего в непривычной для себя замыкающей позиции Рэка.

– Куча лап и техники – задумчиво проворчал орк – Крутые… и шлемы зачетные.

– Шлемы и мне приглянулись – согласился я, осторожно переступая показавшийся скользким участок трубы и не забыв показать на него остальным – Только подсветку внутреннюю вырвать к чертям – и вещь годная. Если выстрел штатного игстрела держит – вообще супер.

– Шлем стальной.

– А вот забрало пластиковое – напомнил я и, глянув чуть в сторону, рассмеялся и ткнул рукой – Гляньте. Это снизит градус паучьей крутизны.

Там было на что посмотреть. Под параллельно нам идущей толстой серой трубой висело два паука-сварщика. Один вниз, а другой вверх головой. Висели над затянутым бурым туманом Дренажтауном и были заняты весьма важным делом – опорожнением мочевых пузырей. Искристые желтые струйки весело летели на город… как там сказал тот недоумок? «Я тебе на темя ссал?». Ну да – можно спорить, что он не соврал. И вполне может быть что его моча могла туманной капелью оросить и мою макушку, пока мы бродили по стальным улицам Дренажтауна.

– Мудаки! – завопила зло Йорка.

Желтые струйки на мгновение прервались. На нас обратились испуганные подсвеченные лица. Но, разобравшись, что по соседней тропке шагает не начальство, а какие-то наземники, они заухмылялись и возобновили свое занятие.

– Шила вам в жопы! – не унималась гоблинша – Мы там ходим, а вы…

– А куда мне ссать, гоблин?! – неожиданно дал ответ один из работяг с седой щетиной – Я тут вишу по двадцать часов в день! Жру здесь, пью здесь, сплю здесь, болею и выздоравливаю здесь! Живу здесь, сучья ты дочь! Придет время – и сдохну здесь же! На ноги встаю только чтоб запасы пополнить, рабочий наряд получить и батарею подзарядить. И снова сюда – на паутинке болтаться! Так что мне делать?! В рот себе ссать? Вообще не ссать?! Да пошла ты! С-сука тупая!

Следующие метров сорок мы прошли молча. Потом все испортил не выдержавший и заржавший Рэк, схватившийся за искромсанный живот, согнувшийся, но никак не могущий прекратить хохотать. Беззвучно рассмеялся и я. Но надувшуюся мрачную Йорку добил вид с трудом сдерживающего смех прыскающего Баска.

– Да пошли вы все! – подытожила она и, толкнув меня, протиснулась мимо и решительно зашагала вперед.

Мы двинулись следом. Баск держался теперь уже за меня. А нас нагнал хриплый вопль тоже вдруг очнувшегося старого паука сварщика:

– Жизнь такая! Все срут и ссут на головы друг друга! Хочешь чистенькой и не обосратой ходить? Тогда нехер было рождаться низушком, раз эльфячьей жизни хочешь!

Обернувшись, я чуть опередил дернувшегося зомби и рыкнул болтающемуся на нити злому пауку:

– Уймись, мужик! Услышали мы тебя уже.

Тот лишь махнул рукой и принялся застегивать клапан старенького комбинезона. Болтающийся рядом напарник развел руками и помахал нам манипулятором с фонариком. Не обижайтесь мол. Накипело-нагорело в паучьей душе. Вот и выплеснулось.

– Бордель – крикнула вдруг Йорка.

– Вокруг? – уточнил я, одобряя ее быструю отходчивость.

– Внизу! Нарисовали же…

Глянув вниз, сквозь облако бурого тумана я увидел очертания улиц Дренажтауна, а затем разглядел Дом Копулы. Мрачный купол вздымался над улицами как саркофаг. По грязной стали стекали потоки жижи. А на вершине купала, то появляясь, то исчезая в испарениях и дожде, виднелся ядовито-желтый рисунок, изображающий двух приникших к друг дружке пауков с переплетенными лапами. Только вместо паучьих морд искаженные в сладкой истоме лица.

– Реклама она такая – заметил я и мы продолжили путь по громыхающей под ногами стальной тропе…

* * *

– Чуть плотней к плечу – скомандовал я, наблюдая за Йоркой – И жди. Жди… Жди я сказал!

– Бежит же! – гоблинша неосознанно задергала ногой, сама себе сбивая прицел – Прыгнет щас!

– Жди! – добавил я жесткости в голос – Жди… давай!

Щелк. Щелк. Щелк.

Две иглы мимо. Третья попала в чешуйчатый бок и завязла где-то под кожей, не причинив атакующему серому плуксу никакого вреда. Уже без напоминаний Йорка торопливо перезарядилась, вскинула игстрел, но выстрелить не успела – Баск ударил дубиной, пригвождая тварь к трубе.

– Дерьмо! – подытожила Йорка свой результат.

– Привыкнешь – не согласился я с такой категоричностью – Когда ведешь плукса прицелом – лучше чуть довернуть всем корпусом, чем руками водить. И веди плавно, а не рывками.

– Следующий тоже мой?

– Давай – согласился я, закидывая ноги на пластиковый ящик и опираясь спиной о теплую трубу – Баск. Ложись спать. Заживляйся.

– Есть, командир.

– Как глаз? Все так же?

– Ага. Но это уже неплохо! Я вижу! И даже цвета чуть различаю!

– Когда плукса бил – по слуху ведь целился?

– По слуху – признался зомби, забираясь в болтающийся гамак – Не привык пока.

– Ясно. Спи. Мы с Йоркой тут приглядим.

Баск затих. Неподалеку от него дрых в таком же гамаке Рэк укрывшийся дождевиком. Парням нужно хорошенько поспать, чтобы восстановиться хотя бы отчасти. И лучше это сделать сейчас – пока мы заняты непыльной и ненапряжной работенкой.

– Меня тоже в сон клонит – призналась Йорка.

– Через час – коротко ответил я и прикрыл глаза – Пока же мы полагаемся на тебя, боец. Потом сменю тебя.

– Хорошо – вздохнула Йорка и, не сводя глаз с единственного пути для плуксов, принялась бинтовать расписную руку.

Здесь жарко. На нас только майки – лишь Рэка знобит и он укрылся дождевиком, хотя по лицу стекают капли пота. Йорка предпочла футболку, но решила скрыть от чужих взглядов расписную руку.

– Не хочу ее отдавать – неожиданно заявила она, воткнув в меня сердитый глаз.

– Рука твоя – лениво приоткрыл я глаза на мгновение – Тебе решать.

– Вот именно! Моя! – она несколько раз сжала и разжала татуированные пальцы – Моя! И узоры красивые… а еще она сильная! В два раза сильнее этой – гоблинша ткнула пальцем в «старую» руку.

– Серьезно? – удивился я – В два раза сильнее? Не преувеличиваешь?

– Ваще никак. Рука мощная!

– Интересно – хмыкнул я – Раз нравится – не отдавай.

– А если опять из-за нее на нас нападут?

– Убьем их – буднично ответил я, скрещивая на груди руки и медленно погружаясь в сон – И всех следующих тоже. Не мешай дремать, гоблин. И не переживай так сильно – мы все равно сдохнем.

– Круто ободрил… ты ведь не вырубишься? Помогаешь приглядывать?

– Помогаю. Не дергайся.

– Легко тебе сказать. Ты стальной! Я такого крутого как ты в жизни не встречала. Тебе на все и на всех плевать. А я вот так не могу.

– На вас мне не плевать.

– Да я знаю. За нас порвешь. И рвал уже. Но… ты вот можешь так запросто мужику почти ни за что яйца прострелить. И ведь тебе плевать – сдохнет он или нет. Лопнуть и сдохнуть! Тебе просто плевать! И ведь я понимаю – так и надо. Мир такой. Жизнь такая. Так ведь тот старый паук мне орал? А я не могу. Как научиться?

– Стреляя – ответил я – Навела – выстрелила. Навела – выстрелила. И скоро станет плевать на корчащихся от боли гоблинов.

– Но так ведь нельзя!

– Кто так сказал?

– Ну… никто… но…

– Помнишь Джонни Льва? – приподнял я бровь – Ведь он никто. Просто жирный слизняк. Но ему и его кодле удавалось успешно доить таких как ты. Знаешь почему?

– Потому что я боюсь?

– Потому что ты мягкая – поправил я – Была мягкой. Вернись ты сейчас в прошлое – такую Йорку никакой Джонни Лев тронуть бы не посмел. Одной тропой бы с тобой ходить не стал. Потому что у таких гнид как он чуйка отлично развита. Он бы сразу понял – ты ему не по зубам. Ты дашь ответку.

– Прикладом по зубам! – оскалилась Йорка – Раз десять! Двадцать! Пока пасть вместе с деснами кровавым комом не промнется и не провалится ему в глотку! Даже думать бы не стала – сразу бить, бить! Сдохни!

– Ты меняешься. И меняешься быстро. Есть два варианта – либо ты продолжишь меняться и станешь такой как я, либо сдашься и предпочтешь отойти в сторонку и жить мирной жизнью. Сегодня у тебя и Баска был шанс уйти. Почему не ушли?

– Потому что ты мудак!

– Исчерпывающе. И где-то я это уже слышал.

– Не знаю почему не ушли! Не знаю! Но не знаю и почему иду с тобой дальше. Чем мы сейчас плохо живем?

– Чем мы сейчас плохо живем? – повторил я и тихо рассмеялся – Ты серьезно?

– А что? Настоящая теплая постель – только попроси. Шикарная жрачка. Рыба, гоблин! Рыба! Мы жрем настоящую рыбу! У нас теперь неплохое оружие. Я научусь стрелять – и с плуксами станет воевать еще легче.

– Вспомни себя – попросил я.

– В смысле?

– Вспомни себя недавнюю. Когда мы разобрались с Джонни и его ушлепками, когда создали группу, познакомились с Баском, когда началась регулярная подработка и мы все начали выходить из минуса – ты ведь тогда была счастлива. Помнишь?

– Конечно помню! Жизненное пике наконец-то закончилось. Спасибо тебе. Если бы не ты…

– Я не об этом. Ты тогда была счастлива. Да?

– Говорю же – да.

– Ну так давай вернемся – предложил я.

– Ржешь и жжешь? Опять твои тупые приколы? Я ведь с тобой по серьезному…

– Заткнись и слушай – рыкнул я – Какие приколы? Я тоже на полном серьезе – давай вернемся. На Окраину. В нашу родную тихую кляксу, где мы самые крутые перцы. Станем таскать ведрами серую слизь, ходить на зачистку плуксовых гнезд, получать дополнительные задания от системы, а иногда наведываться на славный семнадцатый перекресток и брать работу бурлаками – уже чисто для души. Давай. Собирайся, буди наших – и двинулись. Вернемся в счастливые места и времена. Заживем с улыбками на бледных харях. Готова?

Молчание…

Не став ее торопить, я поерзал и чуть сместился, чтобы видеть главную здешнюю достопримечательность. Работенку нам, как и ожидалось, выдали боевую и окраинную – запихнули на окраину Паутины, разместив на решетчатой площадке с перилами. Площадка примыкала к стене и использовалась как склад пустой тары – заставлена аккуратными штабелями пустых пластиковых ящиков. Наша задача заключалась в контроле дыры вокруг выходящей из стены красной горячей трубы с желтыми каплевидными отметинами. Не знаю, что за жидкость текла внутри, но иногда труба конвульсивно сотрясалась и начинала мелко вибрировать, отчего уходящий в стену конец дергался там как язык колокола. Скрип, звон, стон – труба ходуном ходила пару минут внутри дыры, после чего замирала на следующий неопределенный промежуток времени. Думается мне, именно по этой причине пустое пространство между трубой и стеной не заделали решетками – их бы смяло. Ну или трубу бы переломило. Через оставленные вокруг трубы пустоты и лезли вездесущие плуксы, причем не слишком большого размера – крупняку не протиснуться. Иногда выбирался и сразу пер в атаку один чешуйчатый гад, иногда два, куда реже три. Но самый частный вариант – содрогания трубы, смачный «чавк» в темноте за стеной, а затем стекающая по стене струйка зеленой крови и ошметки

размолоченного в фарш мяса. Все это дерьмо плюхалось на решетку под трубой и медленно просачивалось вниз.

Просачивалось бы.

Но нет – под трубой стоял большой ящик, выстланный пластиком. Там этот кровавый коктейль и собирался. Неподалеку еще два таких ящика – пока пустых. Когда заполнится первый, надлежало его сменить свежим и продолжить сбор «вкуснятины». Но перед этим воспользоваться закрепленным здесь шлангом и крутым кипятком как следует окатить трубу, стену и решетку, смывая кровавые потеки и выдавленное из плуксов дерьмо. Гигиена на уровне… Всех отстрелянных нами плуксов так же надлежало сдать работодателям. Одним словом – нас назначили на охрану мясомолки. Назначенный срок нахождения здесь – пять часов. Из них один уже позади.

Я очень доволен.

Бойцы отдыхают, а служба идет – причем на самом деле достаточно щедро оплачиваемая. За пять часов работы пауки предложили бойцам по сотне солов, мне же досталось полторы. Плюс обед и, как они выразились, «достойное место для отдыха».

А еще с этой неприметной площадки-склада открывался отличный обзор на Дренажтаун и на висящий над ним Лихткастил – дом и оплот паучьего племени, похожий на перезрелый деформированный фрукт со снятой по большей части кожурой.

Одного взгляда на Лихткастил мне хватило, чтобы понять несколько важных истин.

Это капитальная постройка из стали и пластика. Но это не запланированная капитальная постройка. Больше похоже на то, что когда-то давным-давно тут начали с малого, а закончили настоящей крепостью висящей над городом. Добрый десяток невысоких этажей, сотни огней, мало стен, много прозрачного пластика, несколько огромных вентиляторов гонящих на висящее ниже паучье гнездо воздух сквозь мелкую ячею решеток.

Я знаю где расположить несколько не слишком мощных зарядов взрывчатки и знаю в каком порядке их подорвать, чтобы вся громадина Лихткастила сорвалась с места и, разваливаясь в полете, обрушилась на Дренажтаун. Почти знаю – надо бы глянуть еще, с другой стороны, хотя, глядя на туго натянутые тросы, уверен, что надежной опоры у паучьего гнезда нет.

Я знаю, что вон с той кольцевой открытой галереи, опоясывающей все сооружение, открывается прекрасный обзор не только на любой уголок Дренажтауна, но и на Гиблый Мост, Стылую Клоаку и вход в Зловонку. Оттуда же легко увидеть и вторую Окраину – Край, что был отделен от Дренажтауна еще

одним каньоном, над которым нависла Улыбка Над Бездной – прогнувший в центре мост, выглядящий так, будто может обрушиться в любой момент. Со своего места я вижу, что второй каньон – Бездна – гораздо глубже бывшей Клоаки.

Лихткастил. Паучья крепость. Гроздь спутанных стальными нитями огоньков и платформ.

Там живет главный паук Мимир и его прекрасная паучиха Вэттэ…

– Не хочу – сказала Йорка.

– А? – очнулся я, с трудом возвращаясь к теме разговора – Ты о чем?

– Ты сказал – давай вернемся на Окраину и будем там спокойно жить. Мой ответ – нет. Не хочу.

– Не сможешь – поправил я – Разве что через силу себя заставишь. И от этого будешь страдать остаток жизни. Для нас возвращение на деревенскую Окраину – проигрыш. Да было весело сидеть в Веселом Плуксе, хлебать компот и бульон и рвать зубами жареное мясо. Но если дать тебе выбор – провести вечер в Доме Копулы или Веселом Плуксе. Что выберешь?

– Копулу! Рыба! Кровать! Красота. Безопасность.

– Так-то вот – грустно улыбнулся – К хорошему привыкаешь быстро. И терять это ой как обидно. Не позволяй себе привыкать к хорошему, Йорка. Не позволяй. Наслаждаться – наслаждайся. Живи моментом. Но не привыкай. А не привыкнуть тяжело – у Копулы под крылышком слишком уж спокойно, сытно и сладко.

– Так почему не остаться? Чем она плохой лидер? Или хочешь быть самым главным? Может ты просто неуживчивый мудак?

– Может и так – усмехнулся я и, приподняв игстрел, выпустил одиночную иглу.

Умудрившийся проскочить трубодавку серый плукс рухнул в ящик с кровавой кашей. Чуть поскребся там и затих. Второй плукс схлопотал две иглы от выстрелившей почти в упор Йорки и упал, но остался внутри трубы – а та сдвинулась и растерла тварь в фарш. Тягучие потеки с хлюпаньем шлепнулись в ящик, выругалась Йора, утирая лицо от брызнувшей крови.

– Не подходи близко – предупредил я.

– Иначе мажу.

– Не подходи близко – ровно повторил я.

– Поняла, командир – вздохнула Йорка, отходя на несколько шагов. Сняв с вершины штабеля ящик, перевернула, опустилась на него и затихла, глядя на затихающую трубу.

– Я не боюсь подчиняться – продолжил я – Но не каждому. Знаешь, чем плоха Копула как лидер?

– Откуда? Я же тупая гоблинша.

– Я в курсе.

– Сдохни!

– Копула остановилась. Она стара. И в душе хочет только одного – стабильного спокойствия во всем. Она уже не хочет развития, она уже никуда не рвется. Она всем довольна. А раз так – мне с ней не по пути.

– А ты рвешься… и куда?

– Да хрен его знает – признался я – Но для начала вон туда – вытянув руку, я ткнул пальцем в ярко освещенную паучью обитель.

– Лихткастил – произнесла напарница – Да кто нас туда пустит?

– Как кто? – удивился я – Нам вообще-то там должны выдать кучу солов!

– Как это? – вытаращилась на меня Йорка – За то, что плуксов здесь стреляем? И что? Какой-нибудь гоблин-паук покажет с какого банкомата снять денежку. И отправят нас вниз. Не на встречу же торжественную ты рассчитываешь?

– Как раз на нее – кивнул я.

Девушка рассмеялась, но я оставался абсолютно серьезным, и она осеклась. Поглядела на меня с полминуты. Попыхтела. И не выдержала:

– Колись!

– Паучий вождь Мимир публично пообещал пятьдесят тысяч солов за голову Понта Сердцееда – произнес я.

– Черт! Точно! Я же слышала это! – подпрыгнувшая девушка сделала нервный круг вокруг штабеля – Точно! И Понт тоже пообещал. Но… у нас нет головы!

– Технически – да – кивнул я – Но мы убили Понта. Вытащили его труп и сдали его системе. И я уверен, что в этот момент за нами пристально наблюдали. Так же как наблюдают прямо сейчас.

– За нами? – дернулась Йорка – Кто? Откуда?

– Паучиха и паук – ответил я и снова указал на Лихткастил – Оттуда.

– Да зажмет он денежку!

– У него нет такого шанса – отозвался я – Ни малейшего. Он вождь. И он пообещал. Причем об этом знают не только пауки, но и все окрестные гоблины. У него только один вариант избежать уплаты.

– И какой?

– Убить нас. Трупам деньги не нужны.

– И зная это ты затащил нас прямо в паучье логово?!

– Ага. Ты на трубу смотри. Мандарины поперли.

«Поперли» не совсем верное слово. Умные оранжевые твари понимали, что пространство вокруг временно неподвижной трубы смертельно опасно. И были вынуждены действовать быстро. Попытались проскочить, ведя за собой двух серых и одного красного плукса. Увидев, насколько сплоченно они передвигаются, я снял с пояса малыша-пиги и не пожалел пять игл ради оценки кучности. Йорка добавила своих три иглы. Две иглы легли в цель. Последний издыхающий плукс выкарабкался из ящика, весь облепленный кровью и ошметками мяса побалансировал на краю и шлепнулся обратно, где и затих.

С гудением подплыла настенная полусфера. Просканировала нас зелеными лучами, мигнула лампами фонарей и уехала. Хмыкнув, я забрался в меню заданий и удовлетворенно кивнул. Вот это я и называю командной взаимовыгодной работой. Уверен, что еще полминуты назад в разделе были другие задания, но теперь я этого уже никогда не узнаю. Сейчас же красовалось задание на охрану технической платформы 229ВА на протяжении следующих трех часов. Начало выполнения – через четверть часа. Только что мы подрядились выполнить ранее уже оплаченную работенку – за дополнительную плату в восемьдесят солов на рыло. А пауки платят по стольнику – то есть ненамного, но все же больше. Плюс кормежка.

– Не даст он денег! – буркнула Йорка, перезаряжая игстрел – Не даст.

– А че ты за него решаешь? – удивился я – Пусть он сам решит. Ну или за него.

– Кто?

– Ты когда-нибудь успокоишься?

– Я спать хочу!

– Спи – сдался я – Посторожу.

– А не вырубишься? – с подозрением глянула на меня Йорка – Может все же посижу?

Все бы ничего. Даже трогательно. Вот только говоря эти слова она уже вытягивалась во весь рост на шустро составленных ящиках и поворачивалась на бок – ко мне спиной. Так что незачет.

Вытащив из рюкзак початую бутылку воды, неторопливо раскрошил в него таблетку изотоника. Под язык запихнул оранжевый кругляш энергетика. чуть ниже надвинул козырек бейсболки, закинул ноги на ящик и замер с игстрелом наизготовку, делая небольшие глотки и неотрывно глядя на Лихткастил.

Посмотрим, как пойдет. Посмотрим…

* * *

На задворках небесного царства мы проторчали в итоге тринадцать часов. Не успела подойти к финалу первая работенка от пауков, а они уже предложили взять и вторую смену тут же. Причем без отдыха. Но с доставкой сюда пищевых кубиков и воды с парой таблеток шизы.

Предложение передала прибывшая четверка рядовых пауков заодно забравших ящики с кровавым месивом и дохлых плуксов. Каждый из явившихся имел ранения. У двух не все пальцы на руках, третий со сплошь забинтованным лицом – торчит только целый на вид нос – четвертый хромает на обе ноги. Одеты просто – штаны или шорты, плюс старые футболки. Никакой фирменной паучьей сбруи с лебедками и стальными лапами. Никаких шлемов. Короче – обычные гоблины, просто живут этажом выше.

Самым говорливым оказался мужик с забинтованной харей. И самым наглым. Он начал с того, что приказным тоном велел остаться на вторую смену и швырнул на ящики две литровые бутылки воды и четыре самых дешевых и каких-то замусоленных с виду пищевых брикета. С размаху хлопнув себя по паху – мне самому невольно больно стало – он топнул ногой, дернул башкой, мастерски харкнул на лежащий ниже город и хрипло заявил – остаетесь еще на шесть часов, оплата такая же, вот хавка и вода.

Оценив подношения – особо внимательно я изучил действительно оказавшиеся покрытыми коркой грязи пищевые кубики, я изумленно уставился на пауков. Просто проверял – это предел наглости рядовых сошек? Или?

Оказалось – не предел.

Приняв мое молчание за согласие, забинтованный харкнул еще раз и, повернувшись к нам спиной, велел двоим из нас отлучиться на время – чтобы донести ящики с кровавой кашей до во-о-о-он того перекрестка труб. И мотивировал это тем, что небесные воины ранены. Я не сразу сообразил, что этот рыхлый хрен подразумевал под «небесными воинами» свой гребаный квартет небесных клоунов получивший мелкие царапины.

Тяжко вздохнув, я глянул на давно уже закипевшего Рэка и неспешно произнес несколько коротких доброжелательных слов: «Вбей в бинты гребаный нос этого хренососа!». Обрадованно оскалившись, орк схватился за дубину, сделал пару шагов и вбил нос обернувшегося хренососа в бинты. Не промахнулся. Сплющил так сплющил. Не было даже крика – забинтованный отрубился и хряпнулся на решетку сгустком загустевшего дерьма. И затих.

Я же, глянув на обалдело замерших жадных ублюдков, велел

рассказать им все так, как им было приказано сделать изначально. И заодно отдать то, что было велено отдать. Пауки замялись. И в дело вступила Йорка, опробовав на двух пауках показанный мной прием – хлесткий удар дубиной под колено. Без шипов, само собой. Бахнувшись коленными чашечками о решетку и зайдясь в визге, двое ушибленных показали прекрасный пример последнему – хромому. И тот запел уродливым соловьем.

На самом деле им велели передать нам просьбу вежливо. Дождаться согласия. Если мы будем против – не настаивать и пригласить на обед на нижний ярус Лихткастила.

Им велели принести нам двенадцать отличных красных пищевых кубиков, восемь таблеток «шизы» и четыре бутылки воды. Но они решили все поделить между собой, а нам бросить пару бутылок воды и четыре старых пищевых кубика. Эти кубики прошли через десятки потных лап – использовались как ставки в азартных играх.

Им велели самим тащить кровавую кашу в зверинец великой Вэттэ, но ящики тяжелые, а дорога неблизкая. Поэтому они решили, что будет справедливо, если половину пути ящики протащат грязные гоблины.

Ах да… еще им велели передать, что нашу оплату повышают на двадцать процентов – на вторую смену. Но они решили этих добрых вестей не передавать, а потом хвастливо заявить, что они «перетерли» с гоблинами и те с радостью согласились продолжить работу по старой ставке.

Выслушав, я кивнул Рэку. И тот, чуть поморщившись от боли в животе, нанес сокрушительный пинок по соловьиным яйцами. И снова выбил страйк – никакого крика, сразу потеря сознания. Как-то даже неинтересно… а где боль, слезы и бесноватые корчи?

Выждав несколько минут, я вежливо попросил паучье племя встать. После чего указал на перевернутый ящик и велел выложить на него все то, что нам причиталось. Заодно предупредил – обнаружу одно пятнышко грязи на нашей еде и сломаю руку любому на выбор.

Когда мы, нагрузив их начавшей пованивать ношей, отправили пауков прочь, по руке было сломано у всех четверых – одно пятнышко, пятое, я им великодушно простил, ограничившись тем, что сломал забинтованному два мизинца.

Сложновато им будет все донести и не уронить это на и без того заливаемый дерьмом Дренажтаун, но… какое мое дело?

Зато немного размялись – я заставил каждого из бойцов сломать по паучьей лапе. И сам не забыл принять участие, заодно посмотрев, как и кто это делает. Тоже ведь многое говорит о характере.

Рэк не удивил – шарахнул дубиной наотмашь. Ему повезло, что не переломал бедолаге заодно и ребра. Хотя… да плевать. Эти ублюдки приняли нас за дерьмо и пытались накормить нас дерьмом.

Баск удивил. Вежливым голосом, улыбаясь, он попросил своего «пациента» опуститься на колени и положить руку на два чуть раздвинутых ящика. Когда перепуганный паук – уже понявший, что с ними не шутят – перепугано замотал головой – Баск тем же тоном попросил помочь Рэка и Йорку. Упирающегося ушлепка уронили коленками на металл, вытянули его руку. И зомби, пощупав всего один раз и докторским тоном попросив не дергаться, долбанул дубиной, сломав с первого раза.

Йорка не удивила. Снова замялась. Хотя начала неплохо – пойдя методом Баска. Но когда настал момент нанести удар и нанести увечье беспомощной жертве – у ней сработал блок. Ей потребовалась пара минут, чтобы преодолеть внутренний стопор и нанести слишком слабый удар. Ушиб, но не перелом. Справилась со второго раза. И как результат – ее жертва испугалась в два раза сильнее других и обделалась в придачу. А мы только начали отвыкать от вони…

Моя жертва сорвалась с места и попыталась побежать. Легко догнав, повалил, сломал руку, снова поднял и погнал нагружаться. А когда они наконец убрались прочь, сдал выполненное задание по охране платформы системе, после чего принял точно такое же, отчего испорченное жадными слизняками настроение снова улучшилось. С аппетитом пообедав, я усадил выспавшихся бойцов на ящики и, прохаживаясь перед ними, провел короткую лекцию о том, почему никогда не следует жалеть ублюдков крысячничающих чужую еду и ни во что тебя не ставящих. Следом, пока внимание слушателей не ослабло, ознакомил их с нашей новой тактикой – раз уж стрелков и зрячих глаз добавилось.

После чего загнал всех за штабеля ящиков и заставил эту тактику отрабатывать, прерываясь на отстрел плуксов. Следующие два часа ушли на физические упражнения. И снова сон – на этот раз первым вырубился я, позволив себе девяносто минут полноценного отдыха на полный желудок.

Проснувшись, отправил спать всю команду, сам же провел время в размышлениях, глядя на утопающий в вечном дожде Дренажтаун и рассматривая стальную паутину, работающих на износ пауков-трудяг и пытаясь угадать что же это за зверинец такой у великой паучихи Вэттэ….

Ну и поглядывал в сторону участка небес, откуда продолжал низвергаться водопад. Что там произошло?

Когда мы выполнили второе задание системы, завершили вторую смену и сдали пост прибывшей четверке донельзя вымотанных пауков в сбруях с исцарапанными пластинами брони, нас направили на верную дорожку – ту, что вела прямиком к Лихткастилу.

* * *

Переходя с одной трубы на другую, поднимаясь, опускаясь, гораздо реже шагая по горизонтали, мы без происшествий добрались до края широченной и явно самопальной, но при этом прочной огромной решетчатой платформы идущей по нижнему краю паучьей крепости. Отсюда Лихткастил уже не казался перезрелым фруктом со снятой кожурой и обнаженной прозрачной начинкой. Нет. Теперь он выглядел тем, кем и являлся – почти бесформенной грудой висящего в воздухе металла и пластика с кучей тросов, проводов и огоньков. С тросами непонятно – их сотни. Примерно половина туго натянута, тогда как другая провисает.

Полусферы наблюдения – в наличии. Их тут две. Одна висит над участком платформы перед входом в стальную крепость. Другая мотается по кругу – пока шагали, я подсчитал и у меня вышло, что на один полный оборот у мелкой полусферы уходит четыре минуты. При этом она движется достаточно быстро – хотя возможно и задерживается на некоторых участков для более пристального осмотра. Так же возможно, что с другой стороны постройки имеется еще одна стационарная полусфера.

Спустившись с очередного «холма», вибрирующего от напора проходящей сквозь трубу жидкости, мы ступили на выстланную листовым железом широкую дорожку ведущую прямо к главному входу – высокой тройной арке украшенной вырезанными из стали узорами. Хороший сварщик постарался – или целая бригада. Показали, что не только дыры в трубах латать умеют.

Пройдя по дорожке до ближайшего поворота, мы свернули на куда более узкую и неприглядную тропку, что привела нас к указанной скромной и гостеприимно распахнутой двери. В лицо ударил волна нагретого и напитанного кухонным запахом воздуха. Еще пахло потом и самогоном. Когда мы миновали двойную штору из нарезанного полосами зеленого пластика, оказались ровно там, где и ожидалось – в столовке. Десятки столов и лавок, имеется второй этаж куда ведет сварная широкая лестница.

Слева от входа длинное и широкое пустое на вид помещение.

Но следующий взгляд показал, что помещение лишь кажется пустым – тут полно специальных свисающих с потолка крюков, вдоль стен тянутся приваренные лавки. Здесь прибывшие перекусить пауки избавляются от четырехлапой стальной сбруи. И здесь же сидят три донельзя мрачных и донельзя морщинистых старика с бдительными пронзительными глазами и лежащими на коленях игстрелах – приглядывают за добром. Тоже понятно зачем – на паучьей сбруе висят сумки, рюкзаки, оружие и прочее добро. Вдруг кто позарится и украдет – а репутации заведения урон.

– Проходите, гости дорогие! – к нам подскочил настолько знакомый по неприметной внешности и повадкам парнишка, что я невольно вздрогнул.

Показалось, что сюда явился на подработку вышколенный служащий из борделя Копула – услужливый парнишка, что с равной учтивостью покажет дорогу к завтраку и предложит пакетик с наркотой.

– Столик уже накрыт – продолжал тараторить паренек – Вещи и оружие можете оставить здесь на любом из крюков. Присмотрят. У нас в Скайбубс ничего не пропадет, уверяю вас. Но если не желаете – прошу пройти так. Вас велено не заставлять.

– Почему же? – улыбнулся я – Оставим. Дедушки приглядят. Душ принять где можно?

– Вот тут – неприметный парнишка указал на еще более неприметные три узкие двери в паучьей «гардеробной».

– Ближайший торгмат далеко? – поинтересовалась Йорка.

– На лифте – пара минут вверх – ответил служащий, благоразумно не ставший уточнять чего именно желает прикупить грязная и потная девушка, запятнанная зеленой и красной кровью – Однако я могу пригласить кое-кого. Славную паучиху торгующую разным. Цены приемлемы – наценка не выше десяти процентов.

– Зови – решила Йорка и уселась на скамью, явно решив отложив принятие душа.

А мы откладывать не стали. Не то чтобы я прямо чесался от грязи – мною двигало любопытство. Гардеробная – самодельная. Видно, что ее сваривали по частям из различных по форме и размеру стальных листов, труб и арматуры. Сделано качественно. Но это самострой. А душевые?

Скинув снаряжение и одежду, развешав все на двух крюках, остался в трусах и подошел к двери. И стало ясно – душевые тоже самодельные. Дверь не открылась сама и на ней красовалась небольшая ручка.

– Лови! – старый паук махнул клешней, и я едва успел

поднять метко пущенный кубик.

Принюхался. Мыло. Едва заметный цветочный запах. Старый паук ощерил редкие желтые клыки:

– Из гоблинских сучьих жирных жоп сварено.

– Прямо мое любимое – растроганно улыбнулся я и дернул дверь.

Достаточно просторная кабина. Сталь вокруг. Под ногами решетка – и я вот вообще не удивился, увидев под ногами крыши Дренажтауна. У дальней от двери стены самодельный стальной унитаз. Над головой раструб душа, свисает тросик с гайкой на конце. Дернул… и мне на голову обрушился щедрый поток теплой воды. Ясно…

Что ясно?

Что пауки не только ссут на темя городских жителей. Они еще и моются прямо над ними.

И что делать? Проявить моральные принципы? А то я как раз ощутил позывы организма требующего срочно освободить место в кишечнике, раз уж намечается сытная и вкусная жрачка.

Отключив душ, я почесал мокрый затылок, поглядел под ноги и, пожав плечами, уселся на мокрую сталь унитаза. Что решат мои жалкие отходы против тонн вечного дерьмопада, что обрушивается на Дренажтаун?

Вот я и приобщился к обществу тех, кто срет и ссыт на головы нижних слоев социума. И что? Меня уже можно приобщать к элите общества?

И что же это за бред такой? Чей это шизофренический бред такой?

Грязный гоблин ссыт на небесах и смывает с хари зеленую кровь. Все это льется на зонтик изящно ступающей в высоких гэта красивой гейши спешащей по мрачным улицам Дренажтауна; проходит сквозь пальцы цедящих вонючую жижу хтоников выискивающих почву для могил кладбища Шартрез; оседает взвесью на линзах защитных очков усталой сукки вышедшей из Гнойки в надежде соблазнить видом увядшей голой красоты в прозрачном дождевике какого-нибудь работяг; падает на голую спину пытающего ползти плачущего червя, что сегодня лишился последней конечности…

Что не так с этим гребанным миром?

Или все так? Может это со мной что-то не так раз я считаю это неправильным, тогда как остальные просто живут и принимают это как должное?

Может мне стоить прекратить думать о судьбе мира пока сижу на мокром стальном унитазе, подпирая подбородок окровавленным кулаком, глядя свысока на город под ногами?

Отмоюсь лучше хорошенько и погляжу чем героев Клоаки и Зловонки собрались потчевать пауки за ужином…

Глава четвертая

– Здесь супер! Супер! – обжигаясь, шипя через слово, обливаясь зеленой слюной, заявила мне Йорка, заодно оросив щеку сидящего рядом Баском сложной смесью из съеденного ей только что основного блюда и многочисленнейших закусок.

За спиной неугомонной напарницы громоздилась целая куча непонятных свертков и сверточков, упакованных так бережно, что не угадать содержимое.

– Жить надо здесь! – припечатала Йорка, с огромным трудом проглотив содержимое набитого рта. На секунду мне показалось, что я буквально вижу прокатывающийся по ее мокрому от испарины раздувшемуся горлу комок – Лопнуть и сдохнуть! Они живут как трахнутые короли! Они тут жируют! Жируют! Вот она жизнь!

Неспеша прожевав, я хмыкнул и нацепил на вилку крохотный кусочек особо привлекшего меня угощения – доедал пятую солидную порцию и собирался попросить еще. По лицу обильно стекал пот, нос терзали ароматы, горло горело от невероятно острой еды, глаза жгло, а в ушах что-то потрескивало. Как сейчас себя чувствовал желудок я не знал – его завалило едой, и он обреченно затих как раздавленный, медленно истекая желудочным соком. Несварения я не боялся. Я гоблин. Переварю.

– Я восхищаюсь этими многолапыми суками! – не могла уняться Йорка, подвигая к себе огромное блюдо, но смотря при этом через плечо – проверяя, не сперли ли накупленное. Разумное наследство Окраины…

В столовой помимо нас насыщалось не меньше пятнадцати пауков. Усталые, вернее измотанные, а еще вернее – истраханные непосильной работой – они, уперев локти в столы, неспешно, но жадно жрали, а их мрачные лица говорили о многом. И в том числе о главном – не давайте повод. Ведь мы настолько задолбались, что дай малейший повод – и огребете по полной.

Поэтому я ничуть не удивился, когда из-за ближайшего столика поднялось два дюжих и временно неполнолапых паука, которые, грозно разведя руки и будто специально косолапя, шагнули к нам, нацелившись на Йорку – пославшую в пространство восхищенное «суки многолапые». От стены отлип худощавый и неприметный парнишка, местный служитель, успевший организовать для нас немалое. Но он не успел подскочить к решившим разобраться паукам – Рэк приподнял от стола оскаленную и перепачканную зеленым харю, смерил шагающих презрительным взглядом и злобно захрипел:

– Что такое, сучки? Обидели слова нашей подружки, и вы решили устроить тут бабью потасовку? А свой сучий маникюр подровнять не забыли, дешевки? – в лапе орка опасно сверкнуло лезвие ножа – один из наших страшно выглядящих свиноколов – Губки подмазали? Ну, суки обидчивые?! Че замерли? Шагай сюда, хрень небесная! Кишки выпущу, с-сук-ки!

Пауки явно были не прочь смахнуться на кулаках. Можно и коленом по зубам. И головой о полированный метал столешницы. Были готовы и предложить такое и получить в ответ. Но только-только поевшим пузом на острую сталь…

– Нож убери – предложил паук постарше.

– Нахрен свалите и не мешайте гостье восхищаться – столь же спокойно предложил я и легко выдержал оценивающий взгляд.

– А если я тебе предложу ответить за слова своей сучки? Один на один? – голос явно не привыкшего сдавать назад паука зазвенел металлом. Жиденько так. Будто струя мочи звенит по тонкому листу жести.

– А если я предложу тебе прямо сейчас отрезать себе язык, засунуть его себе в задницу и, ритмично дергая жирной жопой, уйти танцующей походкой в небо, пообещав, что не стану догонять и ломать тебе долбаный хребет? Разве не щедро с моей стороны?

– Ты кто млять такой? Я Фрез Варщик! Паук!

– Обычный гоблин – лениво ответил я, опуская глаза к остывающей еде – Свали, упырок. Ты ведь вроде в паре мест даже похож на мужика. Если не станешь цепляться к бабьим словам – станешь похож еще сильнее. Подумай.

– Сейчас я схожу за лапами – усмехнулся паук – Оденусь, застегну все карабины и липучки. Прихвачу свой любимый и отменно наточенный трахальщик гоблинов и вернусь. Ты подожди, гоблин насрать мне как там твое сраное имя.

– Его сраное имя – Оди – вставил незаметно подошедший – незаметно для пауков – служитель – Он убил Тролса и Понта Сердцееда. А с ним его команда – они вчетвером зачистили Зловонку, спустив по дерьму столько трупов, что желоб забило нахрен. Да ты прямо смельчак, Фрез! Я ведь правильно услышал – ты бросаешь гоблину паучий вызов? Сцепка?! Объявляешь сцепку до смерти? Озвучь как следует.

– Э… – сказал паук.

– Да вроде да – продолжил служитель и, неожиданно хлопнув в ладони трижды, сцепил пальцы и поднял сцепленные ладони над головой – Фрез Варщик объявил Сцепку гоблину Оди! Слышали пауки?! Сцепку до смерти!

– Нет! – звук дребезжащего металла бесследно исчез из

голоса паука – Не объявлял! Я… я…

– Он просто хотел показать гостю свои лапы и оружие! – помог его друг и, схватив Фреза за плечо, потащил обратно к столу – Его неправильно поняли. Пауки! Никто не хочет крови! Фрез просто хотел похвалиться! Бригада Небесных Трудяг не ищет ссор, вы нас знаете! А Фрез не желает никому зла – и это вы тоже знаете!

По столовой прокатился легкий гул согласия.

– Он просто хотел показать им свои лапы и оружие… – повторил паук, усаживая приятеля за стол – С нас две бутылки лучшего здешнего пойла! Угощаем наших гостей от души! Без обид!

– Вопрос исчерпан? – глянул на меня служитель – Он угрожал лапами. У нас это серьезно.

Отметив новую информацию в памяти – а сказано было немало интересного – я лениво взмахнул рукой:

– Никаких претензий. Всем приятного аппетита.

– Лапы он показать хотел – громко проворчал Рэк – Хорошо не жопу голую – вот бы мы насторожились.

– Все равно здесь здорово! – вернулась в беседу Йорка и плеснула себе и Баску пятьдесят грамм паучьей бормотухи – Эй! Фрез трахальщик! Ты живешь в хорошем месте, придурок тупой! Радуйся! Молодец!

– Э… спасибо… – поблагодарил внезапно улыбнувшийся паук и я с удивлением увидел, что его щеки налились румянцем. Эк его проняло…

Хотя нельзя отрицать, что Йорка, подкачавшаяся, убравшая болезненную худобу, выпрямившаяся, с сияющими глазами и распущенными волосами выглядела как прекрасный цветок в этой стальной помойке. Да и оделась – вернее с удовольствием разделась – в еще более миниатюрные шортики, узкий топик, кеды на босу ногу и тонкий желтый браслетик.

– Ой – вздохнул Баск, разжимая руку и роняя на стол шило – Задрали вы все. Йорка! Чавкай дальше. И мне дай поесть спокойно.

Голос слепого зомби – уже почти слепого – звучал абсолютно спокойно. Никакой фальши. Он на самом деле спокойно ждал разведки и был готов вступить в дело при нужде. Но тут нет ничего удивительного – Баск прошел жесткую школу выживания на Окраине вслепую. Мы как раз собирались в ближайшее время найти и щедро отблагодарить одну суку, из-за которой это все и случилось…

Раздумывая о том, осталось ли в желудке еще хоть немного свободного места, я уже было решил, что эта короткая и

бессмысленная потасовка не будет иметь каких-либо последствий. Да и с чего? Усталые работяги тоже право имеют – порычать, оскалить мелкие кривые клыки, дать понять, что и они что-то чувствуют. Да и пусть себе.

Но я ошибся.

Последствия были и проявились спустя минут пять после потасовки – в столовую зашла небольшая группа торжественно выглядящих пауков. Все бы ничего – может пожрать заскочили – но впередиидущий бережно нес перед собой стальной сверкающий ларец. Я заинтересовано наблюдал за происходящим и сразу допер, что это как-то связано с нами – больно уж красноречивые взгляды на нас бросались. Группа опрятных пауков уселась за свободный столик и зашушукалась. Взгляды в нашу сторону участились. А это раздражает – я тут неторопливо жую и пью, наслаждаюсь, а на меня издалека давление безмолвное оказывается – сколько можно жрать, гоблин ты тупой? Хватит уже! Завали чавкалку!

Не выдержав, приподнялся и, с вежливой улыбкой поинтересовался:

– Вы не к нам?

– К вам! – подскочил паук неопределенных лет и, демонстративно показывая пустые лапы, подошел ближе, остановившись шагах в трех, дав себя рассмотреть.

Подтянутый. Моложавый. Ему может быть как сорок так и пятьдесят. Что поразительно – на нем белоснежная рубашка, а на нагрудном кармане красная эмблема – паук оплетающий лапами большую закрытую книгу шестью лапами, твердо стоящий при этом человечьими ногами на чьем-то чуть сплющенном трупе. Как много тут всего… верхняя часть от насекомого, иззубренные жвала нависают над фолиантом, когтистые и шипастые лапы держат книгу крепко, мощные ноги в рабочих ботинках попирают раздавленный труп в луже крови. Что это за эмблема может быть?

Догадавшись, я щелкнул пальцами:

– Вы из фонда переписи гоблинского населения?

Поняв шутку, паук широко улыбнулся:

– К сожалению нет. Мы из ПауПам.

– Откуда? – удивленно спросил Баск.

– Паутина Памяти – терпеливо повторил паук – Мы те, кто ведет мировую хронику, запечатлевая в ней памятные события, записывая имена вождей, злодеев и героев. Несколько минут назад нам сказали, что в Скайбубс обедают те самые знаменитые жители Окраины, что совершили немало подвигов. И мы тут же поспешили сюда.

– Угу… – кивнул я – И?

– И у нас есть небольшая и все еще работающая реликвия. Фотоаппарат. Моментальная фотография.

– Пленочный? – прищурился я, пытаясь вычленить из памяти хоть что-то.

Я знал, что такое фотография. Кусок пластика с изображением. Поэтому медленно кивнул, лихорадочно соображая, какие интересные перспективы это передо мной открывает. Паук тем временем продолжал:

– Мы старательно записываем все значимые события.

– И давно записываете?

– К-хм… я занял свое место два года назад. До этого фотоаппарат использовался редко, а некоторое время вообще считался утерянным, пока не был найден в пожитках сдохшей старой паучихи Кошщары. Вот уже как два года мы стараемся вести хронику.

– Два года – скривился я, не скрывая разочарования.

– Но фотографии делаются уже много десятилетий.

– Откуда фотоаппарат?

– Он был найден случайно. В одном из трубном засоре – по сути, большой контейнер с фотоаппаратом, запасом запасных частей и расходными материалами и послужил причиной засора. Чудо случайно явившееся в наш засранный и холодный, но такой родной мир.

– Контейнер не промок?

– Ни капли дерьма! – какой-то коротышка вякнул так радостно, будто сам все видел.

– Ни капли – подтвердил главный.

– Присаживайтесь – указал я на скамью перед нами, не забыв при этом о широкой приветливой улыбке.

Тот не стал спорить и уселся. Остальные остались за своим столиком. Только коротышка встал за плечом главного. Верный ассистент, что коротко выслушал пожелание босса и тут же метнулся к служителю.

– Чудо – повторил паук, чтобы возобновить разговор.

Хмыкнув, я проворчал:

– В трубе был найден тщательно закрытый герметизированный контейнер с фотоаппаратом, запасными частями и расходными материалами. Если ты считаешь это случайностью или чудом – ты просто тупорылый упырок в чистой рубашке.

– Глупо строить теории – их не подтвердить – спокойно ответил паук, доказывая, что обладает умом и терпением.

– Так что вы хотите от нас?

– Рассказ о событиях в Клоаке и Зловонке. И разрешение

сделать с вами фото. Групповое.

– Для вашей хроники?

– Да. Ваши имена войдут в историю.

– И что мы получим взамен? – продолжил я.

– Ваши имена…

– Да насрать мне – поморщился я.

– К-хм… ну… а что бы вы хотели?

– Увидеть фотографии – тут же ответил я – Все до единой.

Паук облегченно заулыбался:

– Да мы их всем показываем! Будем только рады!

– Все до единой – повторил я с нажимом.

Улыбка паука чуть поблекла:

– Некоторые из фото мы храним. Это исторические документы. Но показывать их…

– На фото запечатлены те секреты пауков, что могут повредить вам?

– Конечно нет. Речь о очень старых фотографиях.

– Отлично. Так я могу их увидеть? Прямо здесь? Взамен же получите от нас подробный рассказ со смачными кровавыми деталями. И групповое улыбающееся фото.

– Вполне приемлемо. Предупрежу сразу – фото мы делаем редко. И когда это случается – в кадр постараются попасть все, кто сможет влезть. А фото делаем с максимального расстояния – лишь бы лица можно было различить. Поймите правильно – это шанс запечатлеть свои лица для потомков.

Ну да – в стальном мире нет возможности запечатлеть свой внешний облик.

– Не проблема – кивнул я – Несите фото! Все до единой.

– Конечно.

– А вот они – я поочередно ткнул пальцем в Йорку и Баска, что наконец-то насытились – С радостью расскажут все детали нашего похода в Стылую Клоаку.

– А? – не выразила Йорка большой радости – А че я?

– Неохота – признался и зомби – Но раз надо.

– Надо.

– Расскажем – вздохнул Баск – Начинать?

– Секунду! Я должен позвать остальных – для запоминания и записи.

Паук из ПауПам замахал руками, но я его поспешно остановил:

– А давайте мы к вам?

– Так даже лучше – согласился тот, оглядывая наш заставленный тарелками стол.

Через пару минут все организовалось. Рэк вытянулся на лавке

и отключился. Йорка с Баском перебрались за другой столик и их тут же окружили пауки. Туда же мигом подтянулись остальные посетители столовой, подтащившие столы. В результате образовался паучий плотный круг с гоблинами в центре. На стол встало несколько бутылок и кувшинов – чтобы рассказчикам было чем смочить горло. И понеслось.

Я же остался за столом в одиночестве – дрыхнущий Рэк не в счет. Остался здесь намеренно – давал шанс явно ждущему подходящего момента служителю наконец-то высказаться и заодно собираясь переварить еду и информацию.

Тут было над чем подумать.

Пауки – на ступеньку выше Дренажтауна. Во всем. Включая товары, еду и прочее. Само собой это заметно только для состоятельных или хотя бы неплохо зарабатывающих пауков. Как я понял, накормившее нас заведение Скайбубс относится к разряду недешевых. Обычный работяга вряд ли может заявиться сюда и позволить себе подобный обед.

На обед нам подали два огромных блюда с тушеным мясом – как основу. И обставили блюда неимоверным количеством мелких мисочек, контейнеров и тарелочек с разноцветными закусками. Сладкие, кислые, острые… На края стола поставили два подноса с подрумяненными тонкими лепешками. В результате столовыми приборами пользовались только если надо было дотянуться до дальней тарелки. Зачем вилка, если можно на лепешку плюхнуть кусок мясо, навалить сверху обжигающей закуски и отправить все это в рот?

Я и так был впечатлен. А когда к нашему столу доставили здоровенную плоскую тарелку с жареными яйцами…

Настоящие яйца. Огромные – одно жареное яйцо с две мои ладони, при этом толщина с палец. Мощный и яркий зеленый белок – потрясающий на вкус. Эта еда покорила меня. Яйца… настоящие яйца…Мы заказывали их трижды. А чего переживать, если нас несколько раз предупредили, что наша трапеза оплачена заранее и мы можем себя ни в чем не ограничивать. Вот мы и не ограничивали…

После этой еды я знал одно – яйца должны войти в мой постоянный рацион. А еще – мое желание увидеть зверинец паучихи Вэттэ усилилось.

Что еще?

Ритуалы. Обычаи. Кастовость. Все это у пауков в наличии. Причем выпячено куда сильнее чем на Окраине или в Дренажтауне. Тут потребуется немало времени, чтобы разобраться – но у меня такого желания не было. Просто отметил себе, как факт. И заодно отметил в голове их способ подавать

еду – в десятках мелких мисочек и самого разного вкуса. Это не может быть случайностью. Это тянется откуда-то из прошлого. И мне это кажется знакомым. Очень знакомым.

– Фото – на очищенный от тарелок и протертый официантками участок стола бережно опустили небольшой контейнер с плотной закрытой крышкой – Предупреждаю – некоторые фото…

– Посмотрим – улыбнулся я, придвигаясь ближе – Посмотрим.

Именно этот момент выбрал служитель, что тихо шепнул, пока убирал оставшиеся пустые тарелки:

– Через два часа вы приглашены к вождю Мимиру. На бал.

– На бал? – переспросил я.

– Бал – кивнул прилизанный парнишка и попятился – Ваши костюмы уже готовятся.

– Прекрасно – буркнул я – Чем выше – тем причудливей.

Как оказалось новость была передана не только мне, но и остальным бойцам. Рэк продолжил дрыхнуть. А вот Йорка с зомби ненадолго вернулись ко мне, прервав рассказ о наших подвигах.

– Бал! Это ведь дико торжественная и роскошная хренотень с танцами и вкусной жрачкой, верно? Дамы церемонно вертят жопами в кружевах, мужики в жабо и лосинах. Да? У всех костюмы.

– Вроде так – поморщился я – Вот извращенцы…

– Костюмы… И мы их оденем? – в глазах Йорки зажглись яркие огоньки – А они красивые? Роскошные? Платье с блестками? М? Вот честно – я бы очень хотела платье с блестками. Мне такое снилось… вспыхивающие на серебристом платье черные искорки… красиво…

– Я понятия не имею – ответил я машинально, еще раз глянув на свертки и сверточки за нашими спинами.

– Оди… я очень сильно хочу платье с блестками…

– Сдохнешь ты с этой мечтой, гоблин.

– Сам сдохни! – окрысилась девушка – Вот надо же было насрать! Я ему тут мечту свою…

– Забыла улицы залитые дерьмом, мочой и кровью? – парировал я – По Дренажтауну в серебристом платьице гулять собралась?

– Гейши гуляют! И неплохо так! В кедиках на платформе…

– Ну да – кивнул я – Тогда еще Баску пригласительный зеленый огонек в задницу вставим – и рядом с тобой пустим. Да?

– Нет! – отрезал зомби, глянув на меня мутным «ожившим» глазом.

Слишком мутным.

– Что с глазом?

– Опять замутилось все – ответил Баск и тут же успокоительно поднял ладони – Но не дергайся, командир. Тут циклонами. Знаешь… будто в глазу какие настройки делают. Фокус подкручивают, смещают, снова подкручивают, на время дают четкую цветную картинку, а потом резко все мутнеет ненадолго. Если честно, если мысль, что мне в глаз что-то живое и умное подсадили.

– Бр-р-р-р… – передернулась Йорка – Баск! Пальцы разноцветные, в глазу что-то живое и умное…

– Моя уникальность растет – не скрывая радости улыбнулся зомби.

И радость не касалась уникальности. Радость касалась исключительно возвращающегося зрения.

– Продолжайте рассказ – отправил я их обратно – И рассказывать только о том, что видели.

– В смысле – не врать.

– В смысле – только о том, что видели в Клоаке и Зловонке. На любые вкрадчивые вопросы о внутренней кухне нашей группы, о наших отношениях между собой и планах на будущее надо тут же вежливо отвечать: «А тебе что с того, крыса ты долбанная, троллем трахнутая?». Этим не ограничиться и раздавить любопытную гниду морально. Вздумает пыркаться – раздавить и физически. Резко дайте понять – в наши внутренние дела и планы не лезьте, паучье! Ясно?

– Ясно.

– Вперед.

– Я вообще-то все слышал – тихо заметил паук из ПауПам, успевший сесть напротив и продолжающий держать руки на крышке контейнера с фотографиями.

– Я в курсе – кивнул я.

– И никакой неловкости?

– Мне плевать на твои чувства, паук – откровенно ответил я – Я не лезу в ваши дела – не лезьте и вы в мои.

– И не собирались. Мои пауки знают меры.

– Твои пауки – может быть. Но все ли они твои? – прищурился я – Думаешь никто не работает на Мимира или Вэттэ? Никто не пишет доклады о происходящем в твоей бригаде историков?

– Всем плевать на прошлое.

– Но не плевать на информацию. Ну что? Мои бойцы уже хрипло поют, рассказывая историю. Твоя очередь.

– Конечно. Здесь все фотографии. Сразу предупреждаю – некоторые фото очень… пикантны…

– Пикантны? – повторил я с кривой усмешкой – Какое

интересное слово… показывай.

– Конечно – с щелчком сняв крышку, паук вытащил первую стопку фотографий и с привычной сноровкой разложил их на досуха вытертом участке стола передо мной.

Пикантность…

Порнушка.

На первых десяти фото – одни и те же персонажи. Трахаются, лыбясь при этом в объектив. На некоторых фотографиях они обнажены. А на некоторых – в полном боевом облачении. Какие интересные ролевые игры…

Осторожно подцепив одно из фото, поднес его ближе к глазам.

– О… – кашлянул смущенно паук – Не знал, что вы любитель…

– Еще какой – подтвердил я, глядя на висящего под потолком паука, умудрившегося утащить туда же и партнершу по соитию. На их дела мне плевать. Но вот пушка свисающая с плеча паука весьма интересна.

Это винтовка.

С прицелом. С очень странным я бы сказал прицелом – по сути это просто длинное невысокое вздутие, идущее сверху по корпусу оружия. Никакого намека на линзу прицела. Длинное дуло солидного калибра. Чуть раздутый приклад. Снизу торчит широченный картридж. Рассмотрев винтовку, я вернул фотографию на место и жестом показал, что можно убирать эту партию.

– А… – понял мой интерес паук – Вы любовались не ляжками, но винтовкой. Игдальстрел. Одна из трех. Потерянная.

– Одна из трех? – приподнял я бровь, тщательно скрывая разочарование – Утерянная?

– Тут нет секрета – кивнул мужик – Всего три винтовки. Одна у вождя Мимира. Другая у нашего лучшего стрелка Лосты Злой. Третья принадлежала Трахарю Семилапому. Это он на фотографии.

– Секунду – я придержал фото, взглянул на искаженное в сладкой гримасе лицо паука – Трахарь Семилапый?

– Он самый.

– Почему такое имя и прозвище?

– На его сбруе было только три лапы. С самого начала. И когда он поднялся и начал зарабатывать – не стал добавлять новую. Уже привык жить с семью лапами. Вроде бы так. Трахарь… тут тоже все ясно – без траха жить не мог. Каждый день ему требовалась самка. И желательно другая.

– Ненасытный семилапый паук – задумчиво произнес я –

Понятно. И что с ним? И с его винтовкой?

– Однажды они просто пропали – развел лапами паук – Это все что известно.

– Они?

– Трахарь со своим звеном. Десять боевых злобных пауков вооруженных до клыков. Они просто исчезли.

– Угу… и никто не знает куда они делись?

– Нет – покачал головой паук – Есть только слухи. Но никаких доказательств.

– И что за слухи?

– В тот день…

– Когда в тот день?

– Где-то год назад.

– Продолжай.

– Это допрос? – удивленно спросил паук – Я вдруг почувствовал… даже страх…

– Нет – улыбнулся я – Просто мне очень интересно. Не хотел зацепить.

– Ага. Интересный ты гоблин…

– Обычный. Что там с «тем днем»?

– Тем днем пауки опять нехило сцепились с болотниками. Началось все из-за молоденькой сладкой сукки в борделе Копулы. Сукка Елена. Поссорились два командира – Трахарь и один из болотников-лидеров. Она была готова обслужить каждого – но каждый хотел быть первым. В результате сукку зарезали, пауки и болотники опять передрались, нимфа Копула выгнала всех на улицу. Там продолжилось. Полилась еще кровь. Начались обещания.

– Кровавые терки вождей из-за красивой Елены? Звучит почему-то знакомо. Ясно. Трахарь был там и не сумел унять жажду траха.

– Да. Там многие были.

– До стрельбы дело дошло?

– Нет. Мать бдит.

– Мать бдит – повторил я – Тогда в чем дело?

– Трахарь пообещал, что этого так не оставит. Еще пообещал, что к завтрашнему вечеру подвесит к небу гирлянду из пятнадцати отрезанных голов. Пообещал при всех – убить пятнадцать болотников, отрезать им головы и сделать из них гирлянду.

– Гирлянда появилась?

– Нет. Трахарь и его звено пропали. Но все знали, что Семилапый всегда выполняет свои обещания. После той стычки болотники затаились в Зловонке. И раз гирлянда не появилась, а

Трахарь пропал… – паук развел руками.

– То они отправились в Зловонку и…

– И не вернулись оттуда – кивнул собеседник – Да.

– Других вариантов нет?

– Клоака.

– А туда им зачем?

– Клоака связана со Зловонкой.

– Понятно – дернув щекой, я неспеша принялся вливать в себя компот.

Как у них все просто.

Пропало боевое звено, вооруженное до зубов, и не знаем где именно?

Тогда – в Зловонке! Ну или в Клоаке!

Почему?

Так там же все в тумане. Ничего не видно. Вроде опасно и зловеще. Там они и сгинули. Не доказать, конечно, но к чему доказательства, если и так все ясно? Озлобленный Трахарь встал на тропу мести, и она привела его к гибели. И покоятся сейчас их обглоданные косточки на дне Зловонки или присоединились к грудам костей в Клоаке. Теперь уж не отыскать бренные останки и почестей не воздать.

Вот только туфта это все.

Мы вычистили Клоаку втроем. Вру. Я вычистил ее один – всю гребаную Стылую Клоаку, что оказалась просто раздутым миражом.

Вся Клоака – жирный тролль в опухолях и безногий калека на сраной тележке. Вот и вся боевая сила.

Зайди в Клоаку боевое паучье звено – они бы потратили на зачистку минут пять. И из этих пяти минут четыре бы ушли на блуждание в тумане и неспешное любование тамошними достопримечательностями. Ни при каком раскладе паучье звено не могло пропасть в Клоаке. Даже если нарвалось на плуксов – я помнил про лебедки со спасительной паутиной. Зайди пауки в Клоаку – зашли бы сверху. И не стали бы отстегивать спасительные паутины от потолка. Замолотил ножками – и поднялся в безопасность. Пусть даже сто плуксов напали разом – хотя бы один паук сумел бы выжить и убежать, чтобы потом рассказать все сородичам.

Да и не пошли бы в Клоаку пауки – какие шансы отыскать там или же дождаться аж пятнадцати болотников? Бред. Сидели бы в едком тумане до посинения.

Так что остается только Зловонка…

И тоже нет.

Тоже бред.

Десять умелых злобных пауков при полном вооружении. В броне. С лебедками. Многолапые, способные передвигаться и по потолку, и по стенам. И чтобы их всех порешили вооруженные дубинами и свиноколами болотники?

Да чушь.

Ни за что не поверю.

Но даже если пауки действительно решили забраться в Зловонку и вдруг разом перестрелять друг друга или же сдохнуть в синхронном заплыве в болоте дерьма – об этом стало бы известно. Уже на следующий день головы пауков были бы развешаны у входа в Зловонку. Как похвальба и предупреждение – вот мол мы какие крутые. Вздумай Понт сохранить в секрете – не вышло бы. Пара визитов в бордель – и сукки быстро бы прознали от пьяных болтливых болотников все детали недавней битвы.

Важна ли мне судьба Трахаря Семилапого?

Нет. И да. Если информация насчет всего трех винтовок правдива – мне важна его судьба.

Каковы шансы отобрать винтовку у вождя Мимира или лучшего стрелка паучихи Лосты Злой?

Шансы нулевые. Я бы рискнул будь шансы получше. Но они действительно нулевые.

Но может я зашел не с той стороны?

– Винтовок всего три? – спросил я напрямую – Или у других боевой ранг не позволяет?

– Винтовок всего три – ответил паук – Раньше было пять. Все у пауков.

– Так… и что с ними стало?

– Две были уничтожены в один день и час. В давнишнем взрыве.

– Давно?

– Очень давно.

– В таком же взрыве как сегодняшний?

– Сегодняшний – мелочь – махнул лапой паук – Наших погибло немало. Нижних зацепило. Но поверь, Оди – это мелочь.

– А что конкретно случилось?

– Про наши внутренние дела я тоже молчать умею.

Пожав плечами, я постучал пальцами по столу и передо мной разложили новую партию фотографий. Эти тоже не выглядят слишком старыми. Зато на них с разных ракурсов изображено весьма яркое, красочное, блестящее и крайне непрофессионально запечатленное зрелище.

– Что за тупорый фотографировал? – осведомился я, пытаясь хоть что-то разглядеть в красочном бесформенном месиве.

Это площадь перед главным входом в паучью крепость

Лихткастил. На ней уйма народов, торчат во все стороны стальные и мясные лапы, кричащих цветов одежда. Видны плывущие над головами тарелки с жрачкой, на переднем фоне танцует пара обнаженных бабенок смутных, но явно не стройных очертаний. Но все снято слишком издалека. Не различить лиц. Вообще никаких деталей не различить. Мусор.

Поведя ладонью, я собрал их в кучу и отодвинул к пауку. Поднял глаза. Паук из ПауПам сидел и сверлил глазами столешницу.

– Ты делал фотографии? – понял я.

– Я – с сокрушенным вздохом признался тот – Но…

– Но наделал дерьма – подытожил я – Еще фото есть?

– Нет. Таково правило – делать не больше девяти фотографий за шесть месяцев. Иначе быстро все истратим.

Быстро пересчитав, я хмыкнул – ровно девять.

Девять драгоценных и безнадежно запоротых кадров. Ну ты и кадр, паучина…

– Было бы смешно, придумай ты это правило – добавил я.

Паучья башка опустилась еще ниже, слюнявые жвала едва не коснулись стола.

– Я… – донеслось едва слышно.

– Давай следующие фото – велел я, снова стуча пальцами по столу.

Тасуя фотографии, смущенный паук не удержался от вопроса:

– Стебаться надо мной не хочешь?

– Я же сказал – мне плевать – сказал я чистую правду – Мне плевать на твои успехи, на твои провалы, на твои запоры и понос. Если ты прямо сейчас сдохнешь – я позову еще одного паучару раскладывать пасьянс из хреновых фотографий.

– Так и запишем в хронике – обиженно пробурчал тот – Гоблин ты хренов! Не против такого заголовка? Или еще что получше – чтоб-ты-сдох-долбанный-герой-сучий-Оди…

– Если так напишешь – мое мнение о тебе изменится к лучшему – ответил я и снова не солгал – А тут что?

– Виктория. Верховная паучиха. Славно и мудро правила долгие годы. Королева из королев.

На фотографиях – тетка жирных лет. Усатая. Набрякшее мрачное лицо, бугристый невысокий рот, поджатые брюзгливо губы, шея втиснута в высокий узкий воротник, за спиной сбруя с вертикально поднятыми восемью сверкающими стальными лапами.

– Двенадцатилапая? – уточнил я.

– Все верно – гордо ответил паук – Великая Виктория Двенадцатилапая.

– И всеми она могла управлять?

– К-хм… это скорее символ власти…

– Заспинная корона?

– Ну… послушай, гоблин. Королеву Викторию любили. И до сих почитают. Держи шуточки на привязи.

– Давно почила в бозе?

– А?

– Давно сдохла жируха?

– Эй! Сказал же…

– Но ты ведь ее не сильно почитаешь – наклонился я вперед – Чего так трясешься?

– Зато другие почитают! – огрызнулся паук, тоже наклонившись поближе – И сильно почитают. А мне лишних проблем не надо – тут девяносто пять пауков из ста считают, что Паутина Памяти никому не нужна и нас надо разогнать на черные работы! Плуксов отстреливать на окраинах.

– Прямо как мы сегодня.

– Вот именно! И без обид.

– Ну да. Я грязный гоблин. А ты паук небесный.

– Все так.

– И здесь рожден?

– Конечно!

– Так что про сдохшую жирную клушу с кучей лап? Давно сдохла?

– Давно! – сквозь зубы прошипел паук – Прояви уважение, гоблин! Она почтенная и славная паучиха!

– Она долгие годы была вождем. Стало быть, она по маковку в дерьме и крови. По-другому не бывает и не будет. Никогда.

– Прошу тебя!

– Проси – кивнул я – И пока просишь – следующие фото давай.

А что тут рассматривать?

Жирная верховная паучиха во всех ракурсах и возрастах. От юной сомнительной привлекательности до жирной усатой перезрелости.

– Ты первый кто потратил всего пару секунд на лицезрение королевы.

– Смотреть на что? – спросил я – Она стоит, сидит, снова стоит, сидит, улыбается, держа в руках винтовку. Бред. Добавить бы ей за спину Трахаря Семилапого с приспущенными штанами и вот тогда…

– Ти-и-ихо-о-о! – раздавшееся шипение можно было смело отнести к истинно паучьему – настолько долгим и злобным оно оказалось. Конечно, если пауки вообще умеют шипеть.

– Нормальные фото показывай – велел я – Времени в обрез. И я лучше посплю, чем буду пялиться на давно померших теток с заспинными коронами.

– Да они все такие!

– Тогда наша сделка не состоялась – покачал я головой и начал подниматься – Я отзываю бойцов. Рассказы закончились.

– Тебе жалко?

– Мне? Жалко – подтвердил я – Ты по-любому поимеешь какую-то выгоду с наших рассказов. Я же пока не поимел ничего – разве что на хрен пропавшего паука полюбовался.

– Ну… погоди! Вот самые старые фото! С охот паучьих!

– Ну-ка… – я с неохотой опустился на скамью – Показывай.

Охота… я ожидал увидеть лыбящиеся хари охотников держащих за лапу дохлых плуксов. Или поставивших на них ноги. И не ошибся.

Охотники стоят на трубах, висят под потолком и на стенах, с их поясов свисают гирлянды из плуксовых тушек. Похоже у пауков фетиш на гирлянды. Гирлянды из плуксов, гирлянды из голов, гирлянды из… о как… На одном из фото опять Трахарь. С любимой винтовкой за плечом и ожерельем в руках – из отрезанных ушей, носов и членов. Аккуратно так нанизал. При этом и свой хозяйство показать не забыл, вывалив его наружу и радостно улыбаясь во все жвала.

– Вы его доктору не показывали? – спросил я, отбрасывая фото.

– Член Трахаря?

– Ага. Вместе с его большим двуногим придатком.

– Да больной он на всю голову был – поморщился паук как от зубной боли – Говорю же – жить без траха не мог. Поэтому в его звене одни только мужики были. А все бабенки – даже самые страшные – бежали как от чумы. Само собой бежали – в долгих походах попробуй от такого отбиться.

– Ну да – покивал я, никак не показав, что только что узнал нечто крайне важное – Попробуй тут целый день нападки голодного самца отбивать.

– Именно! Я сколько таких историй слышал! И ладно только день! А если два дня? Три? Все знали – Трахарь без траха зверел. Мог и силой принудить. И к себе в звено подобрал таких, кто ему не возражал. Хотя может оно и нормально? Самец. Воин. Все время на рубеже. Перестрелки, кровь, усталость, стресс – надо же как-то разряжаться.

– Конечно – согласился я – Как без разрядки? Взять и трахнуть напарницу силой – она ведь не так сильно устала, как лидер, да?

– К-хм…

– А тут что? – круто сменил я тему, поднося к глазам следующее фото.

Про крайне заинтересовавшее меня «дальние походы» я не сказал ни единого слова. Вообще не подал виду, что услышал паучью оговорку.

Какие еще нахрен дальние походы продолжающиеся два-три дня? Да еще чтобы с перестрелками, с кровью, стрессом и усталостью. Куда здесь ходить?

Самый дальний из известных мне маршрутов – отсюда вниз, потом через Гиблый Мост и по двадцать девятому магистральному до упора – до дальних гоблинских клякс. Но что паукам делать на Окраине? И где они там найдут перестрелки? К тому же на Окраине ничего не стоит отыскать на все согласную за небольшую плату гоблиншу или черведевку. И не придется ссориться с бойцами из родного звена.

А больше ведь ходить некуда – Дренажтаун невелик.

Разве что еще ниже – к гномам.

Или выше…

Других вариантов я не вижу. То есть – другие варианты, несомненно, есть. Но я о них не знаю. А вот пауки знают… и ходят по этим маршрутам в дальние выматывающие походы.

– Рекордно большой мандарин – пояснял тем временем паук, тыча чистеньким пальцем в фотографию с дохлым оранжевым плуксом.

Размер действительно впечатляет. Но я больше таращусь на оружие. И на сбрую. Отмечаю всю полезность паучьей сбруи – она несет на себе все. Броня, манипуляторы, батарея, лебедка, рюкзак, поясные сумки, фляжки и бутылки, оружие. При этом нагрузка равномерно распределяется по всему телу. На некоторых манипуляторах крюки, другие снабжены магнитными держателями, от них тянутся провода.

Про дополнительные лапы не знаю, а вот от паучьей сбруи без манипуляторов – не отказался бы. Надо узнать могу ли я купить четыре пусть даже простеньких комплекта. Тут открывается действительно широкий спектр тактических и походных возможностей.

Походы…

Дальние паучьи походы.

Сука…

Намертво застряло у меня в голове.

Так и хочется задать прямой вопрос. А когда не получу ответа – схватить историка за затылок и впечатать улыбчивыми жвалами в стол. Снова задать вопрос. Снова впечатать… и так до

тех пор пока вместе с зубами и кровяными сгустками он не даст мне ответы.

Но нельзя. Ведь так поступает только гоблинское быдло, а нас пригласили на паучий бал – и мы получается не быдло…

Или нас пригласили в качестве паучьего корма?

Я запутался. И я хочу закинуть в рот полтаблетки мемваса. Или хотя бы четвертинку серой таблетки.

– Оди…

– Да? – встряхнул я головой.

– Вот гора плуксов. Мы вскрыли гнездо под потолком?

– Вскрывали взрывом? Как в этот раз?

– Что ты! Никогда! А в этот раз мы вообще не при делах – там… Эй! – в паучьем голосе зазвучало возмущение – Я же чуть не проговорился. Слушай, не выпытывай. Иначе меня и остальных точно отправят на окраины у дыр сидеть и плуксов ждать. Веди себя честно.

– Честно? – переспросил я и, дождавшись кивка, предложил – Давай мы сейчас подойдем к тому столу, где мои бойцы рассказы ведут. И спросим сколько раз им задавали вопросы касательно наших будущих планов и внутренних дел. И вот сколько раз они спрашивали – столько раз я пну тебя по харе. Что скажешь? Это ведь честно? Ведь твои благородные пауки не стали бы спрашивать лишнего… Согласен, паук?

– Проехали. Мои фото тебя не заинтересовали, вижу. А там ведь было несколько удачных! Со старыми пауками греющимися у…

– В задницу.

– Ясно – вздохнул тот, сгребая фото и доставая следующие – Вот совсем старые.

Бегло просмотрев толстую пачку, отложил две штуки. Остальные без сожаления закинул в контейнер. Рассмотрев фото, покрутив перед глазами, глянул с обратной стороны, пожал плечами и забросил их к другим, отряхнул руки от пыли.

– Что на последних интересного увидел? Я их недавно отыскал – завалялись в сумке с расходниками. В боковом кармане под тряпками.

– А больше там ничего не завалялось?

– Не. Тряпки, две фото, кусок сухого мяса и чей-то оторванный ноготь с большого пальца ноги. Больно наверное было…

– Наверно.

– Так что интересного увидел?

– Мужика темнокожего – ответил я – С кожей бугристой. Еще нескольких пауков. Радостно танцуют.

– Высокий детина в татухах бугристых? Я тоже в свое время долго рассматривал. А тесак его видал?

– Кто это?

– Кто-то из давно живших пауков. Столько времени утекло. Кто знает теперь? Да как ты и любишь говорить – всем плевать.

– Ну да – ответил я, поднимаясь – Далеко до ближайших торгматов?

– На лифте на два уровня вверх. Потом до упора влево – до стены. Там торговая галерея.

– Ага.

Ткнув Рэка, разбудил орка и сказал передать остальным, чтобы не дергались – скоро буду. Орк что-то проворчал, отвернулся к стене, сжал ладонями израненное пузо и затих. Кивком попрощался с пауком-историком и зашагал к лифту. Глянув назад, убедился, что историк уже позабыл про меня и, прижав к пузу контейнер с бесполезным мусором, заторопился к моим бойцам.

В контейнере труха. И раз там только дерьмо – значит так задумано. Где-то в паучьем царстве есть еще одна подборка фотографий. Куда более ценных. И эта подборка находится в цепких лапках личностей куда поважнее чем клоунская ПауПам.

На последних двух фото танцевал смуглый мужик, чье полное описание я слышал совсем недавно. И слышал не из паучьих уст, а из окровавленной пасти перепуганного болотника.

И болотник описывал не паука. Нет. Он описывал внешность другого болотника. Важного болотника.

Как он описывал?

«Высокий, могучий, смуглый, со стоящим дыбом пучком черных как смоль волос на голове и сплошь татуированным изрубцованным лицом. Он ласково называл свинок «пока-пока» или что-то в этом духе. Он заставлял болотников танцевать камаmэ – общий танец с гримасами, воплями и словами на непонятном языке. А еще он клялся, что помнит многое из бывшей жизни».

В точности такой вот мужик и был изображен на фото. Смуглый. Высокий. Могучий. С изрубцованным лицом. С оскаленными в широкой улыбке подточенными зубами. С пучком торчащих вверх черных волос. Танцующий сам – и заставляющий других. На фото несколько пауков довольно слаженно танцевали некий общий танец, стоя при этом посреди удивительно узкого и темного коридора со странно закругленными стенами и потолком.

Спроси кто меня – я был сказал, что они стоят не в коридоре. Они устроили танцевальную вечеринку внутри трубы. И танцуют

по колено в зеленоватой воде. А чуть в стороне, на изогнутом склоне стены, виден некий полупрозрачный отросток. Любой, кто увидит подумает, что это ошметок слизи. Я бы тоже так сказал. Но после того, как мы в Зловонке наткнулись на студенистый плотоядный банан с горловыми щупальцами – я так больше не скажу. И не подумаю.

И спроси меня кто из своих – Оди, скажи начистоту, что ты видишь на этих фото? – я бы ответил: танцующего первого вождя Зловонки. Того, кто ласково называл свинок пока-пока и создал знаменитую свиноферму Паму-Пока, что так долго поставляла вкусное и жирное мясо всем желающим.

Вот дерьмо.

Хотя я могу и ошибаться. Мало ли существовало и существует любящих групповые победные танцы высоких и смуглых черноволосых мужиков с изрубцованными лицами? Может их десятки.

А я тут придумываю всякую херню.

Мало ли почему на остальных фотографиях ничего кроме паучьего незамысловатого порно.

Мало ли почему эти две фото обнаружились случайно, до этого годы пролежав под тряпками и ногтями в боковом кармане сумки.

Можно придумать кучу конспирологических теорий. Можно выкинуть всю эту херню из головы. А можно просто подождать и в подходящий момент задать нескучный вопрос нескучным слушателям. И поглядеть на их непринужденно-истеричную или все же равнодушно-непонимающую реакцию.

А пока пойду погляжу на ассортимент предлагаемых в паучьем царстве товаров. Только ножичек и мини-игстрел с собой прихвачу. На всякий случай…

* * *

Еще одно доказательство избранности паучьего племени – товары в торгматах. Начать с того, что здесь торгматы в два раза шире городских. В огромных витринах медленно крутятся образцы предлагаемого товара. Всего в галерее я вижу не менее десяти торговых автоматов. Видеть, вижу, а потрогать не могу – расположенную вдоль стены подвесную галерею отделяет от меня висящая над бездной площадка с большой металлической аркой. Над аркой мотается туда-сюда полусфера наблюдения. Еще одна жужжит где-то снизу. У арки стоят лениво облокотившиеся о невысокие перила четыре паука.

Аналог городского центра. Посторонним входам нет. Все жизненные блага – только для своих, только для многолапых трудяг латающих прохудившиеся небесные трубы. А вот банкомат – на этой стороне. Тоже приткнулся к стене, ждет гоблинов желающих оплатить недавний ужин.

– Оди? – один из охранников с той же ленцой выпрямился, сплюнул в бездну чем-то красным.

На мгновение почудилось, что он харкнул кровью. Но судя по улыбающейся румяной харе паук на здоровье не жаловался и выплюнул остатки недопитого. Следом и бутылку пустую швырнул.

Все не могу заново привыкнуть к открытости лиц. Хотя некоторые пауки носят маски и очки – но тут это скорее дань какой-то моде. Или въевшаяся намертво привычка – живут в чистоте, но работают порой и под душем из дерьма льющем из дырявой трубы.

– Так ты Оди?

– Оди – не стал я скрывать.

– Идем – паук поманил меня пухлой лапой, воровато глянул на потолок – откуда как раз отчалила полусфера, с деловитым жужжанием направившись куда-то вдоль стены.

Перестраховываться я не стал. Молча кивнул, прошел по решетчатой платформе, круто свернул, перебрался через перила, повисел минут на верхней перекладине веревочной лестницы, по сигналу спустился чуть ниже, дотянулся до соседней лестницы и уже по ней поднялся обратно на платформу – с другой стороны контрольной арки. Подмигнувший мне паук сообщил:

– У тебя двенадцать минут сумрака, гоблин. И да – уважаю. Реально уважаю, чувак. Знатно вы свинопасов порубили. Мы тут целой толпой на верхней галерее стояли и плывущие по желобу трупы считали. Уважаю.

Еще раз кивнув, я потопал к торгматам, искренне надеясь, что они не станут возмущаться, когда к их чистеньким небесным сенсорам прижмется грязный гоблинский палец…

Если вообще прижмется – вдруг нам такого товара не надо? Мы гоблины народец придирчивый. И пусть у меня на счету четыре с лишним тысячи солов, это не значит, что я стану их спускать на всякую ер…

У них есть десятизарядные картриджи…

– Ах вы паучары… – пробормотал я, поспешно тыкая в сенсор.

– Мы такие – прошамкала согбенная бабка в оранжевом жилете поверх кислотно-зеленого комбинезона – Много не вякай, гоблин. Сожру!

Злая паучиха купила бутылку лазурной водички и ухромала,

не забыв бросить на меня последний злобный взгляд и показать оттопыренный средний палец. Не став следить за достопочтенной жительницей небес, вернулся к покупкам.

Десять десятизарядных картриджей отправились в тут же купленную поясную черную сумку. Широкий ремень, отличная вместительность, внешние мелкие кармашки под игольные картриджи. Проверив оружейные автоматы, не увидел больше ничего интересного. Скормив автомату оружие для подзарядки и картриджи на перезарядку, прошелся вдоль автоматов.

У витрины продовольственного глаза разбежались – столько таблеток и пищевых кубиков всех цветов я раньше не видел. Под каждым товаром аккуратная табличка с пояснением. Изотоники, энергетики, витаминные напитки, шипучие напитки восьми вкусов, пищевые брикеты трех категорий и двенадцати вкусов. В нижнем ряду мороженое – шести вкусов.

Следующая витрина – бытовые товары. Шампуни, мыла, кремы, косметика, ножницы, щипчики, мочалки, пяткочесалки и прочая дребедень. Я прошел мимо не задерживаясь. И остановился у медицинского, пробежавшись глазами по представленному в разных емкостях медицинскому клею, пластырям, бинтам, спреям-коагулянтам. Глаза сползли ниже и примерзли к ряду с небольшими пакетиками, снабженными длинными букво-циферными обозначениями. Прочитать не успел – паук замахал лапами, заторопил. Выхватив из раскрывшегося лотка подзаряженное оружие, отметив, что для экстренных целей торгмат снабжен клавишей прерывания, забрал перезаряженные картриджи и рванул к мостику. Торопился не ради охранника – хрен бы он меня пропустил несмотря на все свое уважение. Ему приказали оказать содействие гостям. Вот он и оказал, хотя, судя по чуть искаженной харе, жутко переживает за свой боевой ранг. Система ведь обязательно накажет халтурщика – вернее всю группу сразу.

Вернувшись на дозволенную территорию тем же путем, что и раньше, помахал на прощание паукам и пошел обратно, размышляя, почему нам просто не выдали приглашения. Нимфа Копула вот выдала. И нет проблем. А тут приходится по лестницам веревочным лазать… к чему такое напоминание, что мы здесь оказались лишь благодаря проявленной милости?

Спустившись на грохочущем лифте, ступил наружу и вынужденно прижался к стене, пропуская гигантскую фигуру паучихи-торговки – той самой, у которой отоварилась на всю катушку Йорка. Да и мы кое-чего прикупили.

Я не зря посторонился – иного варианта просто не было. Бабища чудовищных объемов, что каким-то чудом впихнула себя

в паучью сбрую особых размеров. Все четыре манипуляторы снабжены колесами и прижаты к полу. Они держат на себе не только вес торговки – а в ней килограмм двести с лишним веса – но и вес огромного и до предела раздутого самодельного рюкзака висящего на сбруе. В нем весь ее товар. Когда она прибыла на лифте, то первым делом запарковалась в углу, после чего расстегнула карабины, покинула сбрую, тут же усевшись на ближайшую скамью. И принялась доставать товар – одновременно описывая его скрипучим равнодушным голосом. Но в ее голосе не было и намека на равнодушие, когда она, оторвавшись от рекламы, заказывала себя большой ужин. Вернее – чудовищный ужин. Сдохнет она так скоро… но мне какое дело?

– Там в медицинском торгмате видел странные контейнеры запакованные. На нижней полке.

– Аптечки походные – скрипуче отозвалась торговка – Обычное дело.

– И что в них?

– Жизнь.

– Звучит неплохо – признал я – А точнее?

– Вот – задрав рукав, паучиха показала мне прилепленный к предплечью контейнер серого цвета – Пришлепываешь к коже. И все. Дальше она сама.

– В любом месте пришлепываешь?

– Хоть между булок себе запихни. Лишь бы к голой коже.

– И что за уколы?

– Успокоительное, бодрящее, срывное.

– Срывное?

– Видишь? – чуть повернув руку, паучиха показала по красной утопленной кнопке с каждой стороны.

– Вижу.

– Одновременно с силой нажать надо. И получишь укол. А с ним и силы. Если лежишь – встанешь и побежишь. Полетишь!

– Даже если раненый?

– Однажды паук без башки по трубе шагов сорок бежал пока не упал.

– Хм…

– Берешь?

– А есть?

– Двести двадцать солов за серые – равнодушно ответила торговка, утирая жирный рот – Триста двадцать за желтые. Пятьсот двадцать за красные.

– В чем разница между ними?

– Во всем.

– Ясно.

– Берешь? Наценка у меня небольшая.

– Мне четыре красных – улыбнулся я.

– Вертайся в лифт – велела паучиха и буквально впихнула меня в кабину – К банкомату.

– Мне еще три больших пакета клея медицинского. И три спрея-коагулянта.

– Кожу рвать собрался, гоблин? Или жопу?

– Тут уж как получится – рассмеялся я.

– Дел ты натворил немало.

– Старался.

– На балу не расслабляйся, мошка – пронзительно глянула на меня паучиха – Не забывай – ты для нас еда. Кожный пузырь со сладким соком. Прыщ. Давать – и высосать! Понял?

– Понял – кивнул я – Не расслабляться. А что там может…

– А там все может быть. И жвала сомкни. Я тебе ничего не говорила.

– Понял. А чего сразу прыщ-то? Может я гнойник проблемный?

– Тем слаще тебя высасывать, гоблин – паучиха оскалила бурые зубы – Тем слаще! Булки сомкни. И будь готов.

– А зачем меня предупреждать?

– Скучно – откровенно призналась жирная торговка.

– Понимаю – кивнул я – Понимаю…

Глава пятая

Паучий бал.

Что сказать…

Йорка не обманулась в своих ожиданиях. Прямо из моря дерьма, чуть отмытые, обсушенные и приодетые, гоблины и орки прямиком угодили на по сказочному красивый и роскошный бал.

Гигантское помещение с ажурным дырчатым потолком, сверкающими серебром стали стенами, не могло быть ничем иным кроме как тронным залом. Не главным залом, не залом для особых мероприятий. Нет. Именно тронным залом.

В первую очередь об этом безмолвно, но при этом очень громко заявлял трон, представляющий собой кое-что удивительное – висящую в воздухе серебристую широкую скамью с высокой изогнутой спинкой, откуда вырастал веер тянущихся вверх паучьих лап. Сначала я подумал, что на высоте трех метров висит изогнутая серебристая ладонь с множеством тоненьких мелких пальцев. Оказалось – скамейка небесная. Подвешенная на столь тонких тросах, что их не сразу заметишь, отчего казалось, что скамья парит. Изящное сооружение. Высокое. Отчетливо заявляющее – на меня не каждый паук рискнет задницу опустить. Это для избранных.

Потолок – если приглядеться к этим дырам и полосам, то становится ясно, что неведомый дизайнер, воспользовавшись своим талантом, подручным материалом и сварочным аппаратом, разместил на потолке серебряную огромную паутину с единственной яркой золотой точкой похожей на солнце. Само собой золотая точка располагалась точно над небесной скамьей, как бы освещая ее своими лучами. Еще дизайнер не забыл добавить на потолок добрый десяток серебряных капель – полусферы наблюдения бегущие по паутинным нитям.

Настоящую системную полусферу добавлять не понадобилось – она имелась. Висела точно в центре помещения, равнодушно ворочаясь из стороны в сторону, непрестанно сканируя происходящее. Вот вроде ерунда… но двери здесь хоть и высокие, но очень узкие, а я ведь знаю, что в этой здоровенной консервной банке скрыт солидный боезапас. Начни полусфера стрелять на поражение…

– Не восхищаться упырями – процедил я, услышав восторженный ах Йорки, нервно теребящей в ручонках невообразимый просто предмет – черную крохотную дамскую сумочку на тонком ремешке.

Тупая гоблинша окончательно спятила – вообразила себя

женщиной. Гламурной кисой, завзятой посетительницей светских мероприятий. А дерьмо из-под коготков точно выскребла? А то подашь кому ручонку для поцелуя – а она говнецом попахивает…

– Чем тут восхищаться? – громогласно удивился Рэк.

– Заткнитесь, уроды – прошипела Йорка, одергивая коротенькое черное платьице и неловко переступая на белых туфлях со средней длины каблуками – Не портите мне вечер.

– Отдыхайте – сдался я – Рэк! Чужих паучих не щупай. Не нарывайся.

– Да я и не…

– Понял меня?

– Понял, командир – кивнул громила и сердито дернул себя за синий тугой воротник странной длинной рубахи, доходящей до бедер.

Как я его понимаю…

Йорка что-то восторженно пропищала, схватила приодетого в зеленое Баска и утащила за собой. Следом за ними зашагал Рэк, наводясь на запах съестного.

Тяжко вздохнув, я передернул плечами в чуток тесноватой красной рубахе с коротким рукавом и высоким желтым воротником, поправил ремень черных наглаженных брюк с тонкими красными лампасами, с удовольствием пошевелил пальцами ног внутри крепких черных ботинок. Предложенную обувь я одевать не стал – какие-то невероятной длины туфли с загнутыми носками и на тонюсенькой картонной подошве. Они меня за кретина приняли? Само собой никаких рюкзаков и никакого оружия. Вежливые пауки провожатые даже в сумочку Йорки заглянули.

Стою тут клоуном разодетый. А передо мной колышется ароматизированная толпа, что уже начинает источать душную влагу, запах алкоголя и мощную волну ложной убежденности в своей избранности. Дай гоблину подержаться за королевский член – и он сочтет себя удостоенным великой чести, сочтет себя вхожим в высшие круги общества, начнет на всех поглядывать свысока, на виду держа лапу удостоенную касания монаршей мясной палки.

Почувствовав практически нестерпимое желание уйти, с огромным трудом заставил себя стоять на месте, неспешно утер губы ладонью. И сдавил в зубах четвертушку серой таблетки, растер ее в кисло-горькую кашицу.

Дерьмо…

Дерьмо…

Но она поможет мне продержаться. Поможет выдержать все эти ленивые улыбки пузатых разодетых пауков бухающих над

утопающим в дерьме и тоске городом, над заполненными беспомощными червями Окраинами. Что вы здесь делаете, ублюдки? Почему разгуливаете здесь с таким вальяжным видом вместо того, чтобы попытаться разобраться в неправильности гребаного мира? Вы не замечаете жуткий перекос вокруг, мать вашу? Или вам просто плевать? Ведь вы считаете себя небожителями…

– Хлебнете сладкосиса, бвана Оди? Рекомендую – рядом со мной оказался зализанный парнишка в белоснежной рубашке. Вручил мне высокий бокал.

– И что там?

– Янтарный сок нимфы Копулы тройной очистки, апельсиновый концентрат, таблетка кисло-сладкого энергетика и десятая часть таблетки мемваса высочайшей чистоты. Все пропорции выдержаны точно по канону самой Вэттэ. Гарантирую.

– Янтарный сок нимфы Копулы – повторил я, чувствуя, как внутри ослабевает предельно сжавшаяся стальная пружина – Звучит отлично.

– И на вкус отменно – улыбнулся паренек и, ловко управляясь с подносом, умчался дальше, лавируя между пауками.

Сделав небольшой глоток, удивленно моргнул – на вкус на самом деле отлично. Никакой приторности, но при этом в меру сладко, ощущается легкая чуть вяжущая кислинка и ни намека на «янтарный сок Копулы тройной очистки». Опасное пойло – такого можно выхлебать незаметно для себя десяток бокалов и превратиться в слюнявого идиота спящего на полу и роющегося у себя в ширинке. Поэтому позволю себе не больше двух бокалов.

Осмотревшись, не увидел ничего кроме все той же безликой колышущейся толпы. Сейчас, после глотка алкоголя и дозы мемваса, я уже не ощущал такой злобы. Вычленив взглядом самых ярких и самых неприметных, внимательно оглядел, скользнул взглядом по все еще пустующей небесной качели, прислушался к зазвучавшей ритмичной музыке и начал пробираться к привлекшей мое внимание дальней стене. Протолкавшись, попутно ненароком опрокинув пару чьих-то бокалов и не обратив внимания на злобное шипение облитых паучих, остановился у стены и задрал голову.

Портреты… тут много портретов. Женских. Они тянутся и тянутся. И все женские и женские лица. Портреты исполнены в разных стилях, тут стопроцентно работали разные художники. У каждой из изображенных женщин на груди приметная деталь – огромный серебряный паук-брошь с алым камнем в центре туловища. Камень не налеплен на серебро. Это паук пустотелый, а камень внутри него. Учитывая повторяемость – ясно, что это

символ верховной паучьей власти. И я бы очень хотел взглянуть на это украшение поближе – больно уж красивой выглядит искрящаяся брошь, что с различной степенью мастерства изображена на каждом портрете. Это не самодел. Да и камушек алый не кажется стекляшкой. Там еще символы какие-то – но портреты высоковато и разглядеть не могу.

– Ты облил мою самку, гоблин! – меня за плечо схватила жирная рука в серебряных перстнях с резьбой. На каждом пальцем по перстню. Гайки переточенные?

Я намерено позволил ему ухватить меня и сграбастать материю. Дернулся в сторону. И затрещавший воротник раздался, освобождая горло.

– Уф – благодарно улыбнулся я, разворачиваясь к усатому толстожопу – Так лучше. Подержи-ка.

– Что?

– Вот это – мой кулак ударил точно под третий подбородок, глубоко промяв вялую плоть.

Сдавленно сипнув, паук закатил глаза и начал оседать. Не пытаясь удержать эту тушу, просто чуть подправил его падение. Когда он грюкнулся на пол, встал ему на пузо и, заложив руки за спины, принялся внимательно изучать символы на броши. На этом портрете ее изобразили особо отчетливо – чего не скажешь о мутноватом одутловатом лице очередной запечатленной паучихи.

Если это символ верховной власти – почему я не видел ее на груди паучихи Виктории на тех фото?

Так… первая буква «И»… вроде бы… а дальше идет…

– И… – пробормотал я, изворачивая шею и вливая в себя еще глоток сладкосиса – И пр…

– И правлю я и только я – помог мне раздавшийся за моей спиной милый женский голосок.

Обернувшись, с высоты жирной подставки посмотрел на подсказавшую.

Цельное синее платье с широким белым воротником лишено рукавов и доходит до середины красивых бедер. На ногах сандалии с белыми ремешками. В руках ничего кроме бокала. Яркой искрой сверкает на левом мизинце серебряное колечко. Золотистые волосы уложены в пышную прическу, синие глаза лучатся весельем. Ей за тридцать. Хорошо за тридцать. Но в теле ни малейшего следа дряблости, а легкие морщинки у глаз лишь добавляют его очарования.

– Вэттэ – произнес я, сходя на пол – Верховная паучиха Вэттэ.

– Нет-нет – улыбнулась она – Я всего лишь скромная спутница паучьего вождя Мимира. И не более того. Как ты понял кто я?

– По словам.

– Каким?

– И правлю я и только я – повторил я сказанное ею.

– И что с того? Тут все знают эту фразу.

– Но вряд ли кто произнесет ее так как ты – заметил я, делая еще глоток и глядя на нее поверх бокала.

Заодно осмотрел пространство вокруг нее и сразу заметил трех сопровождающих – миловидных паучих таскающих с собой небольшие сумочки, куда вполне влезет мини-игстрел.

– А как я ее произнесла?

– С тоской замаскированной выработанным за долгие годы безразличием – ответил я – С яростью спрятанной за улыбкой.

– Ты говоришь опасные слова, гоблин – улыбка паучихи Вэттэ чуть поблекла.

– Опасные для кого? – приподнял я бровь.

– Для меня – улыбка вновь засияла во всю мощность – Пройдемся, житель низин?

«Житель низин»? Благородно звучит. Хотя и является синонимом «грязный низушек».

Я позволил ей взять меня под руку, и мы неспешно зашагали вдоль портретной галереи.

– А любимый Мимир не приревнует? – лениво поинтересовался я, отметив, что три паучихи двинулись следом, отгоняя сующихся к нам – Паучиха-красавица отправилась гулять с героем держа его под ручку.

– Я беседую с доблестным гоблином Оди. С героем, возглавившим зачистку Стылой Клоаки и Зловонки. Выражаю уважение. Что в этом странного?

– Почему не носишь брошь?

– Ты задаешь опасные вопросы, гоблин – повторила Вэттэ и ее пальцы сжались на моей руке чуть сильнее.

– Так почему?

– И снова – тут нет секрета. Лабах-Кепалу может носить только и только хозяин ЛихтКастила. Только верховный паучий вождь.

– Стало быть брошь сияет на груди достопочтенного вождя Мимира? – осведомился я и тонкие пальцы паучихи Вэттэ сжались на моей руки еще сильней.

– Все верно. Лабах-Кепала сияет на груди Мимира, моего славного паука, доблестного воина и великого вождя.

– Любит носить женские побрякушки? – шепнул я едва слышно – А на бельишко твое не заглядывается?

– Умереть хочешь, гоблин? – с искренним удивлением спросила Вэттэ. Но при этом в ее голосе не прозвучало

возмущения. И голос она не повысила.

– Просто ускоряю события. Не люблю ходить вокруг да около, церемонно расшаркиваться и пробовать лапой воду – ответил я тихо, а затем, подняв бокал, громогласно провозгласил – За великого вождя Мимира! Сладкосис до дна! Пусть Мимир правит вечно!

Услышавшим меня паукам потребовалось всего секунда, чтобы сориентироваться. И они взорвались дружным воплем, вскидывая бокалы:

– Сладкосис до дна! Пусть Мимир правит вечно!

Демонстративно выхлебав бокал до дна, я покрутил головой, ища, куда его поставить. Подскочивший паренек освободил меня от тягот размышления, заодно снабдив свежей порцией. Краем глаза заметив чуть выделяющегося на общем фоне идущего параллельно незнакомого паука в излишне яркой рубашке, я, не понижая голоса, добавив в него пьяных ноток, продолжил:

– Это честь! Оказаться здесь… так высоко…

– Вы заслужили почести, герой Оди – звонко отозвалась Вэттэ и повела головой.

Яркий паук начал отставать, чтобы не попасть в ее поле зрения. А затем на его пути встретился мрачный одноглазый детина, что первым делом наступил пауку на ногу, а затем хрипло обидевшийся:

– Многолапый! Ты мне лапу оттоптал!

– Да я – поразился паук, подняв взгляд на жующего Рэка – Это же ты…

– Че ты вякнул?! Не хочешь со мной пить? Не хочешь пить с героем, сука?! Я для тебя слишком грязен, да, хреносос?

– Да я…

– Да хочет он, хочет – тут же вмешался паук в высокой шляпе – Еще как хочет. Налейте Гризлу! Он выпьет!

– Выпью я… ты герой… я с радостью!

– Ладно – помягчел орк – Но докажи! Пьем на брудершафт – и ты целуешь меня в левую подмышку. Как у нас в родной кляксе – губы друга рядом с сердцем… Пока ты целуешь – я пью и ласково хлопаю тебя по жирной жопе.

– Ты пьян, орк? Что за чушь несешь? По краю бездны шагаешь. Я небесный паук!

– Ну можешь под левый сосок чмокнуть.

– Я…

– Гризл. Не заводи его – прыская на каждом слове, посоветовал кто-то – Тебе тяжело выпить по обычаям низушков? Что за отношение к героям?

– Идите нахрен! Эй! Орк! Наливай – и выпьем. Но целовать я

тебя не стану!

Дальнейший разговор я не слышал. Зато услышал голос Вэтты, вонзившей коготки мне в руку:

– Что ты тут ускоряешь, гоблин Оди?

– Как что? – удивился я – Возвращение к матриархату, конечно.

– Ты перепил, гоблин? Я не понимаю ни слова – в синих глазах плескалась настороженность – Но звучит опасно. Звучит так будто ты хочешь умереть сегодня.

– Мне стоило увидеть стену с паучихами, увидеть брошь и увидеть тебя… и уже все ясно. Предельно ясно – тихо-тихо произнес я, одновременно широко улыбаясь разодетой в оранжевое сисястой паучихе пьяно опершейся о стену как раз под портретом Виктории – и броши с трудным названием Лабах-Кепала на портрете не имелось.

– Я все еще не понимаю тебя.

– Пусть после бала нас отправят отдохнуть где-нибудь в глуши паучьей – сказал я, останавливаясь и заглядывая в красивые глаза – В такой глуши, куда сможет незаметно пробраться одинокая и красивая паучиха с жаждой власти.

– Я просто хотела перекинуться парой слов. Приглядеться. Старая дура Копула считает тебя особой фигурой. И ты ей нравишься, хотя она и называет тебя ехидным мудаком. Она называет тебя мудаком не боящимся убивать троллей и людоедов. Но… все происходит слишком быстро. Я просто хотела приглядеться… Хотела спросить – не боишься ли ты страшных небесных пауков? А ты… все слишком быстро, житель низин. Хотя старая Копула не ошиблась – ты не трус. И от тебя несет кровью – я чую ее запах. Много крови… И все равно… все происходит слишком быстро…

– Время летит. Старость бежит. Нужный момент скоротечен. У тебя в глазах вселенская тоска, Вэттэ.

– Как я могу тебе верить, гоблин?

– Никак. Решай сама, паучиха Вэттэ. Либо найди способ для тихой встречи. Либо продолжай быть бледной тенью достойного верховного вождя Мимира. Решать тебе. И что бы ты не решила – я к этой теме первым не вернусь и ни с кем другим о ней говорить не стану – сказал я и, высвободив руку из ее хватки, чуть повысил голос – Благодарю за уделенное внимание и оказанное уважение, добрая Вэттэ, верная спутница великого вождя Мимира.

– Благодарю и я тебя и твоих верных спутников за ваши свершения, герой Оди – чуть склонила голову Вэттэ.

Я кивнул. И чуть не ослеп, когда паучиха полыхнула

широченной, зубастой, хищной и жутко сексуальной улыбкой на пол лица:

– Гоблин! Да ты сука совсем обезбашенный что ли? Ничего и никого не боишься?

– Жизнь коротка, Вэттэ – тихо-тихо произнес я и одарил ее столь же широкой безмятежной улыбкой – Жизнь коротка… королева…

Еще один долгий взгляд. И она удалилась царственной походкой. Именно царственной. Ее скромный наряд и мягкий голос обманет только дурак – она настоящая королева. Верховная паучиха низведенная до какой-то там спутницы верховного вождя.

Отведя взгляд, я, отпивая из бокала, внимательно прошелся взглядом по колышущейся толпе, отмечая все подозрительное. И снова заметил только две настораживающие зацепки. Одной из них был все тот же паук в излишне яркой рубахе и странной ушастой кепке с блестками. Он уже пьян, но пытается это скрыть. И его уже тянет за плечо Рэк, протягивая следующий бокал.

– Погоди… погоди, низкохрен – с трудом проговорил паук, отпихивая бокал – Погоди… мне надо…

Икнув, он пошатнулся, врезал плечом в раздавшуюся группу пауков и рухнул на пол. Коротко качнув головой, я пошел вдоль стены. Рэк догнал меня на четвертом шаге. Еще через два шага присоединились остальные.

– О чем ворковал с многолапой сучкой? – поинтересовался Рэк, без интереса рассматривая портреты.

Глядя туда же – но с искренней любознательностью, я столь же тихо ответил:

– Ничего особенного. Предложил ей совершить дворцовый переворот.

– Ты спяти-и-ил… – шепотом протянула Йорка – Ой…

Ткнувший ее локтем Баск зло дернул щекой, нахмурился. Поникшая гоблинша виновата забормотала:

– Как тут удержаться? Оди… гоблин ты трахнутый. Спятил? Реально?

Тяжело вздохнувший зомби, глядя все еще мутным глазом на подругу, пояснил:

– Если мы еще живы и гуляем по залу – Вэттэ такой расклад по душе.

– А нам это на черта?

– А на кой нам черт долбаный тупой бабуин? – удивился я.

– Ты про Мимира? Да тебе откуда знать? Ты с ним даже не знаком! – парировала Йорка и прикончила содержимое бокала – Уф! Ну и пойло этот жвалокисс. А ты что пьешь?

– Сладкосис.

– Что вам еще мужикам надо… С чего ты решил, что Мимир тупой?

– Говори тише. И без имен.

– С чего ты решил, что он тупой?

– Потому что она умна, хитра, коварна и амбициозна – пояснил я, останавливаясь и глядя на предпоследний странный портрет. Двойной портрет. Мимир и Вэттэ изображены рядом. Но при этом Мимир как бы приподнят – и над Вэттэ и над всей портретной женской галереей.

– И что? Разве плохо иметь умную и хитрую подругу? Предпочитаете видеть рядом тупых и красивых самочек всегда готовых раздвинуть ляжки? Так что ли?

– Дело не в этом. Дело в том, что Вэттэ – жутко ядовитая паучиха. Из тех, кто сжирает своего партнера после соития. Так ведь поступают паучихи?

– Я хрен его знает… – зевнул Рэк.

– Так – подтвердил зомби – Не все, но часто. Хотя иногда пауку удается смыться после секса.

– Вэттэ – именно такая.

– И почему М… он тупой? – не сдавалась Йорка.

– Потому что Вэттэ еще жива – ответил я – Будь он умен – лично бы перерезал ей глотку, не доверив это дело никому другому.

– А чего она тогда его сама еще не прикончила?

– Потому что у нее есть какие-то веские на это причины. Закрываем тему.

– А если за нами сейчас явятся вызванные ей пауки?

– Не – покачал я головой – Не явятся. Об этом можешь не переживать. Вопрос только в одном – ответит она на мое щедрое предложение или побоится. Выясним это вечером. А пока – отдыхайте, гоблины. Отдыхайте…

Сам я остался под двойным странным портретом.

Мимир нарисован какой-то старательной бездарщиной без искры таланта.

Вэттэ же… мне знаком этот художник. Я уже видел его картины – в доме Копулы, на стене у входа в страшную свиноферму Пау-Пока. Это тот самый художник-бродяга, что никак не мог найти себе покоя. Сначала он изрисовал все стены борделя, затем пожил на болоте людоедов, после отправился на кладбище Шартрез, а следом поднялся на небеса. Что же гонит и гонит его все дальше, не давая покоя? Что не так с его больной головой?

А меня?

Что гонит и гонит меня все дальше и дальше, не давая покоя? Ведь я иду тем же путем – по стопам художника. Вот я уже поднялся на паучьи небеса. Художник здесь? Или уже ушел дальше? И мне снова идти по его следам?

Дерьмо…

Это снова подал во мне голос мемвас.

Допив бокал, я подержал его перед глазами и медленно разжал пальцы. Со звоном бокал опустился на вовремя подставленный поднос.

– Еще сладкосиса?

– Ничего с наркотой – твердо ответил я, хотя рука и дернулась с готовностью принять следующую дозу сладкого пойла – И что-нибудь предельно горькое.

– Чистый самогон? И добавить в него пару капель эльфийской мочи?

– А это что?

– Нечто особенное, бвана – многозначительно произнес паренек – Нечто особенное. Рекомендую.

– Наркота?

– Ни в коем случае! Нечто особенное. Больше сказать не могу. Но она очень горька и бодрит.

– Давай.

– Скоро будет.

И он не обманул. Принес бокал минуты через четыре, проигнорировав при этом призывы пышно разодетых пауков. А когда кто-то попытался повысить голос, одарил его таким взглядом, что паук осекся и отступил назад. Непростые тут официанты… непростые…

– Кто ты? – спросил я его, делая на пробу крохотный глоток принесенного коктейля – бесцветная жидкость с легким золотистым оттенком.

– Я разношу напитки – ослепительно улыбнулся парень.

– Кто ты? – повторил я уже без улыбки.

– Я выполняю приказы.

– Чьи?

– Зовите в любой момент, бвана Оди – улыбнулся паренек и, поцеловав кончики пальцев, прикоснулся ими к стене, после чего удалился.

Что ж – ответ получен. Целованными пальцами прилизанный парника коснулся стены под портретом улыбающейся паучихи Вэттэ, а не под портретом Мимира.

Мимир…

Крупный, мощный, широченный плечи, выставленный вперед раздвоенный подбородок, зачесанные назад редкие светлые

волосы, отвисающая массивная нижняя губа, небольшие серые глазки сонно и важно смотрящие на мир. На черной рубашке сияет серебряная брошь Лабах-Кепала – символ верховной власти. За плечами видны торчащие вверх сверкающие металлические лапы.

Не став долго сверлить взглядом портрет хозяина ЛихтКастила, я продолжил прогулку в обратную сторону, внимательно изучая портреты королев. Да… брошь перестала украшать их бюсты начиная с королевы Виктории. Что произошло в тот период? Я, кажется, догадываюсь. Но предпочту все же расспросить.

Заняться бы делом…

Но это чертово торжественное мероприятие…

И где гребаный вождь?

– Еще бодрящей мочи? – спросил парнишка, чуть опуская доверху загруженный пустыми бокалами поднос – В центре зала фуршетный стол.

– Фуршетный стол – со смешком повторил я – Вашу ж мать…

– У нас в изобилии различные канапе. Пользуются большой популярностью.

– Вашу ж мать – повторил я и, заглянув в умные глаза парнишки, задал первый из волнующих меня вопросов – Эта вечеринка ведь не в нашу гоблинскую честь?

– Что вы. Вы рылом не вышли.

– Само собой. Так что празднуем?

– Заминаем беспокойство после происшествия.

– Ага. Бал после взрыва – понял я – Дабы придворные дерьмомассы не бурлили.

– Вам следует говорить потише, бвана.

– И где славный и добрый Мимир?

– О… он должен был прийти…

– Но?

– Но он занят крайне важными делами и не сможет сегодня явиться. Добрая Вэттэ уже поручили мне организовать для вас достойное и безопасное место для ночлега, бвана. Как только вы нагуляетесь…

– Уже нагулялся – прервал я его.

– По вашим друзьям…

– Мои друзья – пусть гуляют дальше. А вот я уже нагулялся. Хочу достойный ночлег, большой кувшин компота, бутылку самогона и блюдо этих ваших сраных канапе. Реально?

– Все организую немедленно. В сраных канапе чего должно быть больше?

– Белка. Мясо. Яйца. Что-нибудь обжигающе острое плюхни

посреди блюдо – чтобы грязный гоблин макал канапе в эту лужу и жрал с чавканьем.

– Я вас понял. Все будет сделано. Если хотите – задержитесь здесь, скоро начнутся танцы. Или же можете проследовать к выходу, а я вас…

– Жду у выхода. И сделай доброе дело – предупреди моих, что я занят делами. Ну и позаботься о том, чтобы им тоже не пришлось искать безопасное место для ночлега.

– Разумеется.

Служитель удалился. А я, дойдя до начала портретной галереи, некоторое время потратил на изучение первых трех портретов – три тощие паучихи с высокими прическами. И у всех троих раскосые глаза, темные волосы, высокие скулы, намеренно крохотно нарисованные рты и яркие веера в унизанных кольцами пальцах. Вот те кто заложил небесные устои…

Лабах-Кепала появилась у второй паучихи. Зато у первой в руке был игдальстрел – куда более весомый и многоговорящий символ верховной власти. Высоко сижу, далеко стреляю, тебе в бошку, сука, попадаю…

Долбаный мемвас…

Бросив последний взгляд на становящуюся все веселее и шумнее разодетую толпу, я двинулся к выходу, покидая небесную вечеринку. У входа долго ждать не пришлось – минут через пять появился парень уже избавившийся от подноса и повел меня по извилистым коридорам. Окон нет, двери заперты, по ощущениям мы двигаемся по спирали, постепенно поднимаясь все выше.

Он довел меня до небольшого тупикового коридора с двумя дверьми. Указал на последнюю и посторонился, пропуская закутанную в серый плащ фигуру, несущую тяжелый поднос. Я зашел следом, притворил дверь и прислонился к косяку, с интересом наблюдая за официанткой, что удивительно неумело пыталась пристроить поднос на невысокий столик.

Скошенный низкий потолок. Еще одна дверь в дальней стене. Большое низкое ложе с горой подушек. Пара столиков. Два мягких кресла. Толстый ковер на стальном полу. А тут уютно…

– И как часто носите самогон грязным гоблинам, ваше величество? – спросил я, когда официантке наконец-то удалось ее нелегкое дело.

Стащив капюшон серого плаща, Вэттэ тряхнула золотистыми волосами и ослепительно улыбнулась, развязывая шнурок у шеи.

– Гоблин ты гоблин… во что же ты меня втравливаешь, гребаный низушек? А? Все сдохнем…

– А вдруг нет? – пожал я плечами и, отлипнув от косяка, сделал шаг к Вэттэ – А вдруг все будет как надо? И нам даже

понравится…

– Вот насчет – даже понравится… сейчас и узнаем – на этот раз улыбка верховной паучихи говорила о чем угодно, но только не о политических делах.

Да и под сброшенным наконец плащом оказалось так мало одежды и была она столь воздушной, что считай ничего и не скрывала. Обхватив ее за талию, прижал к себе и, заглянув в паучьи глаза, спросил:

– А ты меня не сожрешь? После…

– Кто знает, гоблин, кто знает… – с удивительно сексуальной хрипотцой ответила паучиха, запуская коготки под мою тесную рубаху – Кто знает…

* * *

Пропуская сквозь пальцы спутанные и влажные золотистые волосы, я спросил:

– Почему он еще жив?

– Мимир? А с чего ему умирать? Он силен и молод. На нем золотая капля.

– Он… стоп… что на нем?

– Золотая капля. Походная аптечка.

– Я тут недавно купил лучшее из предложенного – красные.

– Дерьмо из автомата – скривилась лежащая у меня на груди паучиха, подложившая под подбородок ладони – У меня обычная. Хотя мечтаю о родной серебряной и многоногой. С алой каплей в центре.

– Ты о броши?

– Конечно. Она куда мощнее любой из аптечек. И перезарядить-пополнить можно в любом аптечном торгмате.

– Но зачем тогда Мимир таскает золотую аптечку? У него брошь. Лабах-Кепала на груди могучей.

– Только для паучих – усмехнулась Вэттэ и я снова ощутил на коже ее коготки. Она обожала царапаться и кусаться – как я успел выяснить за последние пару часов.

– Ясно… – в голове зажужжали новые вопросы, но отогнав их усилием воли, предпочел сосредоточиться на главных текущих проблемах – Так почему Мимир еще жив? Походная аптечка не всегда может сохранить жизнь.

– Не все так просто, гоблин.

– Так расскажи. Чем больше я знаю – тем больше и тем быстрее смогу сделать. Я гоблин действия. Смекаешь, крошка?

– Смекаю… – она рассмеялась и поерзала на мне, устраиваясь

поудобней – Я не крошка, гоблин. Я паучиха.

– Мне повторить вопрос?

– Ух как голос построжел… пугаешь меня, гоблин?

– Ну?

– Нельзя просто так взять и убить верховного паука.

– Потому что?

– Потому что тут же соберется верховный совет и будет выбран новый вождь из достойнейших. Само собой из мужиков. И само собой самый достойный – это…

– Я понятия не имею. Кто?

– Стрелка владеющего игдальстрелом. Заслуженного боевого паука с плюсовым рейтингом и наградами. Таких сейчас пятнадцать. Включая меня. Не ожидал?

– Сначала и предположить не мог. Но сейчас – вволю тебя пощупав – убедился, что за себя ты постоять можешь. Мышцы, мышцы, тугая кожа.

– И упругая задница – добавила Вэттэ.

– И она – согласился я – Игдальстрел тут причем?

– Таково правило. На пост верховного паука может претендовать только воин владеющий игдальстрелом. Когда-то винтовок было пять. Две слава эльфам уничтожили – и вроде как специально, хотя история умалчивает. Осталось три. А теперь две.

– Кто установил правило?

– Мать.

– Система… и откуда такое правило взялось?

– Кто знает? Но обойти его невозможно – пробовали. Система не признает паука лидером если тот не имеет достаточного боевого статуса и не имеет в личном владении игдальстрела. Снайперская винтовка – скипетр. Главный символ паучьей власти. А Лабах-Кепала… просто украшение.

– Что за странное название?

– Кто знает? Наверняка оно что-то означает.

– Ладно, паучиха. Я попробую еще раз. Когда подыхает верховный паук – система объявляет место лидера вакантным и ждет предложений. Конкурс разыгрывается только среди боевых пауков с высоким плюсовым рангом.

– Боевой полуросли к плюс четыре. Верно.

– У тебя такой ранг есть?

– О да. Я бедовая крошка-паучиха.

– Но его ведь надо подтверждать каждый день. Система не терпит бездельников и каждый день выдает задания.

– Само собой.

– То есть даже король регулярно ходит стрелять плуксов?

– Вождь – нет. Он на верховном посту. А вот остальные

воины – конечно обязаны.

– К вождю с его постом еще вернемся. Вот ты – паучиха Вэттэ, мудрая и высшая – ходишь на патрули и так далее?

– Да.

– Угу… а вот Копула… она ходит?

– Она вождь Дренажтауна. У нее свой верховный долг – в ее случае это социальная помощь.

– Как это?

– Каждый день она делает обход. Опрашивает минимум пятьдесят горожан, проверяя все ли у них в порядке. Если есть проблемы – уточняет, а затем и помогает.

– Хозяйка борделя – социальный мать его работник?!

– А что такого? Сукка не может иметь сострадания?

– Да просто не могу себе представить как Копула бродит под дождем и стучится в крышки жилых капсул с милой улыбкой: «Доброго дня! Социальная служба Дренажтауна. Все ли в порядке у вас в этот славный чудесный денек?».

– Придурок? Конечно, она не ходит! Борделя не покидает!

– А как тогда?

– А сукки и инкубы не граждане что ли? Пройдется разок по коридорам борделя, спросит у потных трудяг сексуального фронта – как там? Стоит? Не стерлось? Пятьдесят раз спросит – под взором системы – и готово. Само собой ей с радостной улыбкой отвечают – все в порядке, проблем нет. Лучший социальный сотрудник года – бессменно и из года в год. Круто?

– Вот дерьмо! – дернулся я – Спросить у пятидесяти собственных шлюх как у них сегодня дела – и это дневная норма для лидера города? Типа социальная помощь оказана в полном объеме?

– Выдохни, гоблин. Копула заботится о Дренажтауне.

– Да – неохотно признал я – Вроде как заботится. Да уж… социальная служба во всей красе…

– По-настоящему заботится. Она многих ублюдков в дерьме утопила. Вычистила улицы.

– Теперь ты выдохни.

– Она моя подруга. Верная.

– Она старуха с винтовой резьбой в голове. Получается у каждого официального лидера есть какое-то постоянное задание?

– Точно.

– У нимфы Копулы – социальный опрос и помощь при нужде.

– Да.

– А у пауков как?

– Вождь обязан проводить не менее двенадцати часов на верхнем посту – это вершина Лихткастила. Большая площадка с

круговым обзором. Лучший наблюдательный пункт. Торчать там двенадцать часов подряд не обязательно – главное набрать суммарно за сутки нужное количество часов. Но лучше посидеть на час больше – Мать ценит усердие.

– Вот почему для системного признания требуется игдальстрел – допер я – Снайпер на вечном королевском посту. Нехилая по продолжительности вахта.

– Так только кажется. Лег спать прямо там – восемь часов как не бывало. Там же неспешно перекусил раза два в день. Потрахался. Все. Вахта завершена, можешь идти гулять. Все время нахождения на посту ничего делать не надо – главное присутствовать. Когда система даст целеуказание – стреляешь. Ну и изредка делаешь круговые обходы с умным видом. Типо бдишь…

– И вожди ходят и бдят?

– Редко. Но они же там не одни сидят – есть помощники. Задание важное – плуксы часто передвигаются так что Мать их не видит. А пауки видят – и стреляют. Причем стреляют каждый день.

– Каждый?

– Да. Минимум шесть-восемь раз. Но это редко. Чаще стрелять приходится не меньше десяти-пятнадцати раз. Это в среднем.

– А когда вахта закончена?

– Туда назначаются другие снайперы. На высшем посту всегда присутствует снайпер.

– Но сейчас их осталось два. Мимир и какая-то злая….

– Лоста Злая. Да.

– Он и она на вершине башни и оба с длинными пушками?

– В этом суть дерьма – выдохнула Вэттэ – Они не разлей вода. Лучшие друзья.

– Трахаются?

– Нет. Лоста ненавидит мужиков. Блудит только с паучихами и сукками. При этом обожает колоть их шилом. И колет глубоко.

– Замысловатая падла… У тебя не сходится.

– Что?

– Ты говоришь – она ненавидит мужиков. Но ее лучший друг – мужик Мимир.

– Он спас ее. Давным-давно. Они вообще с самого начала вместе – появились считай в один день, вместе были в группе, причем побывали в таких заварухах, что несколько раз выживали только они.

– Веришь в такую удачу?

– В смысле?

– Несколько раз группа или звено попадает в беду – и каждый раз выживают одни и те же пауки? Это не может быть случайностью. Либо удача – либо расчет. Верю в их хитрожопость. Но вряд ли можно доказать. Ты так и не ответила на главный вопрос дня.

– Какой?

– Почему Мимир еще жив? Почему ты его не грохнула и не забрала его винтовку?

– Я не могу ее забрать. Очередность не моя.

– Точнее – поморщился я – Не заставляй вытягивать из тебя ответы силой.

– Можешь попробовать… – промурлыкала Вэттэ и ее коготки снова пробороздили мне грудь.

– Попробую – пообещал я – Что за очередность?

– Раньше было пять винтовок. И на них зарились многие. Это если вкратце.

– Оружие классное – признал я – Сам зарюсь.

– Тебе точно не светит.

– В чем суть очередности?

– Игдальстрелы можно завещать. Через банкомат.

– Не видел такой функции.

– Она касается исключительно игдальстрелов. Пока не станешь владельцем винтовки или тебе ее кто-нибудь не завещает – такой функции в меню не увидишь. Если завещают тебе – появится подраздел в интерфейсе. Завещанное.

– Продолжай.

– Когда давным-давно все пять игдальстрелов оказались в лапах боевых пауков, а один из этих пяти стал верховным вождем – паучихой, если точнее – всем стало ясно, что следующим вождем сможет стать только счастливый обладатель винтовки. Четверо известный. Пятый определится после смерти текущего лидера. Улавливаешь?

– Пока все просто – кивнул я – Пять винтовок превратились в символы власти. Один реальный – четыре потенциальных. После смерит вождя система предложит пост одному из пяти. Верно?

– Верно. Но он может отказаться в пользу более достойного по его мнению.

– И с чего бы ему делать такую глупость?

– Об этом позже. Касательно пяти винтовок – не забывай, что все мы смертны. Каждый день мы выполняем боевые задания. И порой погибаем. Плуксы, падение с большой высоты, кипяток и кислота из пробитых труб, взрывы и прочее. Никогда не угадаешь, где тебя сегодня ждет смерть. Снайперы гибнут реже. Но все же гибнут.

– И винтовки остаются бесхозными.

– Так было раньше – кивнула Вэттэ – Но толку это дает мало тому, кто нашел – игдальстрел надо вернуть в оружейный автомат. Винтовка выстрелит в твоих лапах только если Мать даст добро.

– Активация. Привязка к владельцу.

– Да. И это породило огромные проблемы. Однажды, когда погибла снайперша Больра, ее винтовка упала в город. Ее нашел какой-то тупой городской орк и радостно потащил к ближайшему оружейному торгмату. Он не прошел и двух шагов – тупую голову пробила дубина. Дальше описывать лень, поэтому просто подытожу – до того, как винтовка наконец попала в торгмат, погибло сорок с лишним рыл. Гоблины, орки, зомби, хтоники и пауки. А все по очень простой причине – Больра никому не завещала свою пушку. Любой с рангом плюс четыре мог стать хозяином игдальстрела. С тех пор у нас железное правило – либо завещаешь пушку любому своему любимчику, либо на днях сдохнешь.

– Все игдальстрелы завещаны.

– До единого. И многократно – если тебе завещали, то ты, даже еще не получив винтовку, можешь завещать ее кому-то еще. Но только среди тех, кому еще не завещано, и кто соответствует рангу плюс четыре или выше.

– Голова заболела что-то…

– Да все просто на самом-то деле. Вокруг каждой пушки – своя кучка рвущихся к власти пауков. Сначала таких кучек было пять. Грызня была масштабной и злой. Такое творилось… Потом на две винтовки убавилось. И кучек стало три. Ситуация стала гораздо спокойней, боевые пауки перестали так часто якобы случайно подыхать – то паутина лопнет, то труба по башке прилетит… Все стало спокойней.

– Убавили число стреляющих скипетров…

– Да. И вот до чего мы докатились – два игдальстрела в одной связке. Считай у нас два верховных вождя – Мимир и Лоста Злая.

– Вот теперь мне стала по-настоящему интересна судьба Трахаря Семилапого – сказал я, приподнимаясь и тянясь за компотом – Хлебнешь?

– Дай.

Напившись – при этом пролив немалую часть мне на грудь – паучиха вернула кувшин и занялась слизыванием сладкого. Я же, допив остатки, вернул посуду на столик и попытался вернуть съезжающую все ниже и ниже Вэттэ, но не преуспел. Черт…

– Что там было про долбанного Трахаря? – тяжело дыша,

поинтересовалась откинувшаяся на подушки паучиха.

– Где он?

– Пропал.

– Угу… дай предположу – его боевой ранг…

– Конечно понижен. Если он даже вернется целехоньким и при оружии – Мать деактивирует игдальстрел и отнимет – усмехнулась Вэттэ, по-кошачьи потягиваясь – Но толку? Этот никчемный ушлепок пропал вместе со своей винтовкой. Сука! А ведь почти срослось!

– Он завещал тебе игдальстрел?

– Да. И уже нет. Сука!

– Но собирался завещать тебе?

– Да.

– Копула нехило помогла? – понимающе кивнул я.

– Ты откуда знаешь? – вздрогнула паучиха.

– Только тупой не догадается – фыркнул я – Все знают о твоей дружбе с Копулой.

– И что?

– И мне тут поведали, что Трахарь жить не мог без сладкого секса, при этом стараясь каждый раз отыскать себе новую подружку на ночь. А где ему искать новых подружек как не у владелицы роскошного борделя? А чтобы ему лучше ходилось именно туда – предоставить бесплатные таблеточки и самогон, сделать большие скидки и давать мять сиськи в долг. Часть долгов прощать. И чтобы сладко стонущие сукки не забывали шептать о том, что паучиха Вэттэ самая классная. И что, если неутомимый могучий Трахарь и должен кого выбрать для завещания – так это ее. Вэттэ… Вэттэ… Вэттэ… и вечные бесплатные шлюхи в борделе глубоко благодарной нимфы Копулы… Короче – нимфа бабка неглупая. Ты тоже неглупа. Так что обработать психически Трахаря было нетрудно. Но тут случилась драчка в борделе, а потом Трахарь пропал…

– Ту смачную юную соску ему подготовили – тяжело вздохнула Вэттэ – Он ее как увидел – а там корова натуральная! Вымя – во! Глаза – во! Волосы до колен. Ляжки и жопа – даже мне на зависть. Трахарь как увидел – так и потек. Все был готов подписать. Мы с Копулой дыхание затаили. И тут сука понеслось…

– Болотник…

– Важный болотник при больших деньгах. Солы у него из каждой дыры перли. И ладно бы та корова в отказ пошла. Но он что-то на ушко прошептал, на банкомат кивнул – и эта падла тоже потекла! Кивнула… дура тупая – она еще Копулы не знала. Ей повезло что она так просто сдохла в тот день. Нимфа подстав

не прощает.

– Трахарь не завещал?

– Само собой нет. А затем пропал. Вместе со своим звеном.

– Мимир?

– Стопроцентно.

– Положил всех?

– Это не так просто, гоблин. Глаза в Лихткастиле повсюду. Нет. Он их куда-то отправил. Все звено. И они не вернулись.

– Мимир отправил боевое звено на какое-то задание, и они не вернулись – повторил я – Пропала никому не завещанная винтовка. Или была кому-то завещана?

– Была и есть. Одному старому хренососу шестидесяти-схватит-ему-уже-ушлепку-лет.

– Сурово.

– Я знаю какой он. Гребаный ублюдок любящий швырять вниз бутылки набитые собственным дерьмом вперемешку с гайками и стальными обрезками. Еще любит балансировать на краю тропы и сладострастно наяривает себе отросток, крича при этом, что посылает семя жизни в дерьмовый нижний мир, призывая городских поднять лица, снять маски и разинуть благодарно рты. Так порой хочет его подопнуть…

– Я бы пнул – откровенно сказал я.

– Толку? Он закреплен паутиной.

– Я бы пнул так, чтобы кости наружу вылезли.

– Не главное. Ты суть уловил?

– Раз уж винтовка в тот день должна была быть завещана тебе – старичок собирался подохнуть?

– Ага. Причем публично и естественно. Несварение и все такое.

– И ты становишься следующей после Трахаря в очереди на игдальстрел?

– Точно.

– А потом и Трахарь…

– Просто бы задержался подольше в борделе и потерял бы право на винтовку – буркнула паучиха – К чему убивать тех, кто думает членом? У них все амбиции упираются в – кому бы сунуть? Управлять такими легко.

– Ты стала бы владелицей игдальстрела.

– И все бы изменилось.

– С чего бы? Это не делает тебя верховным вождем.

– Дай мне винтовку – и мне даже не придется убивать Мимира – пообещала Вэттэ – Я давно обзавелась сторонниками. Но без золотого ключика в моих лапах… это не имеет смысла. Править пауками может лишь паук с игдальстрелом.

– Пришло время главной просьбы, паучиха? – предположил я и не ошибся.

Снова взобравшись на меня, она заглянула мне в глаза и прошептала:

– Найди гребанного Трахаря! И принеси мне его винтовку, а Матери – свидетельство его смерти.

– А если он жив? – ради интереса спросил я – Или если тело съедено?

– Тогда только винтовку. Мне.

– А дедушка дрочливый? Он же следующий.

– Принеси мне винтовку, Оди. Дальше я разберусь – повторила Вэттэ, и я медленно кивнул, шутливо боднув ее:

– Хрен с тобой, паучиха. Вот только где искать? Ты в курсе куда Мимир мог заслать Трахаря и его звено?

– Да. Есть только один вариант. Но…

– М?

– Это путь для героев, Оди… Там пройдет далеко не каждый.

– Путь туда ведет по трубе? – буднично спросил я.

Паучиха дернулась, зашипела:

– Откуда?!

– Слухи ходят… главное собрать кусочки…

– Ты че-то слишком умный…

– Не бойся, вождем пауков становиться не собираюсь – усмехнулся я, обнимая ее за талию и медленно скользя ладонью ниже.

– Почему?

– Потому что умный. И знаю, чего хочу. Поговорим о цене, королева Вэттэ?

– Все ждала этого момента. Чего ты хочешь?

– Ответов.

– Например?

– Вопросов много – покачал я головой – Но я согласен задать их после того, как принесу винтовку.

– Хорошо. И все же? Что за вопросы?

– Я задам их позже – повторил я – А тебе не пора домой, паучиха? Вождь не хватится?

– Обдолбанный вождь валяется на верхнем посту и пускает слюну – с презрением ответила Вэттэ – Он гребаный наркоман. Недавно промазал по жирному плуксу на расстоянии двухсот метров. Позорище!

– Вождь промахнулся – в жопу такого вождя! – подхватил я, подминая под себя гибкое горячее тело – Есть еще время, да?

– Еще есть… ты мы договорились?

– Укажешь тропу, расскажешь о ней все что знаешь – и я

схожу по этой тропке. Найду винтовку Трахаря и принесу тебе. Ты ответишь на мои вопросы, а дальше продолжишь играть в свои игры сама. Таков уговор?

– Таков уговор, гоблин – прошептала мне на ухо паучиха, вцепляясь зубами в мочку – Таков наш-ш-ш уговор…

* * *

По всем законам бытия после еды, алкоголя, наркоты и секса следовало бы отдохнуть. Но разве это и не был отдых?

Гребаный мемвас… снова он у меня в крови… снова я испытываю к себе острое разочарование, смешанное с не менее острым предвкушением – вдруг случится очередной флешбэк и в моей памяти останутся хоть какие-то кусочки воспоминаний. Однажды кусочки могут сложится пусть и в не полную, но большую единую картинку…

А мне нужна эта картина.

Я должен разобраться в происходящем. Понять причину режущей и рвущей мой мозг окружающей бредовости и неправильности…

Гребаный мемвас…

Стряхнув с себя сонливость, впихнул в пасть остатки помятых канапе, после чего принялся тормошить приткнувшуюся ко мне паучиху. Не добившись результата, встал, переступая через разбросанную одежду, заглянул за вторую дверь и обнаружил ожидаемое – крохотная клетушка ванной комнаты. Причем кран всего один, а вода обрушивается с высоты четырехметрового потолка. Гребаная паучья архитектура… Затащив Вэттэ в ванну, врубил воду и несколько минут мы простояли под струями лишь слегка теплой, но зато прекрасно бодрящей воды. Рискнул попробовать воду на вкус, убедился, что это не тот жуткий химический коктейль как на Окраине и вдоволь напился. Отыскав на полке пару кусков мыла, с деловитой бесстрастностью вымыл нас обоих, после чего вытащил переставшую зевать Вэттэ из душа и усадил в кресло. И сразу убедился, что красота ее фигурки мне не почудилась. Все выпукло и упруго.

Может ненадолго отложить беседу и……

Нет.

Усевшись на край кровати, я уставился на Вэттэ и, поймав ее взгляд, потребовал информацию по тропе. И чтобы в полном объеме, но только касательно той дорожки, на которую она нас хочет направить. Чем больше я узнаю – тем лучше. Желательно конкретику, но голые факты можно и нужно чуток смазать

повидлом старых баек – чтобы информация легче в уши пролазила.

Да. Рассказывать надо прямо сейчас.

Что? Нет. Мы не можем отложить это на пару часов и немного покемарить.

Говори.

И Вэттэ заговорила. Сначала хрипло и вяло, но с каждой минутой она говорила все бодрее, уже не упуская деталей.

Первым делом она спросила слышал ли я про ее зверинец, расположенный где-то в паучьей крепости. И когда я кивнул, тихо рассмеялась и открыла секрет – нет нахрен никакого зверинца в Лихткастиле. Хотя самую идею придумала она – и осуществила на практике, чем заработала себе немало популярности среди весомых пауков. Благодаря осуществлению ее банальной и практически не затратной идеи паучье царство получило надежный и обильный источник яиц, различных трав, водорослей и некоторых других продуктов питания.

Откуда все поступало? Из Кислотки. И вот там-то можно сказать и находился ее зверинец. Или скорее питомник.

Что такое Кислотка?

Вот и начинается очень давняя история о Тропе.

И началось все с взрыва. С не слишком мощного взрыва раздавшегося во времена правления первой паучьей королевы, что была умной, любопытной, любвеобильной, меткой и жесткой сукой по отзывам всех, кто ее знал. В те времена Лихткастила еще только начал строиться, причем рос сверху вниз – от высшего королевского поста к своему будущему фундаменту.

Взрыв произошел среди главного узла труб, прямо под стальным сводом небес. В одной из ранее всеми игнорируемых мощных труб образовалась узкая дыра, откуда тут же полилась кислота. Не дожидаясь сигнала Матери решительная королева немедленно потребовала от работяг заварить дыру. И, будучи при этом любопытной, к тому же желая развеяться, дабы забыть о том, что час назад лично кастрировала изменившего ей любовника, ее величество решило прогуляться и посмотреть на треснувшие небеса. Очищая окровавленный нож от лоскутков рваной плоти сброшенного на улица Дренажтауна любовничка, она пристально наблюдала за работой ежащихся от ее взгляда пауков. Сверкала сварка. Яркие вспышки отражались в очках, заставляли отводить взгляд. Но она все же заметила, как из трещины шириной в руку выпало что-то необычное. Подхватить не успели – улетело в дерьмо.

Остановив работы, королева велела одному из пауков-сварщиков засунуть руку в трещину по плечо и хорошенько там

поискать. Из трещины вытекала смешанная с водой кислота, облака едкого пара щипали кожу, медленно разъедали одежду, какова концентрация кислоты в самой трубе знать никто не знал. Но ослушаться королеву, что только что оскопила мужика? Сварщик с готовностью пихнул руку в трещину и принялся выгребать наружу все, на что наткнулся.

Вода. Вода. Вода. И вдруг в его дымящейся перчатке оказался некий изъеденный кислотой шар. Королеве хватило одного взгляда, чтобы оценить находку. Еще через секунду она достала нож и, действуя им с достойной сноровкой, одновременно принялась отдавать приказы сопровождавшим ее воинам. О тех приказах до сих не знает никто кроме избранных. Как и о действиях королевы.

Ее величество зарезало двух пауков-сварщиков из трех. По простой причине – она знала о их болтливости. В живых остался сварщик-смельчак и ему было велено совершить святотатство – не заварить трещину, а наоборот – расширить ее хорошенько. Вернее – заварить трещину в нижней части, чтобы остановить вытекание кислоты, после чего расширить верхнюю часть дыры до такой степени, что в нее мог зайти паук в полном боевом снаряжении.

Тем временем два воина отправились за новыми сварщиками и за материалами, получив строгий приказ не привлекать лишнего внимания и всем любопытным отвечать, что от перепада давления лопнула труба, в процессе ликвидации аварии погибло два сварщика-героя, но проблема уже решена.

Тайну удалось сохранить.

Из-за чего были убиты два болтливых сварщика?

И-за яйца. Изъеденного кислотой дымящегося шарообразного яйца с мягкой кожистой скорлупой, зеленым желтком и густым прозрачным белком солоноватым на вкус. Королева была второй, кто попробовал яйцо на вкус. Кто был первым? Сварщик-герой. Который не только успел заварить часть трещины и расширить верхнюю часть, но в тот же вечер оседлал паучью королеву и трудился над ней всю ночь, доказывая, что умеет работать не только сварочным аппаратом. В дальнейшем карьера сварщика сложилась превосходно.

Еще до их первого соития расширенную дыру прикрыли неприметной заплатой, к трубе подвели площадку и завалила ее пластиковыми ящиками и бутылку, сделав там обычнейший склад. А заодно и дополнительный наблюдательный пункт – чтобы оправдать постоянное нахождение там двух надежных боевых пауков отпугивающих работяг, что вечно искали место для сна или траха, пренебрегая славной возможностью заняться этим

болтаясь на паутинах.

На следующий день полностью удовлетворенная паучиха-королева вернулась к трубе. При ней заплату открыли и внутрь вошло два преданных воина с максимальной защитой. Втащили туда фонари, огляделись. И сообщили примерно следующее – гребаные эльфы! Да тут жратва лежит и дымится, гниет и ползет, трахается и умирает!

Вот так пауки обрели Кислотку. Не все пауки, само собой. Только избранные. Остальные же и по сию пору ведать не ведают. На протяжении всех следующих поколений и династий паучье племя тщательно оберегало свою тайну, не забывая регулярно наведываться туда и собирать сочные плоды.

Что такое Кислотка?

Это труба. Толстенная труба, что в объемах не уступает некоторым коридорам. Труба, что заканчивается аккурат на стальном своде, превращаясь в сеть куда более тонких труб, разбегающихся во все стороны. По тонким трубам бежит мутная едкая водица, что прожжет самую задубелую шкуру. Щедро разбавленная кислотой – и не только – жижа распределяется по различным стокам и уходит вниз – сквозь Дренажтаун, проходя первую грубую фильтрацию, а затем спускаясь еще ниже – в гномье царство. Да и плевать на стоки. Куда более интересна та часть трубы, что каскадным типом уходит вверх. Этакими большими ступеньками похожими на склон из глубоких мисок. Каждая ступенька высотой в три метра, иногда в четыре. В каждое стене – щелевидные тонкие отверстия, откуда под напором бьет вода. Взбираешься на эту высоту и оказываешься на краю кислотного бассейна, который предстоит преодолеть, чтобы добраться до следующего подъема. В каждом бассейне бурлит и шипит выжигаемая кислотой биомасса. И с каждым новом подъемом кислоты в бассейнах все меньше, а биомассы – все больше. Сначала это трудно понять – в серой густой пене колышется расползающаяся бурая масса.

Если бы не яйцо, чтобы было выброшено вниз, чудом миновав кислотные каскады, паукам и в голову бы не пришло проявить упорство в исследовании. Тем более что дышать там нечем – спасают только маски и респираторы с лучшими фильтрами. Да и то фильтров надолго не хватает, заменять приходится с пугающей частотой.

В ту первую памятную экспедицию – абсолютно тайную от Матери – обжигающиеся и задыхающиеся пауки преодолели шесть «ступеней». И на седьмой ступени обнаружили, что в следующем «бассейне» вода куда менее насыщена кислотой, а в ней безмятежно покачиваются те самые шарообразные яйца. И не

только они – там еще были обрывки водорослей, какие-то травинки и что-то куда менее безмятежное и юркое – двухголовые ящерицы, что оказались ядовитыми. Но их яд не был смертельным и действовал недолго. Впрочем, в том кислотном аду даже пять-десять минут покажутся вечностью, если тебя рвет прямо в респиратор, а зрение отключается.

Но плевать на ящериц – пауки обнаружили нечто невероятное. Первая королева поняла это мгновенно. И, поглядев на добычу, погнала пауков выше.

Восьмая ступень – яиц и водорослей больше.

Девятая – столько же.

Десятая, одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая – выжжены кислотой, что непрерывным жидким душем льется в тринадцатую «миску». И кислота удивительно сильная – с легкостью расправляется с защитными костюмами. Удалось протиснутся по краешку. И подняться выше.

Четырнадцатая ступень – длинная и почти незатопленная труба, что поднимается под небольшим углом. На этом уровне обожженная паучья экспедиция обнаружила нечто новое – плавающих в луже крохотных синих медуз и растущие на стенах труб уродливые грозди склизких грибов, похожие на серые гигантские опухоли испещренные сиреневыми венами.

На четырнадцатой ступени состоялось главное открытие – оно и помогло в конечном итоге спустя поколения молодой паучихе Вэттэ резко взлететь и добиться текущих высот. Еще до нее нажравшиеся грибов пауки ловили нехилый приход – их приходилось откачивать. Передоз. Стало ясно, что грибочки тут растут непростые, а прямо-такие золотые – головы паукам снесло напрочь. Перед тем как отрубиться и начать блевать они словили самый невероятный в их жизни кайф. Так были открыты грибы, что позднее получили название мемвас. Но они росли медленно. Очень медленно. А потребности велики. Долгие поколения паучье племя терпеливо наблюдало за мучительно медленным ростом дарящих кайф грибочков. А затем молодая паучиха Вэттэ случайно открыла, а затем вывела на промышленный уровень способ подкормки грибов хитрой смесью из плуксового фарша и кое-каких особенных добавок. Грибы начали расти как одержимые, а Вэттэ тут же обрела всенародную любовь и почитание. Еще бы. Ведь она даровала им главное – ошеломительный кайф. А еще поставила на поток производство серенькых неприметных таблеточек, что мгновенно начали пользоваться бешеным спросом. Но не сразу все получилось, как надо – попутно Вэттэ изобрела несколько достаточно приемлемых наркосмесей, что и сейчас популярны среди окраинных гоблинов,

хотя и гробят нещадно их мозги и здоровье. А вот мемвас вышел как надо. Да еще и обладал способностью ворошить блокированную память добровольно низших…

Кстати, о памяти…

Синие крохотные медузы в лужах.

С ними получилась любопытная история. Пауки желали показать королева синих уродцев. Но как донести? Не в ладонях же. При себе были только бутылки. Туда их и посадили, благо невеликие создания легко прошли сквозь горлышко. Ну и парочку медуз один из пауков – лидер экспедиции – шутки ради запустил в свою «заряженную» самогоном, «шизой» и энергетиком бутылку. Оказавшись в столь агрессивной среде медузы… растворились… Попросту растворились. Это обнаружилось уже на выходе.

И тот паук – разочарованный неудавшейся медузьей мариновкой – поглядев на чуть помутневшую жидкость, взял да хлебнул из бутылки. Допить ему не дали – вовремя остановили героя, растолковав, что медузы могут быть жутко ядовиты. Паук бутылку закрыл и забросил в рюкзак. Доложили королеве о результатах, запечатали вход в Кислотку. И, оставив часовых ушли, унося добычу и тихо обсуждая их будущие кулинарные перспективы. В то время никто еще не думал о наркоте. Но все размышляли о яичнице и настоящем зеленом салате. Главное пробовать…

А на следующее утро строящийся Лихткастил облетела весть – тот смуглокожий паук спятил. Воет и бьется в своей жилой капсуле…. Вскрыть ее было никак и паука оставили на волю судьбы. Но она оказалась к нему милостива – через пару часов он выпал наружу и, удивительно притихший, отбросив пустую бутылку, снарядился и отправился выполнять боевые задания системы. Позднее паук с изрубцованным лицом еще не раз навещал Кислотку, совершал дальние рисованные вылазки, часто там фотографировался со своим звеном, много смеялся, часто прикладывался к бутылке с самогоном сдобренным грибами. И он никогда не забывал проверить лужи на наличие синих медуз. В те время эти создания еще встречались. И каждый раз он их собирал и уносил. А потом бился, орал, плакал, смеялся и выл в своей капсуле, через несколько часов приходя в себя и выползая наружу уже нормальным. К тому моменту, когда первая королева решила выяснить что, собственно, за херня зловредная происходит с пауком и, если эта падла кайфует по-особому – чего не делится? – медузы встречаться перестали. А следом пропал и смуглокожий паук. Пропал навсегда, то ли упав со стальных небес, то ли уйдя сам.

Решили проверить как на это могли повлиять синие медузы –

но с тех пор и по сей день не удалось отыскать ни одной.

Зато разговорчивым – после легких бодрящих пыток – оказался близкий друг исчезнувшего паука. Он-то и рассказал, что по словам смуглокожего, растворенные и выпитые медузы даровали просто неземной силы дикий край, а заодно восстанавливали огромные куски памяти о его прошлой жизни. Выпив раствора синих медуз, он вернул память. Вернул навсегда. Не всю, конечно, но вспомнил очень многое. А ушел он по очень простой причине – его звено поймало командира на горячем. Он прихлопнул старенькую паучиху, вырубил ей сердце и сожрал – прямо сырым. Прямо на глазах своих бойцов. Те, обалдело понаблюдав за меланхолично жующим и почему-то раздевшимся догола командиром, дождались, когда он закончит полдничать и дали ему четко понять – они об этом не промолчат. Стуканут. Потому что сегодня старушку приголубил. А завтра перемкнет – и на них кинется. Или на королеву замахнется… а это уже смерть для всех. Смуглокожий, вспарывая дряблую морщинистую ляжку, коротко кивнул – я понял, спасибо. И вскоре исчез навсегда и про него забыли. Забыли все, кроме тех, кому было положено записывать все, что касалось Кислотки. Такая вот история черноволосого паука любившего пить синих медуз и поедать старушек.

Но плевать на него – речь ведь о Кислотке.

С тех пор многое изменилось. Там протянули лестницы, проложили висящие мостики. Все сделали по паучьи – солидно и крепко. Регулярными ходками туда забрасывается особая грибная прикормка, срезаются выросшие грибы, собираются яйца и единственный вид водорослей, что годится в пищу. Раньше там приходилось и с плуксами воевать. Но пауки не любят неожиданностей и желают мира на любимой ферме. Давным-давно они изучили еще несколько «каскадов» и поставили на семнадцатом мощную стальную решетку с частыми толстыми прутьями. Дверь в ней на всякий случай оставили, но она всегда на крепком запоре. Плуксы перестали появляться в Кислотке – пузатая мелочь не в счет. Влегкую давится ботинками. Под решеткой оставлена узкая щель – ей плуксы и пользуются. А еще через нее внутрь попадают ненадолго удивительно мерзкие создания, что больше всего похожи на черепах со сдернутым панцирем. Эти твари тащат на себе полупрозрачные горбы пульсирующей плоти, отталкиваясь от воды сморщенными ластами. Добравшись до первой проточной лужи, они мечут яйца, после чего уходят прочь. Яйца же, медленно сплавляясь по мутным водам, быстро набирают массу, а затем сгорают в кислотных ливнях. Раньше сгорали – теперь их десятками и

сотнями собирают пауки.

Причем здесь вообще Трахарь?

Только там он мог пропасть вместе со своим звеном.

И только в том случае, если вышел за решетку безопасности и поднялся выше семнадцатой ступени.

Зачем ему делать такую глупость?

Тут уже фактов нет. Только гипотезы. Но Вэттэ точно знает, что Мимир буквально одержим мифическими синими медузами. Он пообещал щедрейшую награду любому, кто доставит ему хотя бы одну живую медузу. Мимир наркоман. Он грезит о еще большем, о еще более невероятном кайфе. Каждый день от требует от Вэттэ придумать новую мозгосносительную смесь. Такую, чтобы унесла его как можно дальше и не возвращала как можно дольше. А Трахарь как раз крупно провинился перед Мимиром – та драка с поножовщиной в борделе Копулы. И вождь вполне мог послать боевое звено в дальнюю разведку – искупать свою вину.

Да так оно и есть. Ведь один смутный факт все же есть – на следующий день после исчезновения звена Трахаря, вождь Мимир, узнав эту новость, только отмахнулся и буркнул, что переживать не о чем. На второй день это повторилось. И на третий. И на четвертый. А на пятый день Мимир объявил, что он понятия не имеет куда делось боевое паучье звено. Ищите мол. Беда какая-то случилась! Неужто болотники убили паучка нашего любимого?

И что?

А то, что боевые пауки часто уходят в Кислотку. Это идеальное место для охоты на плуксов – за семнадцатой решеткой. Это идеальное место для поднятия плюсов в ранге. Там выросла в рангах Вэттэ. Там выросли многие. Выходишь за семнадцатую решетку – и перед тобой несколько путей. Выбирай любой – тебе так и так встретятся плуксы. Причем крупные. Система проста. Встреть реально крупного плукса, убей его, стащи на тросах вниз и предъяви системе. Заодно можешь полоснуть сам себя по харе или руке – все равно благодарная Мать подлечит бесплатно, а заодно и на бонусную награду расщедрится. Опять же это неплохой способ набраться опыта в битвах с плуксами. Но иногда пауки не возвращаются – в Кислотке встречаются не только плуксы. Сама Вэттэ не видела, а вот россказней слышала немало. Какие-то полупрозрачные смертельно опасные твари с щупальцами, какие-то змеи, кислотные внезапные волны – опасностей не пересчитать. Но смерти случались крайне редко. И пауки давным-давно не уходили дальше двадцатого каскада – начиная с восемнадцатого

там целые системы различных труб. Настоящие лабиринты с оставленными на стенах пометками. И за все десятилетия на всех двадцати каскадах ни разу не была найдена хотя бы одна синяя медуза. Будто и не было их никогда.

Мимир легко мог уничтожить Трахаря одним своим словом. У вождя особый уровень отношений с системой. Скажет, что это Трахарь прикончил тут соску шлюхастую – и система заберет паука на допрос. Быстро выяснит правду, а там не дай эльфы потянутся по паутинке другие нехорошие поступки и вместе с конечностями заберут и придатки мясистые, и голову тупую. Одно слово вождя – и Трахарь труп.

Но если Трахарь поищет как следует заветную синюю медузу…

Вот и вся информация про Кислотку плюс гипотеза про Трахаря.

Выслушав, я медленно кивнул. Ладно. Звучит хотя бы интересно. И я в любом случае не могу пройти мимо Кислотки. Если это дверь куда-то – я должен ее изучить. Вэттэ продолжала говорить, продолжала перечислять и я коротко кивал, давая понять, что запоминаю передаваемую техническую инфу – что за снаряжение пригодится, что означают пометки на стенах, как открыть и как зарыть за собой дверь в Кислотку, в какое время туда надо идти и многое другое. Когда амбициозная паучиха закончила, я посидел еще несколько минут, переваривая узнанное. Задал пару уточняющих вопросов. Выслушал. Хорошо.

И последнее.

Что за взрыв был тогда в Кислотке? Откуда такая мощь? И как это связано с недавним взрывом? И может ли быть, что давний-давний взрыв в Зловонке…

Ответ меня обескуражил.

Вполне может быть, что все это связано. Да почти наверняка связано. Вот только вряд ли в этом есть чей-то злой умысел. И дело даже не в технической неисправности.

Ведь взрываются не бомбы. Нет. С чудовищной силой взрываются монстры.

Эта информация была якобы подтверждена умирающим шахтером и парой гоблинов в последних крупных и мелких взрывах. Они, обожженные и агонизирующие, хрипели о некой огромной твари, что больше всего похожа на студенистую гигантскую сардельку или же банан. Они мол видели, как начавший светиться неведомый монстр вдруг яростно замигал, завыл, даже якобы что-то сказал – внятное и испуганное! – а потом раздался страшный взрыв…

– Внятное – буркнул я, выслушав паучиху – Вот дерьмо…

– Ага – улыбнулась она – То еще дерьмо. Так что дальше, герой?

– Собираемся и расходимся – велел я, вставая – Тебя слишком долго нигде нет.

– Согласна – кивнула Вэттэ и тут же надулась – Хотя могли бы еще хотя бы разок…

– Так ты хочешь стать королевой?

– Собираюсь – коротко и по-деловому ответила паучиха, на самом деле принявшись быстро облачаться.

Хотя что ей там одевать? Плащ поверх невесомого кружевного облачка накинуть?

– Верный паренек ждет за дверьми?

– Да. И Лупси с Тенной.

– Кто такие? – мгновенно насторожился я.

– Ты видел их. Мои помощницы. Монлу я оставила наверху – следит за верхним постом, на случай если Мимир пошлет за мной. Лупси и Тенна в соседней комнате. Если что – у нас был девичник.

– Опиши их. Не всех. Только Лупси и Тенну.

– Зачем?

– Опиши – добавил я жесткости в голос и внезапно замурлыкавшая Вэттэ тут же прижалась ко мне всем телом:

– А еще жестче можешь? Так чтобы голос аж резал и рвал…

– Опиши – повторил я.

– Тенна – невысокая и черноволосая. Лупси похожа чем-то на меня. Даже прическа пох…

– Достаточно – оборвал я – Когда выйдем, если я задам тебе любой дурацкий вопрос – ответь на него. И ответь оскорбительно.

– Не поняла.

– Сориентируешься – буркнул я, отступая от паучихи и делая шаг к двери – Просто помни – чтобы я не спросил. И держи в голове – обидеть не хочу. Это важно.

– Все еще не уловила.

– Сейчас уловишь – пообещал я, открывая дверь – Мы выходим.

– Вам лучше пока задержаться в комнате, бвана – из сумрака шагнул паренек.

Лицо чуть встревожено – это я уловил сразу. Заодно понял, что степень встревоженности не слишком велика. А стало быть, причина не в Вэттэ. Ладно… чуть позже разберемся. Переведя взгляд на соседнюю дверь, оглядел вышедших девушек и остановил взгляд на той, что действительно была похожа на хозяйку. Вот только эта схожесть не случайность. Для этого ей пришлось хорошенько постараться.

Дождавшись, когда они выйдут, не поворачиваясь к Вэттэ, спросил:

– А как Мимир в постели? Трахается забойно? Молотит вовсю и часто?

Секундная пауза. И чуть удивленно-напряженно-недовольным голосом Вэттэ произнесла:

– Никак. Полный гребаный ноль, кончающий не успев снять трусы. Жалкие попытки раз в пару недель.

– Ясно – кивнул я – Ну что, шлюха Лупси. Как давно спишь с Мимиром? Как давно следишь за хозяйкой и обо всем докладываешь вождю, уродина ты гребаная? А?

– Я… – ошеломленно пискнула Лупси – Да я не… я…

Шагнув вперед, ударил ее ладонями по плечам, отшвырнув к стене. Врезал слегка локтем по горлу, пресекая дыхание и слова. Заглянув в расширенные от ужаса тщательно подведенные глаза, зарычал:

– Отвечай, сука! Как давно?! Я тебе кишки выворочу прямо сейчас! Как давно?!

– Я… я… Я люблю его! Люблю! ЛЮБ… – доорать не успела, задохнувшись от удара в живот.

Отступив, задумчиво оглядел сползающую по стену Лупси, перевел взгляд на паренька и буднично заметил:

– Тебе ее кончать.

– Зарежу суку – столь же спокойно ответил он – Госпожа Вэттэ вытащила эту дрянь с помойки. Дала ей все. Как ты понял?

– На балу я заметил, что две паучихи смотрят по сторонам. А шлюха Лупси никак не может оторваться взгляда от нас с Вэттэ – так ей хотелось расслышать все подробности. Убедился же сейчас, когда Вэттэ ответила, что Мимир никакой в постели. Лицо Лупси говорило о том, что Мимир вовсе не так уж быстро кончает в свои грязные трусишки. Ты солгала мне, Вэттэ? Так вождь Мимир настоящий половой гигант?

– Заткнись, гоблин – стоящая напротив съежившейся девчонки Вэттэ чуть качнулась и на долю секунды мне показалось, что я вижу на стене коридора многолапую тень огромной паучихи. Напряглись и расслабились когтистые пальцы. По красивому лицу пробежалась короткая злая судорога.

– Мимир – мой ангел! Ангел парящий – прохрипела Лупси, доставая из кармана несколько разноцветных таблеток и забрасывая в рот – Он научил меня летать.

– Подсадил на наркоту – перевел я.

Не услышав меня, Лупси продолжала:

– А ты трахалась с грязным гоблином, сука Вэттэ. Мы слышали твои крики. Стены звенели… Как мне было тошно

улыбаться тебе последние недели. Видеть твою харю…

– Ты слышала что-нибудь про Трахаря? – перебил я исповедь.

– Трахарь обещал принести синюю легенду – улыбнулась Лупси, забрасывая в рот сразу горсть таблеток – Но Трахарь облажался. Трахарь не вернулся… Трахарь сдох. Вы тоже сдохнете! Вы все сдохнете! Не советую трогать меня. Я под крылом ангельским. И ничто не…

Она не договорила. Нанеся удивительно быстрый удар ножом под сердце, паренек выждал несколько секунд и только затем неспешно извлек лезвие, тут же прикрыв рану скомканным платком.

– Вам лучше уйти, госпожа Вэттэ. Тенна, проводи госпожу. Если что – Лупси вы не видели.

– Но если кто спросит – скажите, что она ненадолго отошла, что-то бормоча про ангела сверкающего вдали – добавил я.

– Подойдет – кивнул помощник Вэттэ – Так и скажите. А о трупе я позабочусь.

Мне понравилось, как он об этом говорил – уверенно, деловито. Привычно. Паучье, паучье царство. Тут на самом деле не любят мошек.

– Оди… – Вэттэ прижалась сзади, прошлась коготками мне по ребрам, обдала запахом алкоголя и чего-то терпкого и горячего – Если у нас получится… если только у нас получится… то мы…

– Не облажайтесь пока нас нет – коротко сказал я – Уходите.

Через полминуты паучих уже не было. Оставив меня наедине с дохлой наркоманкой, паренек ненадолго отлучился, проверить путь отхода госпожи. Не могу не отметить схожесть поведения и вышколенности – что у Копулы, что у Вэттэ в приближенных ходят тихие, уверенные в себе, преданные и невероятно умелые прилизанные пареньки. Совпадение? Хрен там. Такое просто не может быть совпадением. Это едва заметная, но важная странность и я постарался закрепить ее в своей еще гудящей после самогона, мемваса и траха голове.

– Бвана Оди…

– Что не так? – не стал я тянуть – Твоя прилизанная харя говорит о проблемах. Но не слишком больших и никак не связанных с Вэттэ.

– Ваша группа.

– Да?

– Там на балу, после вашего ухода, орк Рэк видимо решил расслабиться и… перешел немало границ, успев оскорбить немало пауков, вдоволь пощупать чужих паучих и оказав серьезное сопротивление, когда его попытались вывести. В этот момент в дело включились остальные – Йорка и Баск. Когда я

подоспел там уже была массовая драка.

– Мои целы?

– Серьезные ушибы, десятки порезов и рваных ран, но все поверхностное. Хотя не могу ручаться за состояние внутренних органов – уже лежащих их пинало три паука. А они известны своей…

– Били уже лежащих?

– Да. Их отрубили электрошокерами. Но троим этого показалось мало и…

– Ты покажешь мне тех, кому показалось мало – кивнул я холодно – Где мои бойцы сейчас?

– В камере. Под охраной. Не переживайте, бвана – там пара моих паучат. Они не дадут случиться ничему плохому.

– Медицинская помощь?

– Я позаботился о том, чтобы они получили бинты, медицинский клей, обезболивающее.

– В медблок они не попали?

– Нет. И чтобы немного остудить градус накала – Рэк нехило накосячил. Другой реакции и быть не могло. Драка началась бы гораздо раньше, не помни пауки о том, что перед ними славные герои и гости самого Мимира. Но любому терпению есть…

– Показывай дорогу – велел я, заходя в соседнюю комнату, что служила убежищем для двух паучих и поднимая свой рюкзак.

– Возможно стоит немного подождать. Обстановка накалена. Тут и зависть – никто из боевых маститых пауков не настолько знаменит как кучка жалких гоблинов, выползших с залитой серой жижей Окраины… понимаете?

– Веди.

– Как скажете.

– Не молчи. Рассказывай все детали. Кто начал, как начал, кто смеялся, кто кричал «бейте сучьих гоблинов», кто давал прочие интересные советы. Говори.

– Конечно…

Слушая монотонный голос парня, я продолжал одеваться, быстро накладывая броневые пластины и приматывая их клейкой лентой. Снарядившись, закинул рюкзак за спину, пришлепнул к коже красный блок походной аптечки, интуитивно прикрепив его не к руке, а к основанию шеи. Выглядит уродливо, но если прикрыть воротником рубашки, то почти незаметно. Следом опробовал каждый из игстрелов, убедившись, что оружие работает. Игстрелы немало времени пробыли вне моих глаз и, если их испортили – об этом лучше прежде, чем наведешь на чью-то тупую башку и нажмешь спуск. И вполне вероятно, что мне придется пострелять в самое ближайшее время…

Нагрузив поводыря вещами бойцов – бросив в углу все недавние покупки Йорки – коротко кивнул и мы выдвинулись, зашагав по узкой винтовой лестнице ведущей к основанию небесной крепости Лихткастил.

Глава шестая

У пауков имелась своя тюрьма.

С вроде обычным, но удивительно мерзоватым названием – Выделения.

Тюрьма привольно повисла под площадью перед Лихткастилом и не представляла из себя ничего особенного. Несколько висящих на цепях клеток, по сторонам заваленные всяким хламом платформы, у мостика ведущего к клеткам устроен прикрытый куском стали охранный пост, рассчитанный на тройку охранников. Освещение яркое, позволяет рассмотреть немало – но первое что бросается в глаза это стекающие по цепям и стальным фермам те самые «выделения» – тягучая многоцветная жижа, поступающая со всей небесной крепости.

Спустившись до конца лестницы, я грубо протиснулся мимо провожатого и с грохотом зашагал по дрожащему мостику, цепко оглядывая присутствующих и сразу распределяя их по категориям. На мостике стоят три веселящиеся паучьи пары, в руках бокалы и бутылки, судя по лицам и обрывкам слов, они просто не нашли более интересного времяпрепровождения. Они мне неинтересны, пусть себе стоят дальше и…

– Эй сучка грязножопая – забулькал длинноволосый пухлый паук в обтягивающем пузо красном жилете, тыча пальцем в сьежившуюся на дне клетки фигурку – Давай еще раз – стон и рыгалово. Нам понравился твой концерт… хы! Давай ты сдохнешь, а мы…

От удара под колено он рухнул на мостик. Ухватив его за волосы, раз десять ударил его лицом о узкие стальные перила, рассекая кожу, ломая нос, выбивая зубы. Когда хрипящее окровавленное дерьмо упало на решетку мостика, я подпрыгнул и с силой опустился ботинками ему на голову. Паук затих, а я пошел дальше – уже с наведенным игстрелом.

– Открыть клетку. Выпустить – коротко велел я, чувствуя, как лицо перекашивает неконтролируемая судорога.

– Ты че тво… – подскочил с лавки один из сонных пауков и тут же осекся, когда игстрел уперся ему в горло, тогда как «свинка» навелась на стоящих у клетки еще четырех пауков в рваных праздничных костюмах.

– Если клетка не откроется через три секунды – ты сдохнешь – улыбнулся я в искаженную паучью харю – Раз…

– Откройте сучью клетку! Откройте! – заорал паук. Он сразу понял – я не шучу. А за моей спиной мелко трясся пухлый паук, дробно ударяясь искромсанным лицом о металл.

– Командир… – выдохнул со стоном приподнявшийся Баск.

– Подъем, боец! И на выход! – скомандовал я – Йорка! Понять жопу красивую! Рэк!

– Я налажал – прохрипел лежащий ничком орк, выглядящий как хорошо отбитый кусок мяса щедро политый медицинским клеем – Я снова сука налажал…

– Мне повторить?

– Добейте – попросила скрюченная Йорка, но, дернувшись, начала с долгим стоном распрямляться, не отрывая рук от живота.

– Три – сказал я, мягко нажимая на спуск. Доля миллиметр – и паук умрет.

Дверь клетки с грохотом распахнулась. От нее отступил пьяный паучина с разведенными лапами и примирительной улыбкой на харе с распухшим глазом:

– Слушай, Оди… ладно тебе… ну было и было. Сейчас надо успокоиться…

– Кто-то пинал моих бойцов, когда они уже были отрублены электрошоком. Кто бы это мог быть? – спросил я пространство. Оно осталось равнодушным к моему вопросу. Промолчал и тяжело нагруженный парнишка за моей спиной. Но ничто не могло остановить плачущую от рвущей ее на части боли Йорку, указавшую на улыбающегося паука:

– Он пинал меня в живот. Много раз.

– Ну… – начал паук, улыбнувшись еще шире.

«Свинка» дважды хрюкнула, и сложившийся пополам паук рухнул на решетку, заскреб руками по пробитому животу.

– А тот бил лежащего Баска ногами по лицу. А Баск прикрывал меня – продолжила Йорка, ведя рукой дальше.

– Стой! – завопил тощий паук, падая на колени – Погоди! Все были пьяны!

Щелк. Щелк.

Все же я не до конца освоил игстрел. Или алкоголь сказывается? Целил в грудь, а угодил в горло и щеку. Опять. Может все же специально туда целюсь?

– Ну а эта сука пыталась вырезать Рэку глаз осколком бокала. И у ней почти получилось – глядя на боль, кровь и агонию, Йорка оставалась неумолимой.

– Мама… – тихо сказала скромная на вид паучиха, медленно закрывая глаза и оставаясь неподвижной – Мамочки… Подумай с кем ты ссоришься, гоблин. Мы пауки. Мы можем достать люб… ай… – с этим удивительно тонким вскриком паучиха упала навзничь, получив две иглы в грудь.

– На выход – повторил я.

– Налажал я – опять повторил Рэк, что никак не мог подняться – Су-у-у-ука…

– Встать! – рявкнул я – Встать, боец! И на выход!

– Не нажми случайно спуск, герой – очень тихо и очень эмоционально произнес охранник, в чье горло до сих пор упиралось дуло игстрела – Уходите. Я держать не стану. Только не убивайте. Просто заприте меня в клетке и все.

– Все барахло на стол – кивнул я – И вместе с друзьями и подругами шагайте в клетку. Живо. Лапы держать на виду. А ты останься – на этот раз я взглянул на парнишку – Доведешь нас до лифта. Потому отпущу.

– Я не окажу сопротивления, бвана – кивнул паренек – Но согласен с помершей Живицей – зря вы ссоритесь с пауками.

– Я не ссорюсь – улыбнулся я – Я выражаю негодование. Помоги им пройти.

Силой наш тайный союзник обладал недюжинной. Уже серьезно нагруженный, он тем не менее помог дойти до лестницы Баску, затем дотащил стонущую Йорку, последним доволок Рэка. Вежливо прикрыл дверку клетки, под моим присмотром закрыл замок большим ключом. Бросив ключ на стол, принялся помогать бойцам подняться по лестнице. А я… я ненадолго задержался.

Глядя на чуть покачивающуюся над далеким городом клетку, я пристально изучил лебедку с намотанной цепью. Вот стопор. Вот рычаг. Пара незамысловатых действий – и клетка с визжащими пауками рухнет на залитые дождем городские улицы. И судя по их быстро трезвеющим лицам они это понимали – замерли в неловких позах, неотрывно смотрят на меня сквозь прутья клетки и ждут…

Отвернувшись, я переступил через труп пухлого паука и начал подниматься по стальным ступеням. Уперевшись в спину Рэка, помог ему немного ускориться, не обращая внимания на несвязное бормотание. Когда мы поднялись и двинулись по узкой тропе с проволочными перилами, парнишка тихо спросил:

– Уверены что стоило? Можно было бы разрулить диалогом с Мимиром. Вы ведь герои и все такое… разобрались бы без крови и убийств.

– А так можно было? – изумился я, пораженно скривив рот – Гребаные эльфы! Что ж ты раньше не сказал?!

– Шутите – понимающе кивнул парень – Что дальше?

– Самый быстрый спуск вниз к центру города – перестал я корчить рожи – И через шесть часов ты должен обеспечить самое главное – столь же быстрый подъем вверх причем там, откуда ближе всего добраться до входа в Кислотку.

Он не стал задавать глупых вопросов. Не стал указывать на

очевидный факт – моя группа недееспособна. Куски отбитого гобличьего мяса. Он просто кивнул и задумался, не забывая тем временем помогать едва идущим бойцам удерживать равновесие на узкой тропе над бездной, ловко при этом балансируя сам. Когда Йорка, сделав еще десяток шагов, попросту отключилась, я взял ее на руки и, глянув на ее грязное избитое лицо, коротко велел:

– Быстрее!

– Да, бвана. Да…

Эти твари бросили их в клетки умирать. Не всех. Судя по всему, Рэк и Баск сумели бы оклематься. А вот Йорка… по телу дурной гоблинши начали пробегать волны легких судорог. Она умирает. Прижать к ее телу красную аптечку? Вжать кнопки? Да… если не успеем – я так и сделаю. Причем со всеми троими. Но пока они могут идти сами и пока Йорка дышит – постараюсь этого избежать.

– Быстрее – повторил я – Быстрее…

Следуя за поводырем, становясь все злее от вынужденной медлительности, я все же сумел сдержаться и не всадить пару игл в болтающихся под трубами пауков-сварщиков, что были виноваты лишь в одном – в своей принадлежности к паучьему племени. Хотя чем они отличаются от обычных гоблинов? Ничем кроме установленной в заднице лебедки…

Пройдя десятком троп, мы остановились у небольшого железного ящика. Парень откинул дверь – и там оказалась большая лебедка. Пояснять не требовалось. Но я все же выслушал его – особенно внимательно слушая детали будущего подъема и одновременно наблюдая за тем, как у меня на руках умирает напарница. Я спустился с небес первым, прижимая к себе непрерывно стонущую Йорку. Приземлился в трех шагах от медблока с гостеприимно распахнутой дверью. Распахнутой не для нас – туда как раз затаскивали мужика с перетянутыми культями ног. От моего толчка гоблины повалились в грязь. Шаг внутрь. Опустить Йорку на дырчатое кресло. Попятиться назад. Дверь бесшумно закрывается, я успеваю увидеть, как к телу девушки с потолка опускаются сверкающие стальные руки… Раз система так спешит – дело плохо.

Нагнувшись, поднял уже не стонущего, а орущего от боли искалеченного мужика. Оценив взглядом количество дверей – всего пять – подошел к дальней, занес его вниз. Уложил на кресло, шлепнул по груди:

– Без обид, зомби.

– Да я видел – кивнул тот, сдирая с лица маску – Видел… все норм.

– Вот и молодец. Если встретимся в баре – с меня бутылка самогона. За понимание.

Выйдя, накинул дождевик, натянул маску и очки. Глянул наверх и увидел два спускающихся тела. Они отцепились метрах в трех и тяжело рухнули на залитый серо-бурой жижей стальной пол. Закопошились не сразу, секунд пять лежали неподвижно. Баск дернулся первым, начал вставать. Привставший было горбатый хтоник разочарованно опустился на место, тускло блеснули под капюшоном подсвеченным красным линзы очков.

– Йорка… – прохрипел зомби.

– Лечат – коротко ответил я, впихивая Баска в следующий медблок – Когда закончат штопать – в десяти шагах слева спальные капсулы. Забейтесь туда и ждите меня! Понял?

– Она…

– Понял меня?!

– Понял… Она…

– Заткнись и лечись – посоветовал я, прежде чем дверь закрылась.

Рэк следующий. Орк молчал, опущенная голова болталась на безвольной шее, ноги… он даже не шагал, он странно пружинил на негнущихся палках. Не боец, а кусок дерьма с парой воткнутых палочек. Уронив его на кресло, отступил, проконтролировал закрытие двери и вошел в четвертый медблок, что как раз выпустил из дверей заливающуюся истеричным хохотом девку со светодиодным венком на бритом черепе. Вихляя тазом, она попыталась прижаться к моему плечу, но я отступил, и вышедшая на охоту сукка рухнула в грязь. Не обратив внимания на злобную ругань, улегся на изогнутое ложе и взглянул на потолок, ожидая вопроса от системы, что пока не торопилась хоть что-то спрашивать.

Вопросов о избитых бойцах я не дождался. Но плавающее перед глазами меню и так было наглядней некуда.

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б + 2Н) **Лидер группы**. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б + 1) Член группы. Статус: ***.

Тринадцатый. (ПРН-Б + 2Н) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: ***.

Какое веселое разноцветье… Статус Рэка и Йорки пока определяется – система не успела толком оценить нанесенный ущерб. Дерьмо…

Одиннадцатый. (ПРН-Б)

Общее физическое состояние: норма.

Рекомендация: продолжение восстановительно-усиливающего комплекса инъекций СТУС-4М.

Инъекция МАКЗО-3.

Инъекция питательной смеси П1.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ПНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

Дополнительная информация: дефицит питательных веществ, легкая интоксикация.

Похоже, мой организм вышел на новый уровень – раз предложили еще одну непонятную инъекцию и питательный коктейль. И само собой я согласился на все предложенное. Сила. Выносливость. Быстрота. Живучесть. Мне нужно все и как можно больше. И как можно быстрее…

Укол… почти и не больно…

Вот только одновременно с уколом в глазах полыхнула знакомая вспышка неизбежного флешбэка. Мемвас не упустит свой шанс напомнить о прошлом. И может хотя бы сейчас я увижу что-то светлое и доброе? Было бы неплохо для гребаного разнообразия…

Старый Грин любил читать.

Это вообще единственное, чем этот старый чернокожий хмырь занимался с утра до потемок, иссушенной ящерицей сидя у границы тени и тьмы на полуразрушенной крыше умирающей высотки. Никто не знал сколько ему лет. И сколько лет его потрепанной электронной книге. И сколько книг он успел прочесть за свою жизнь. Но все знали, что за день Грин может прочитать целую книгу, а сидит он тут уже лет пять. Изредка отрываясь от чтения, Грин приглядывал за небольшим огородом и

курятником, что были расположены тут же на крыше, в трех шагах от его старого тента и примитивного коллектора дождевой воды, снабженного не самым лучшим очистительным блоком. Под тентом продавленный матрас, почти пустая и всегда раскрытая брезентовая сумка с пожитками и заштопанный плащ. Над тентом закреплено несколько панелей солнечных батарей. Вот и все хозяйство…

Чего уж точно никто не знал – так откуда взялся улыбчивый чернокожий старик, что однажды прибыл на лодке старой ныряльщицы Хлои – на следующий год она нырнула и больше не вернулась, о чем лично я жалел. Она была неплохой. Действительно неплохой. Прямо как старый Грин, что знал целую кучу потрясающих историй. И рассказывал их так умело, что порой и непонятно было – пересказывает прочитанное или же это все случалось с ним самим. Рассказывал охотно, рассказывал безвозмездно. И не забывал после завершения очередной истории спросить нас пацанят какую поучительную мысль извлекли мы из услышанного. Мы знали – самый смышленый ответчик не останется без награды. Без вкусной хрусткой награды – будь то сладкая луковица, морковка или дайкон. Поэтому мы, сидя полукругом перед стариком, вовсю напрягали свои туповатые головы, стараясь дать действительно умный ответ – ответ стоящий морковки. Мы старались. Но не торопились – у каждого был только один шанс. Одна попытка. И полученную награду победитель должен был съесть тут же. Никаких откладываний на потом. Никаких дележек с менее удачливыми друзьями. Съешь сам, парень! Съешь сам! – так говорил старик, стуча черным узловатым пальцем мне по лбу – Съешь сам! Жри!

И я жрал. Я быстро научился не рваться в первые ряды и после каждого чужого ответа внимательно вглядываться в почти непроницаемое лицо старого Грина. Я быстро понял, что не стоит спешить с ответом, даже если кажется, что ты точно знаешь лучший вариант. Это далеко не всегда так – Грин не задавал простых вопросов. Все они были с подвохом. Хотя в самом начале, когда мы только-только начали привыкать к появившемуся старику, он начинал с простых историй и простых вопросов. Ответы находились легко, и я частенько хрустел сладким овощем.

Какую главную глупость совершил волк, что сожрал шестерых козлят?

Волк оставил в живых свидетеля – гребаного крохотулю седьмого козленка. И тот волка сдал.

Почему нельзя было верить доброму улыбчивому королю?

Потому что он король – а королям верить нельзя. Никогда.

В чем вина болтливого карлика Румпельштильцхена? В

чертовой болтливости. Заткни пасть, карлик! И молчи!

Но это были легкие вопросы. И легкие награды. Чем старше мы становились, тем сложней становились вопросы и тем тяжелее давалась награда.

А затем старый улыбчивый книгочей Грин убил Кохла – вечного пьяного пузатого громадину, что некогда был лучшим ныряльщиком, но потом спился, каждый день метелил жену, а однажды убил свою старшую дочь – всем говорили, что она упала с лестницы и разбила голову о ступень. Мы даже видели это будто нарочито размазанное пятно. А затем я услышал, как женщины тихо говорят, что Кохл убил дочь после того, как она отказалась раздвинуть перед ним ляжки. Так и сказали. Но продолжали улыбаться проходящему мимо Кохлу. А еще через год, орущий во всю глотку Кохл выволок на крышу вторую свою дочь и начал срывать с нее одежду и орать, что он их кормит, он им хозяин и они будут делать так, как он велит. Тут все и случилось. Старый Грин просто внезапно очутился за спиной громилы, быстро взмахнул рукой и отошел. Кохл вздрогнул, недоуменно оглянулся, шлепнул себя ладонью по шее, будто давя комара. И… сделав пару неверных шагов, вдруг упал на колени и с размаху брякнулся лбом в бетон. Больше Кохл не встал. Пришедшие мужики, стыдливо пряча лица от старика книгочея, с трудом распрямили труп и уволокли вниз. А я с тех пор слушал истории Грина с двойным вниманием и до звона в голове напрягал мозги, чтобы дать правильный ответ…

Почему уродливая принцесса лучше прекрасной нищенки? Потому что принцесса – золотой билет в элиту. Держись крепче за сиськи – и взлетай ракетой! Самый приятный путь в верхние слои атмосферы…

Почему мы улыбаемся проходящему мимо убийце и насильнику? Потому что боимся…

Выйдя из медблока, я чуть постоял, давая время исчезающему воспоминанию оставить хоть какой-то осадок на стенках моих опустошенных чертогов памяти.

Убедившись, что твердо стою на ногах, а вены положительно восприняли введенную системой химию, я сменил фильтры на маске, и свернув в узкий коридор, зашагал по темной улочке Дренажтауна. Я заметил, что шагаю по сумраку, равно как заметил и прижавшихся к стене троих придурков, решивших, что черные длинные дождевики послужат отличной маскировкой. Зажав в ладони рукоять ножа, я шагал, глядя прямо перед собой.

Почему дебилы и доброхоты умирают в первую очередь? Потому что они дебилы и доброхоты. Туда им и дорога.

Почему старый Грин убил Кохла? Потому что теперь жена Кохла стирает старому Грину одежду и часто спит голой на его старом продавленном матрасе. И несмотря на ее старость – уже почти тридцать вроде бы – у ней очень красивые смуглые сиськи и добрая улыбка. А улыбаться она стала куда чаще…

Миновав сумрачный коридор, я чуть задержался рядом с хтоником, сидящим у мокрой стены. Покрутив окровавленное лезвие под льющей с небес мочой, убрал его в ножны и пошел дальше, обронив лишь одно слово:

– Трое.

Хтоник ничего не ответил. Но когда я обернулся через пару шагов, его место у сточной решетки уже опустело, а в покинутом мной коридоре мелькнул край его дождевика. Еще через несколько минут я уже входил в дом боли и удовольствия нимфы Копулы. Охранники дернулись было с любопытством, но стоило мне стащить капюшон и маску, как они тут же потеряли весь интерес. Не из страха. Просто гость я здесь желанный – хозяйка так велела.

Дальше первой зоны я не ушел – меня уже ждал первый прилизанный паренек. Со знакомой паучьей усмешкой на губах.

– Госпожа Копула ненадолго вознеслась – не став тратить время на приветствия, сказал служитель.

– К паукам на парад?

– К подруге на посиделки, я полагаю.

– Плетет и плетет паутину женское племя… а нам ее рубить.

– Звучит как угроза, бвана.

– Долгих лет жизни Копуле и Вэттэ – усмехнулся в ответ.

– Чем могу помочь?

– Шагая по сплетенной ими паутине мне и моей группе предстоит исчезнуть на какое-то время. Но так не хочется терять в ранге… если ты понимаешь, о чем…

– Госпожа Копула знала об этом. И велела мне передать – она замолвит за вас всех словечко перед Матерью. С того момента как вы исчезнете с поля зрения Матери – вы все на долгом специальном задании нимфы Копулы. Максимальный срок знаете, бвана?

– Сто часов – кивнул я и развернулся – Спасибо старухе с дырой в голове.

– Немного мяса и компота с собой на дорожку? Прямиком из Веселого Плукса. Еще теплое.

– Брали для нас?

– Брали для себя – покачал головой паренек, протягивая мне контейнер и пакет с бутылками – А есть проблемы? Официантка могла харкнуть в компот?

– Только дурак ссорится с официантом – улыбнулся я, забирая дар.

– А это рыба. Только что пожарена – поверх первого контейнера лег второй – С пожеланиями удачи от шеф-повара.

– Как ты относишься к Копуле? – спросил я, пакуя еду в рюкзак. Знакомый вопрос знакомому парню.

– Пусть живет и правит долго. Одна ее только тень наводит порядок на этот мрачный город. Она добрая и щедрая госпожа.

– Ночью зубрил?

– Каждую ночь повторяю перед сном. Чтобы не забыть. А что такое, бвана?

– Женщины начинают верить в успех слишком рано. И поэтому начинают вести себя глупее, смелее и злее. Копула в курсе планов Вэттэ. И уже в курсе, что я взялся помочь. Так?

– Так.

– А раз так – пусть и дальше ведет себя с паучьим вождем-королем Мимиром вежливо и церемонно. Пусть ведет себя с ним так, будто король Мимир править и жить будет долго.

– Твои слова услышаны, поняты и приняты, бвана. Передам. Удачи.

– И тебе.

Вновь с плеском шагая по утопающим в дожде вонючим улицам Дерьмотауна, я усмехался под прикрывающей лицо маской.

Старая Копула… старая ведьма с дырой в голове.

Раз знала когда и зачем я приду, раз успела подготовить вкусные дары – стало быть могла и не заставлять меня напрягать лишний раз ноги. Могла бы выслать навстречу гонца с дарами и радующим сердце гоблина известием – Копула прикроет. Но старуха захотела, чтобы я пришел и сам попросил. Но при этом не удостоила аудиенции – хотя и по уважительной причине. Женщины и политика… смертоносное сочетание… порой для самих паучих, что слишком увлеклись в плетении паутины и не заметили, насколько страшная добыча угодила в их тенета…

Без происшествий дойдя до условленного места, забрался в капсулу и облегченно затих, чувствуя, как медленно расслабляются так долго не получавшие отдыха мышцы. Полежав так двадцать минут, повернулся на бок и хорошенько перекусил, запив мясо компотом. И только после этого позволил себе заснуть.

* * *

Еще одна отлично смазанная лебедка вернула нас на небеса. Трос был потолще и легко выдержал всех четверых. Последним шагнув на снабженную приваренной решеткой толстую трубу, гудящую от проходящей сквозь нее жидкости, я взглянул на несколько безликих фигур висящих над тропой. Рука скользнула по игстрелу. Шагнув вперед, парень успокаивающе улыбнулся:

– Это сторонники. Глядят по сторонам, а не на нас. Обеспечивают тайность миссии.

– Ясно – кивнул я – Отстреливание случайно встретившихся работяг? Но их гибель увидят другие работяги, придется и их пристрелить, да? В задницу такую тайность. Спускай свои елочные украшения и отпускай по домам. Один проводник. Бодрым темпом прямиком до цели. Но по-тихому и деловито. Просто спешащие куда-то бойцы.

Легкая заминка… и он кивнул:

– Принято. Темп выдержите? После недавнего…

– Выдержат – ответил я за всех бойцов.

Я не перекинулся с ними и парой слов с момента пробуждения и сбора. Зачем? Пусть еще немного их мозги покипят и побурлят в тревожных раздумьях, в переборе произошедшего, в размышлениях как следовало поступить на самом деле.

– Тогда вперед…

Несколько рубящих взмахов и висящие пауки провалились вниз, погрузившись в густое облако поднимающихся с города теплых испарений, что не могли прорваться к небесам из-за мощного потока нисходящего воздуха. В разрывах вонючих облаков мелькали городские улицы, за нашими спинами грозно светилась паучья крепость Лихткастил. Но увидеть нас оттуда не могли – мне хватило нескольких секунд, чтобы это понять. Нас вели кружным путем, ведя под прикрытием других труб и площадок. Не оборачиваясь, я внимательно вслушивался в шум шагов топающих сзади бойцов. Тут и дурак поймет – еле двигаются на закостеневших отбитых конечностях. Передвигаются как сломанные куклы. Но шагают без жалоб. Тихие стоны и злое болезненное шипение не в счет.

– Мудрое решение не задерживаться в Дренажтауне – бросил через плечо проводник.

Облака под нами сгустились и остыли настолько, что обрушились частым дождем обратно на город. Висящий поодаль на паутинке паук, обхватив поднятые колени руками, меланхолично опорожнял переполнившийся кишечник, добавляя весомости дождю.

– Нас уже ищут? – спросил я.

– О да.

– Уже назвали злобными тварями посмевшими укусить дружескую паучью лапу?

– Нет. Но к этому идет. Мимир пообещал разобраться лично и повелел привести гоблинов к нему. Живыми. Доставить на верхний пост. Повелел пока благородным паукам не делать поспешных выводов. Но обронил, что в связи со случившимся, речи о награде больше не идет – пока что во всяком случае.

– Мифические пятьдесят тысяч окончательно развеялись – рассмеялся я – Теперь не придется их вручать с болью в сердце. Тебя не коснулось?

– Я лишь жертва злобного гоблина Оди.

– Отлично.

– У входа не дергаемся и за пушки не хватаемся – предупредил он – На посту свои.

– Даже и не собирался – пожал я плечами – Ты же не думаешь, что мне просто нравится убивать по поводу и без?

– Ну что ты, бвана. Как бы я мог так подумать? – в голосе парнишки почти не слышалось насмешки – Королева Вэттэ передала с собой пакет со свежей едой.

– Уже было. Может еще что передала?

– Кое-какие лекарства.

– Неплохо.

– В дополнительных боеприпасах смысла особого нет, верно?

– Верно – кивнул я – Верно.

С чертовой системой подзарядки игстрелов только в автоматах делать большие запасы боеприпасов смысла особого не было. Имеющегося у нас количества более чем достаточно. А потом придется выходить и топать к автомату – а там можно и картриджи перезарядить.

– Небеса улыбаются светло – громко оповестил чуть замедлившийся проводник.

Ответ пришел незамедлительно:

– Улыбка Вэттэ греет сердца.

– Вы дебилы – прокомментировал я – Трахнутые конченые дебилы.

– Парням не хватает романтики…

– Дебилы – повторил я – Потенциально уже дохлые. Если тут романтика главный двигатель, а не личная выгода причастных – ваш заговор обречен на провал. Это вход?

– Быстрее – прошипел закутанный в плащ паук, отодвигая ничем не примечательный с виду круглый люк – Маски не забудьте. Живо! Живо!

Один за другим протиснувшись в люк, оказались на

решетчатой тропе, идущей над пузырящейся жижей. Вспыхнувшие в наших руках фонари разогнали темноту. Первое что они высветили – быстро закрывающийся стальной люк.

– Особый стук! – напомнил мне стоящий по ту сторону парень и люк закрылся, отрезав нас от паучьих небес, Дренажтауна и вообще всего известного нам мира, оставив нас в густых кислотных испарениях.

– Вперед! – глухо велел я, зашагав по медленно поднимающейся тропе.

Таймер включился.

У нас сто часов – не прямо с этого момента, а с той секунды как добрая нимфа Копула обратится к системе незадолго до конца текущих суток и скажет ей, что группа одиннадцатого направлена ею на особую важную миссию. Система прислушается к Копуле. Так же как прислушивается к вождю Мимиру, когда тот отправляет своих пауков в долгие походы в Кислотку.

Но кредит доверия не безграничен. У нас в запасе чуть больше четырех суток. Сто часов с заявления Копулы.

За это время мы должны прийти в себя, после чего провести разведку, отыскать пропавшее звено Трахаря Семилапого и его игстрел, он же символ потенциальной паучьей власти.

Отлежаться быть чуть дольше в Дренажтауне – но очень скоро пауки начнут искать нас по-настоящему. Так что отлеживаться будем здесь, благо, по словам Вэттэ, тут есть места, подходящие для отдыха и в данный момент в Кислотке нет отрядов сборщиков – из-за недавней аварии на ликвидацию были брошены все силы.

– Держаться строго за мной – велел я, прокручивая в памяти описания Вэттэ, что бывала здесь регулярно – Стен не трогаем, дышим глубоко и нечасто. Бережем фильтры. Жестов избегаем. Руки по швам. Шагаем оловянными солдатиками – пока не продеремся сквозь кислотное облако. Услышали и поняли, гоблины?

– Да, командир.

– Да.

– Поняли – с тяжелым вздохом подтвердил Рэк, шагающий последним.

Глава седьмая

Тяжело ли было продвигаться по Кислотке?

Отнюдь.

Какие могут быть сложности, если весь восходящий каскад снабжен прочными стальными мостиками и лестницами, заботливо снабженными перилами? Равно как и широкими навесами в тех местах, где из патрубков в потолке вырываются струи кислоты.

Паучье племя давно уже в Кислотке. И как каждый разумный копошливый вид они давно уже обжились здесь, обезопасили свои тропы, наладили минимальный быт. Даже больше, чем минимальный – поднявшись до четырнадцатого каскада, той самой «грибной» трубы, мы буквально уперлись в стену стального сарая. Иначе эту стоящую на высоких лапах сваренную из обрезков металла, косоватую, но прочную монолитную постройку и не назвать. Скошенная крыша, не слишком высокие стены, но внутри достаточно пространства, чтобы разместить шестерых-семерых пауков в полном боевом облачении и еще останется места для пластиковых ящиков, проволочных корзин, тросов, веревок, тяпок, черпаков и прочей странной дребедени, развешанной по стенам.

Воздух в сарае почти не вонюч, в специально оставленную в торце щель врывается поток теплого воздуха исходящего с другого конца четырнадцатого каскада. Стоящий на ножках сарай задницей обращен к спуску на тринадцатый. В задней стене пара щелевидных окошек, а под ними широкие лавки. Можно наблюдать за происходящим внизу не вставая с лавки. Удобно. Тут же, в задней стене, наглухо закрытая дверь. В окно видно, что из верхней части косяка выходит трос с подвешенной к нему проволочной корзиной. Умно. Вот и средство быстрого спуска грузов – особенно тяжелых и негабаритных вроде крупных дохлых плуксов. Прицепил к тросу, прикрыл пластиком, толкнул вниз. Плукс со свистом промчится до самого низа, где его подхватят, снимут и уложат у выхода дожидаться хозяина. Катался ли кто из живых на этом атраккционе? И если да – то с каким результатом? В паре мест трос проходит там, где часто фыркают кислотные сопла…

Мы в сарай попали через вторую дверь – широкую, удобную, распложенную в боковой стене. И едва вошли, как бойцы буквально попадали по лавкам и затихли. Пришлось выдать каждому по пинку и напомнить, что для начала было бы неплохо пожрать, принять лекарства, напиться воды и только затем

добрый командир разрешит гоблинам ненадолго потерять сознание. С хрипами и стонами они вняли моему нежному обращению и сумели впихнуть в себя хоть что-то. После чего прикрыли головы бейсболками с прожженными козырьками и затихли дохляками. Я остался на посту. Кто-то же должен.

Прихватив бутылку с компотом и огромный бутерброд состоящий из куска рыбы с жареным яйцом сверху – Копула плюс Вэттэ, смешение двух стилей – прошелся сначала по сараю, внимательно изучая имеющееся и вспоминая пояснения любвеобильной паучихи мечтающей вцепиться в древо власти.

Большой сварной контейнер с питьевой водой в углу. В наличии. Стоило открыть кран – и в подставленную ладонь ударила струя прохладной чистой воды.

Шкафчик над контейнером. В нем запас обычных пищевых кубиков, таблеток «шизы» и энергетиков. Есть.

В соседнем отделении десяток пакетов с самыми дешевыми влажными салфетками. Есть.

Самое главное – что-то вроде большой багажной полки рядом с контейнером. Эта полка для багажа. На ней оставляют лишние вещи пауки уходящие выше. Так и так ведь возвращаться сюда для полноценного отдыха – смысл таскать с собой? Вещи на полке трогать не смеет никто кроме хозяев. Залезет кто даже «просто глянуть» – убьют крысу и бросят отмокать под кислотный дождь. Сейчас полка пуста. Вэттэ не забыла упомянуть о том, что после исчезновения звена Трахаря на полке не появлялись рюкзаки. Но это как раз не странно – если Мимир отправлял пауков «втемную» – они бы не оставили после себя следов. О их появлении в Кислотке могут знать только причастные. Верные Мимиру слуги. Что не выдадут хозяина – во всяком случае пока Мимир у власти.

Глянув на руку, не удивился, обнаружив, что катаю между пальцами обломок серой таблетки, причем давлю с такой силой, будто подсознательно стараюсь вдавить наркоту в кровь прямо сквозь кожу.

Я сорвался?

Я сука сорвался?

Да сука – ты сорвался.

Или нет?

Разжав пальцы, уронил мемвас на грязный пол. Надавив подошвой, с хрустом растер по стали, зло вцепился зубами в рыбную вкусноту. Вот мой наркотик – рыба, яйца, мясо! Разжевав, проглотил и снова ничуть не удивился, когда ноги сами вернули меня к контейнерам с остатками жратвы, а руки сами схватили пару больших кусков мяса.

Жратва.

С тех пор как мы начали получать особые уколы системы – мысли о еде и питье не покидают моей головы никогда. Просыпаясь – а просыпаюсь я уже голодным – я сначала думаю о жратве и только затем о проблемах. Еда, еда, еда, еда – мысли о ней постоянно крутятся в моем подсознании, и я еще ни разу не забыл пополнить запасы пищевых кубиков и таблеток изотоника.

Странно ли это?

Нет. Мне это кажется абсолютно нормальным. Это орут мои инстинкты. Это вопит мое тело – что стремительно меняется от наших нещадных упражнений, постоянных ранений, инъекций и прочих сложностей жизни.

Сжевав мясо, я вышел из сарая, не забыв прикрыть дверь. С игстрелом наготове прошелся по длинному каскаду, превращенному в настоящий ботанический сад. В темный и плохо пахнущий ботанический сад.

Под ногами широченная лужа полная водорослей. На стенах наварены стальные полки, а на них кучи дерьма с растущими на нем грибами. Но будь я первопроходцем – ни за что не назвал бы эту хрень грибами. На стенах висела гроздья склизких венозных опухолей. Внутри «грибов» непрестанно происходили какие-то гнилостные процессы, за полупрозрачной оболочкой что-то пузырилось, что-то словно скреблось, стремясь выбраться наружу и впиться мокрыми от слизи когтями в перепуганную харю гоблина…

В центе трубы два аккуратных ряда стальных столов. На них резаки с короткими, но широкими лезвиями. Столы протерты и блестят, под ними пустые и чистые ящики и контейнеры с плотно пригнанными крышками. Поодаль, шагах в пяти, у самого конца четырнадцатого каскада, под большим листом пластика еще несколько контейнеров. О содержимом можно не гадать – стенки прозрачные. В контейнерах битком гниющего фарша смешанного с чем-то оранжевым, зеленым и красным. Вот она фирменная подкормочка паучихи Вэттэ, на которой грибы растут как оглашенные.

Покачав головой, я медленно покрутился, оглядывая огромную трубу превращенную в нарко-делянку. Тут сырье выращивают, срезают, мелко нарезают, грузят в герметичную тару и тащат в паучью крепость. И уже там, где-то в глубинах сердца Лихткастила, производятся маленькие серенькие таблеточки.

Кстати, о таблетках – в гостинице с едой от Вэттэ обнаружился пакетик с солидным запасом мемваса. И эти таблетки были серо-фиолетовыми. А на пакетике имелся

смайлик, отпечаток губ и длинное примечание «Высшая очистка, никаких примесей, приход ярчайший, но короткий, флеши короткие, но частые».

Дернув плечом, вытащил левую кисть из набедренного кармана, где хранился пакетик. Чуть отступил, давая проплыть мимо ботинок целой грозди крохотных белесых яиц. Вскоре они запутались в водорослях и заколыхались на водной глади.

Салат, яичница и наркота из одной и той же трубы. Гениально.

В конце каскада решетка. На обычной щеколде, которую можно открыть с любой стороны. Решетка стальная, выдержит удар любого плукса – даже того гиганта, что я видел при зачистке гнездилища ксарлов. За решеткой видна узкая лестница ведущая вверх. Как же хочется поскорее отправиться выше. Но я сдержал свой порыв – бросать бойцов нельзя. Они в таком отрубе, что не заметят ни плуксов, ни вдруг нагрянувших пауков.

Вернувшись к сараю, я прислушался к ощущениям и понял, что спать не хочу.

Что делать если не спится?

Отжиматься, делать скручивания, тренировать хват, освежать в памяти приемы ножевого боя, приседать, подтягиваться… всего не перечесть. Но перечислять и не требуется – надо выполнять пункт за пунктом все, что успею за следующие два часа.

Так и поступил, не забывая оценивать текущее состояние организма.

Левая рука – работает идеально. Локоть в полном порядке. На пояснице проступили тугие валики мышц, гнусь и выпрямляюсь без проблем. Исчез хруст в коленях. Руки… руки превратились в обвитые венами мускулистые лапы. Уцепившись за торчащую из крыши железки, я без проблем подтянулся тридцать раз вместе с рюкзаком и в полной экипировке. Отжимания, приседания, прыжки в сторону – я повторял и повторял все движения по кругу до тех пор, пока пот не начал лить с меня ручьями. Отдышавшись, сделал еще пару раундов. Опять отдышался. И занялся игстрелом и ножом. Выхватывание, наведение, отступление, прицеливание из-за угла, наступление, снова отступление. На какой-то минуте меня приподняла и потащила за собой эйфория кайфующего от достойной нагрузки тела. Вместо двух часов занимался собой целых три и останавливаться пришлось усилием воли. Пошатываясь, ввалился в сарай, бесцеремонно растормошил по очереди бойцов и, заставив каждого опять принять лекарства и выпить воды, позволил им уснуть. Сам же неспешно занялся очисткой снаряжения и самого себя – благо паучьей воды и салфеток

жалеть не собирался. Через час, снова чистый и сытый, разбудил Баска. Взглянул в его опоясанный багровым рубцом уже не такой мутный глаз. Спросил:

– Видишь меня?

– Да – зомби не сумел сдержать улыбки – Вижу. Отчетливо.

– С возвращением в мир зрячих, зомби.

– Спасибо, командир! Если бы не ты!

– Поблагодаришь, когда вскроешь живот той суки Евы. Или передумал кромсать красивожопую падлу?

– Убью – коротко ответил Баск.

– Настрой радует. Насколько далеко видишь?

– Да хрен его… как-то не до тестов было.

– В окошко глянь. Что видишь?

– Лестницы. Потом мостик. Навесы. Брызжет сверху какое-то едкое дерьмо – вон как пар валит.

Я удовлетворенно кивнул:

– Норма. Я спать – ты на страже. Боковая дверь на запоре. Открывать не надо. В основном смотри вниз. Но не забывай поглядывать и в другую сторону – оттуда может вдруг нагрянуть крайне злое паучье звено. Маловероятно, но…

– Я понял, командир.

– Рассоси энергетика. Меня разбуди через два часа. Не позже.

– Да я и дольше…

– Через два часа – повторил я.

– Понял.

Вытянувшись на лавке, я подложил под голову локоть, уперся ботинками в ящик и мгновенно отключился…

Баск не подвел. Хотя и не сомневался в его надежности – зомби последователен, целеустремлен и мотивирован. Такой не заснет на посту. И не забудет отслеживать все векторы потенциального сюрприза. Снова приняв вахту, я провел два часа в блуждании по каскаду, давая спящим рылам восстановиться по полной программе. Уколы системы творят чудеса. Несколько часов – и отбитые кишки уже снова могут булькать и пропускать через себя жрачку. Десяток часов покоя – и отбитая печень опять готова к работе.

Когда я поднял бойцов, они выглядели сонными, вялыми и голодными, но никак не умирающими. С их тел никуда не делись гигантские пятна кровоподтеков, но мы ведь не на конкурс эльфийской красоты собрались. И даже не на паучьи похороны.

– Командир… – хрипло начал Рэк, избегая смотреть мне в глаза – Знаю, что тебе про меня и остальных всякого наверняка наговорили, но там не только наша ви…

– Мы в боевой вылазке, орк – оборвал я его – Трындеть будем после. А сейчас – лекарства, немного жратвы, много воды. Потом легкая разминка – и выдвигаемся!

На черно-зеленой харе орка появилась широченная облегченная улыбка. Потирая впалое пузо, он заковылял к рюкзакам, на ходу забрасывая в пасть таблетки. Кажется, забрасывал вперемешку – лекарства вместе с шизой и энергетиками. Ну да – желудок сам разберется куда и что направить. Остальные – тоже не скрывая облегчения – направились за орком.

Еще через сорок минут мы наконец-то покинули надоевшую мне грибную ферму, выйдя за решетку и начав подниматься по очередной лестнице.

* * *

Продвижение по уже проложенному стальному пути не требовало много внимания. Под потолком покачивались под струями воды несколько электрических фонарей – врезанных в толстый багровый провод, бегущий по изогнутому потолку трубы. Паучьей хозяйственности я только порадовался – это позволяло сэкономить заряд наших фонарей.

На этот раз я двигался последним и неспешно изучал поведение бойцов. Пусть память наша стерта, но вот неосознанные поведенческие привычки стереть тяжелее, чем воспоминания. У меня нет доказательств этой теории. Имею разве что самое смутное подтверждение – благодаря собственным наркотическим флешбэкам.

Вот я – гоблин Оди – с первого своего дня в этом уродливом мире веду себя вызывающе, нагло, агрессивно, причем я всегда готов доказать, что моя агрессивность не только на словах. Я с радостью сломаю любому ублюдку конечность, спину или шею, если он встанет на моем пути.

Насколько такое поведение естественно?

Если глянуть на большинство – они совсем другие. Забитые, покорные, удивительно спокойные, не имеющие настоящей внутренней ярости, чей огонь клокочет постоянно, не загасая даже во время сна. Я чувствую эту ярость не только в себе. Она – внутренний горячий злой огонек – горит в каждом из моих трех бойцов. Пусть в каждом она горит с разной яркостью, но я ощущаю жар их душ. Звучит глуповато, но так и есть.

Мы сильно отличаемся от большинства. И я уверен, что все дело в нашем прошлом.

Если настоящему опытному солдату стерли память, и он родился гоблином на Окраине – испугается ли он драки? Или же вступит в нее с привычной невозмутимостью?

Если бы я свою прошлую жизнь провел в офисе перебирая бумажки, а вечерами цедя алкоголь в барах – родился бы я здесь жаждущим проблем и схваток злобным гоблином Оди? Вряд ли.

Даже сейчас кое-что можно сказать по поведению мерно шагающих бойцов.

Йорка и Баск больше смотрят вперед и вниз. Тут все просто – они высматривают чаще всего невысоких плуксов. Вот чего они опасаются.

Рэк же больше таращится по сторонам и не забывает вглядываться вперед, но вниз почти не смотрит. Орк на подсознательном уровне ждет проблем не от зверей, а от противников похитрее и поопасней – Рэк опасается людей. И то, как он движется – я этого не показывал – чуть боком, немного выставив левое плечо вперед, держа полусогнутые руки на уровне живота, будто держит в них что-то дальнобойное, как он переставляет ноги, говорит мне о многом. Еще нет-нет он встряхивает как бы удивленно головой, порой проводит пальцами в районе левой ключицы… иногда я делаю почти точно так же – встряхиваю головой, но вот ключицу не лапаю. Почему мы так поступаем? Сначала я не мог понять, а затем осознал, что поступаю так во время боевых вылазок, при этом меня удивляет тишина. Вот чего не хватает мне и Рэку – звучащих в ухе голосов, сообщающих оперативную обстановку, предостерегающих, оповещающих о потерях и прочем.

Я не могу угадать бывший род занятий Йорки и Баска.

Но вот Рэк…

Что-то в темной пустоте моей выжженной ментальной кислотой памяти говорит о том, что Рэк как минимум несколько лет прослужил в полиции. Причем не в самом мирном месте. И в прошлом ему не раз приходилось шагать темными коридорами с оружием наизготовку и с тревожно бубнящими голосами в ухе.

Хотя это всего лишь догадка. Не более.

Убедившись, что бойцы достаточно проснулись, чтобы суметь запомнить детали, принялся пояснять боевую задачу в деталях, не забывая про предысторию.

Вскоре мы оказались на семнадцатом каскаде и, смело шагая по колено в воде, обходя уродливую черепашью живность, ровным темпом прошли всю трубу, остановившись у массивной стальной решетки. Предпоследняя лампа в паре шагов позади. Последняя – в паре шагов впереди, закреплена у самой решетки. Ее света хватает, чтобы осветить вытекающую из-под решетки темную

ленту воды, покрытые склизкой хренью мощные прутья и когтистые лапы, скребущие сталь, в безнадежной попытке дотянуться до мягкого и почему-то неиспуганного мяса.

Плуксы. Четыре серых плукса высотой в холке чуть выше колена. Солидные злобные твари, что только и ждут шанса вцепиться в ногу и вгрызться в плоть.

– Никаких игстрелов – напомнил я и Йорка неохотно убрала оружие за спину, взамен отстегивая дубину.

– Нам ведь их так и так мочить – вздохнула напарница.

– Вам – кивнул я – А командир в сторонке постоит.

– Открывать? – поинтересовался Рэк.

– Вы меня огорчаете – буркнул я.

– Чего так? – удивленно дернулся орк. Глаз сверкал таким удивлением, что сразу ясно – Рэк уже забыл о потасовке на паучьем балу.

– Рюкзаки – за меня ответил от стены зомби, медленно ведя рукой по болтающим на стене мешкам – Очень хорошо упакованы. Тут постарались как следует.

– Сырость – кивнул я, делая шажок в сторону и с хрустом вдавливая крохотного плукса в сталь.

Йорка сломала спины еще двум, Рэк, по пути к рюкзакам, размазал оранжевого кроху, что не сумел справиться с течением и опрометчиво выплыл за решетку. Две когтистые лапы мелькнули между прутьев, совсем чуть-чуть не дотянувшись до штанины орка. Твари безмолвные как ночной кошмар.

Три мешка на стене. Самодельных, больших, неудобных. Но сшитых крепко, снабженных большими наружными карманами. Закреплены на веревках. Висят на виду. Это не тайник. Это кладовка. И первое доказательство того, что паучье звено Трахаря было здесь и прошло за решетку.

Правда понял я это не сразу. Сначала мы поочередно спустили мешки и тщательно проверили их содержимое, быстро убедившись в щедрости судьбы.

В каждом мешке запасы питьевой воды, пищевых кубиков, вяленого мяса, различных таблеток. В отдельных карманах лекарства, медицинский клей, пластыри, бинты, метры широкой клейкой ленты. И уже знакомые походные аптечки – средней стоимости. Несколько пачек влажных салфеток, запасные очки, картриджи с боеприпасами. Солидная тщательная подготовка.

Тут я и понял, что это звено Трахаря – в одном из карманов наткнулся на здоровенный картридж с настоящими штырями. Пятизарядные. Покачав картридж на ладони, забросил его обратно и хмыкнул – все же размер имеет значение.

Напившись и чуть перекусив – пока жевали, к плуксам

присоединилось еще двое товарищей – повесили чужие рюкзаки обратно и принялись за дело. Плуксов прибавилось – пришлось и мне участвовать в потасовке. Отметил с какой неохотой я взялся за шило и дубину – руки тянулись к игстрелу. Ну да, что может быть легче – щелк, щелк, щелк и готово.

– Давай – скомандовал я, занимая позицию в двух шагах от двери.

Изогнувшаяся гоблинша дотянулась, отперла дверь и дернула створку в сторону. Дверь отъехала на полметра и в щель тут же сунулись первые плуксы. И тут же огребли дубинами по головам. Я вмешался только раз – когда один плукс пошел на личный рекорд, взбежав по горе из трупов и прыгнув в лицо Баску. Сбив его дубиной, дважды ударил шилом и отступил. Кончено. Рыкающий орк отшвыривает от прохода трупы плуксов, Баск и Йорка вглядываются в сумрак, одновременно давя кусачую мелюзгу пытающуюся прогрызть ботинки. И снова Вэттэ не солгала – плуксов тут полно.

Решетку я прошел первым. Прошел со смешанными чувствами – радость, испуг, возбуждение, ожидание всего самого скверного что только может случиться.

Гоблинам здесь не место…

Гоблины должны жить на Окраине.

Ну максимум в Дренажтауне или нежиться в гостях у пауков.

Но уж точно не должны гоблины блуждать по смертельно опасной Кислотке за решеткой семнадцатого каскада…

Сука… вот за что я не люблю фантазию. Назвали бы как-нибудь проще. И не было бы такого холодка по ребрам от одних только названий вроде Зловонка, Клоака, Кислотка. Сумели же назвать кладбище Шартрез – и так приятно звучит, что прямо хочется там оказаться. Но желательно в качестве гостя, а не постоянного обитателя костяного гроба.

Протопав десяток шагов по беспомощным тельцам барахтающейся плуксовой мелюзги, чем избавили их от мук принятия кислотного дождя ниже, мы остановились на «отмели» у первой развилки. На очищенной от наростов грязи стены несколько стрелок и пояснений.

Лево, лево, лево – тупик. Плуксы.

Право, право, лево – тупик.

Право, лево, прямо – Сучья Молотилка. Плуксы! Много!

Право, лево, прямо, лево – Кислотная Жопа! Прыгать! Прыгать!

Право, лево, вверх – 19к. Кислотная Радуга! Капюшоны! Бегом!

– Нам сюда – ткнул я пальцем по цифре.

Спорить никто не стал – и так ясно, что если Трахарь на самом деле надеялся отыскать мифических синих медуз, то он должен был стремиться к ранее неизведанным местам. Шарить по уже не раз проверенным тупикам ему не было никакого резона. Да и не слишком хотелось познать сомнительное удовольствие от пребывания в Кислотной Жопе или Сучьей Молотилке.

И я заметил, как Рэк заткнул себе ушибленную пасть ладонью, когда его глаз скользнул по слову «Сучья». Растет над собой орк. А ведь наверняка был в секунде от того, чтобы указать Йорке наиболее подходящий ей маршрут.

Двигаясь по стрелкам, мы прошли парой труб, упираясь в стены, поднялись по курящейся паром вонючей воде и, бегом преодолев льющую сверху переливающуюся водяную преграду – Кислотная Радуга – оказались у следующего подъема. Цепляясь за тросовые перила, вскарабкались и оказались на следующем перекрестке, где столкнулись с серым плуксом-гигантом. Килограмм сто. Выглядел он так внушительно, что я даже переживать не стал – взял и всадил ему иглу в удачно подставленный бок, целясь в складки у «плеча». Дернувшаяся тварь развернулась и прыгнула – но подстреленная лапа подвела и гиганта повело. Неудачно приземлившись, рухнул и… угодил под остервенелые дубины перепуганных гоблинов. Большая тварь, большая. Мы еще не привыкли…

Вот такой трофей если стащить вниз и предъявить системе – наверняка получим бонусное снабжение и бесплатные медицинские услуги.

Перешагнув изломанную лапу, вгляделся в следующие указатели. Тут система та же самая.

Прямо, прямо, вверх – 20-ый. Осторожно!

Прямо, лево – Подыхалка! Мандарины, мозгососы. Крупняк!

Прямо, право – Яичный Тупик.

И снова маршрут известен. Я могу ошибаться – может Трахарь не рискнул идти вверх и предпочел повести звено в ту же Подыхалку. Потом притащить вождю десяток крупных зверюг, показать боевые раны и покаяться – искали мол, воевали мол, сраки рвали мол, но медуз не нашли, о великий. Но что-то пошло не так и в Подыхалке они и подохли. Может быть… но пока мы бодры и полны сил – поднимемся выше. Если поймем, что слишком отдалились от безопасной гавани – вернемся, передохнем, после чего осмотрим на уровнях пониже.

Таков был мой разумный план.

Но он не пригодился.

Мы нашли череп. И несмотря на его пустотелость, обглоданность и промытость, можно было смело утверждать, что

череп достаточно свежий. Остались кое-где кусочки потемневшей плоти. Что особо интересно – череп висел вцепившись зубами в свисающий со стены трос. Челюсти стиснуты намертво. Пройдет еще несколько дней, окончательно сгнившие связки уже не смогут удержать челюсти и череп рухнет в воду. Но пока что он болтался на тросе и стучал о стену веселой гулкой погремушкой.

Еще пара шагов. И за мягким изгибом трубы мы увидели пирующих… нет… не плуксов. Черепахоподобных медлительных созданий с горбами прозрачной плоти. Они оказались не хищниками, но падальщиками. Сгрудившись вокруг некоего крупного объекта, образовав из своих тел противостоящую потоку воды баррикаду, черепахи отщипывали по кусочку, смакуя угощение.

Вот только даже с этого расстояния я отчетливо видел – черепахи жрали не паука. Там лежал труп покрупнее.

– Вот дерьмо-дерьмище! – прохрипел Рэк, разглядев черепашье пиршество – Это что за гребаная хрень, командир?

– Сейчас узнаем – тихо сказал я, внимательно оглядывая трубу.

Почему нет плуксов? Вряд ли они настолько щедры и добры, чтобы уступать черепахам вкусную податливую плоть. Но плуксы не соблазнились мясом. Почему?

Опасности не вижу. Луч света от моего фонаря медленно скользит по мокрым стенам трубы, подолгу задерживаясь на каждом подозрительном месте. Тут негде устроить засады, уровень воды по бедро. Почему мясо и черепах не смыло ниже понятно – там что-то вроде решетчатого порожка, выступающего над водой. О эту гребенку они и зацепились.

– Вперед – скомандовал я, и, отставив от себя подальше фонарь, с трудом зашагал вверх, преодолевая течение.

Обедающих уродливых черепах я не боялся. Они много раз встречались на нашем пути и никак не реагировали. Плотоядные они или нет – черепахи точно не охотники. И если только тухлятина не ударила им в голову, проблем не возникнет.

Так и оказалось. Черепахи отреагировали на наше приближение… да никак они не отреагировали. Продолжили дальше жрать, отщипывая по кусочку от царской горы мяса.

– Лопнуть и… – начала, но не закончила Йорка свою любимую присказку, решив выразиться иначе – Мать его! Бедолага она!

– Не могу не согласиться – буднично произнес я, глядя на лежащий перед нами труп.

Если это рожала обычная женщина…

Двуногий. Двурукий. Одна голова. Плечи. Брюхо. Колени и

локти. Если глядеть на все по отдельности – труп как труп. Уже пожеванный чуток, плюс вода нехило поработала над одной стороной, но вполне можно полюбоваться. Но вся «нормальность» теряется, когда мозг наконец осознает – перед нами лежит великан.

Мужчина. Рост три метра с небольшим, руки непропорционально короткие, зато ноги не подкачали – чрезмерно длинные бедра, дальше вздутые шишаки коленей, какие-то куцые голени и широченные ступни. Бочкообразная грудь, огромная голова с чудовищно выпирающими надбровными дугами. Подбородок такой ширины, что этой пастью можно разом ведро грязи зачерпнуть. Голова вообще выглядит пришитой к этому пусть большому, но не слишком широкоплечему телу. Если представить, что перед нами тело обычных размеров, то сразу становится ясно, что при жизни он был вполне заурядного телосложения.

– Чудовище! – выдохнул Рэк.

– Скорее жертва какой-то болезни врожденной или приобретенной – не согласился с ним припавший на колено Баск – Что-то вроде гигантизма.

– Может ты доктором был когда-то? – бросил я навскидку.

– Нет – уверенно ответил зомби, продолжая изучать мертвое тело – Доктором я точно не был.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил орк.

– Просто чувствую – пожал плечами Баск и выпрямился – Это не чудовище. Гигант. Но не чудовище.

– Гигант – согласился я, занимая его место и ладонью откидывая волосы с уцелевшего лба – И его пристрелили.

– Вот это дыра – присвистнул орк – Похоже…

– Игдальстрел – произнес я, засунув ладонь под затылок и сразу нащупав выходное отверстие – Потрясающая мощь.

– Так… – Йорка выставила перед собой руки – Еще разок. То есть это обычный гоблин, что просто заблудился здесь, заболел чем-то нехорошим, отчего превратился в огромное чудовище, а потом его пристрелили из игдальстрела. Так?

– Нет – ответил я – Или да. Здесь столько всякой хрени течет ядовитой…

– С нами может такое случиться? – вопрос был явно риторический – Йорка поспешно напяливала маску, хотя в трубе не особо воняло. Вода почти чистая.

Ничего не ответив, я лишь вздохнул и продолжил осмотр.

Трусы. Необъятные трусы. Как такие называются? Реликт безумного средневековья? Сшиты из лоскутов и полос. Оценив примерно температуру в трубе, решил, что тут градусов

шестнадцать-восемнадцать. Бродить тут только в трусах – холодновато будет. На ступнях нет обуви, но на голенях видны вдавленные полосы. Обувь была. Наверняка и одежда имелась. Но ее сняли после гибели гиганта.

Другие повреждения тела – таковые имелись. Глубокие раны на левом предплечье, несколько борозд на торсе. В одной из ран нашел сломанное шило. И удар пришелся точно в печень. Еще пяток глубоких тычковых ран в бедрах. Сзади не смотрел – не было желания толкаться среди мясистых черепах и пытаться перевернуться эту громадину. И так ясно, что даже без выстрела в башку скорей всего этот хмырь загнулся бы от кровопотери и тяжести ран. Не знаю можно ли назвать пауков Трахаря придурками, но драться они вроде умеют и размеров противника не боятся.

Так…

Полное боевое звено хорошо снаряженных пауков… И сколько таких вот противников надо, чтобы с ними справиться?

Оказалось, что так глубоко задумался, что не заметил, как произнес вопрос вслух.

– Сколько надо таких здоровяков против паучьего звена? – глянул на меня Рэк – Погоди… с чего ты решил, что с пауками справились? Может они завалили этого хмыря и спокойно пошли дальше медуз искать.

– С чего? Во-первых, они так и не вернулись, хотя все сроки вышли – легко ответил я – Таким боевым рангом не рискуют. К тому же это потеря игдальстрела. Трахарь на это бы не пошел. И остальные бы не пошли. Снова становиться несчастным паукообразным гоблином-работягой? Не вариант. Даже ради улетного кайфа вождя Мимира. Нет. Раз пауки не вернулись – с ними случилось что-то очень нехорошее.

– А во-вторых?

– Череп вцепившийся в трос – указал я на продолжающую стучать погремушку – Сдохни ты и повисни твоя оторванная голова на тросе – я бы так не оставил. Все же соратник боевой.

– Спасибо! – поблагодарил орк – Если что – твою голову тоже погремухой о стену биться не оставлю. Где-нибудь утоплю в укромном уголке.

– Вот и договорились – усмехнулся я.

– Пауки на этом месте проиграли… – продолжил Рэк.

– Вряд ли – покачал я головой – Но тут скорей всего все закончилось. Я думаю, пауки убегали, Рэк. Они проиграли схватку и убегали. Причем бежали уже неполным составом – кто-то полег раньше, кто-то позже, а сюда, к финалу, быть может добежал только Трахарь.

– По дыре во лбу судишь?

– Ага. Бахнули из винтовки, прострелили кочан насквозь. Это игдальстрел. А из него мог стрелять только Трахарь.

– Выстрелил, убил, побежал дальше – продолжил за меня Рэк – Почти добежал до спуска и тут его поймали. Но он вцепился в трос всем чем мог – даже зубами. И ему попросту отрубили голову. Так что ли?

– То есть это его пустая голова стучит о стену скорбно? – хмыкнул Баск – Как назидание…

– Может его. Может кто-то из бойцов звена – кивнул я – Когда их завалили, тела уволокли. Все делали в спешке. Содрали одежду, бросили голову, потащили тела и снаряжение пауков вверх. Почему спешили? Хрен его знает. Но тут бродят плуксы и если преследователей было не слишком много – это веская причина ускориться. К тому же они могли быть ранены и торопились получить медицинскую помощь. Или голова тупого паука им просто не нужна.

– А тело нужно?

– А тело нужно. Мясо.

– Жрут?

– Не вижу другой причины переть на горбу килограмм под сто паучьего мяса.

– А паучьи мозги не мясо что ли? Деликатес!

– А хрен знает их вкусовые пристрастия. Может выковыривать не любят. Или тупо забыли про голову.

– И тушу братана бросили. Но тут килограмм двести – не утащить.

– Гадать мы можем до бесконечности. Тут может все не так было. Продолжаем двигаться. Но теперь впереди шагаю я. Вы шагах в пяти позади. И без споров.

Дождавшись кивков, бросил последний взгляд на медленно исчезающий труп и зашагал дальше по трубе, двигаясь у стены. Ровный темп сломался. Теперь мы передвигались ломанными рывками, то и дело останавливаясь, вглядываясь, вслушиваясь. Долбаные местные обобрали труп сородича, оставив только грязные трусы. В результате я не смог определить уровень их технической развитости. Судя по трусам – предельно низкий. Но может мужик при жизни любил домашний простор для родного хрохотули? Кожу изрядно обожрали, не увидеть следы носимой экипировки. Хотя голени многое мне рассказали – он носил какую-то странную обувь удерживаемую на ноге лентами.

Что мне это дает?

Шанс на то, что те, кто столкнулся с боевыми пауками, не настолько технически развиты, чтобы опасаться выстрела в грудь

с расстояния в несколько сотен метров.

Опять же свет… великан ты или нет – тебе нужен свет. Хотя бы тусклый, но нужен для комфортного существования. Мы физиологически не приспособлены для жизни в полной тьме. О этот нужный, такой желанный и такой предательский свет… Чем пользуются здешние? Фонариками? Факелами? Устройствами ночного видения? Навострились пользоваться и общаться жопной эхолокацией?

Мне нужно больше информации. И как можно скорее.

Вскоре обнаружилась следующая зацепка – и тоже на стене.

Оторванная паучья лапа. Стальная. Короткая. С карабином и когтем на одном конце, с оборванной цепью на другой. Судя по высоте зацепки – паук поднялся повыше, уцепившись когтем за едва заметный выступ. Там повис, оттуда его и содрали, попутно оторвав бедолажке лапку. Зачем паук туда лез – неизвестно. Труба не настолько высока, чтобы позиция стоила того. Либо ополоумел от страха, либо старался заняться стрелковую позицию, чтобы достать кого-то определенного и идущего не в первых рядах.

Снова всего лишь догадки. Но идем правильно, и судя по отметкам, мы движемся к следующему каскаду.

– Интересно – задумчиво сказал я, опускаясь на колено у крутого изгиба трубы и наводя игстрел на каскад, что начинался метрах в пяти и выглядел пульсирующим багровым светом игровым аттракционом для самоубийц.

Труба на участке в семь-восемь метров становилась дырчатой. С той стороны полыхали резкие багровые вспышки, оставляющие засветки в глазах. Оттуда же – из дыр – лилась и лилась подсвеченная красным вода, отчего казалась, что мы находимся внутри вены. В этом месте труба круто шла вверх, чтобы подняться, придется карабкаться на карачках, цепляясь руками за светящиеся дыры.

Но мое «интересно» относилось не к трубе. Нет. Я был удивлен другим – на роскошно подсвеченном решетчатом ложе лежал нагой уродливый гигант и, получая массаж от багровых струй воды, скривив лицо в гримасе подступающего оргазма, вовсю мастурбировал, от избытка получаемых ощущений скребя пятками и ерзая тазом.

Решение я принял быстро. Пара коротких жестов и я рванулся вперед быстро, но не бегом, стараясь не плескать. Рокочущий массажный желоб «мечта дрочуна» помог слепящими вспышками и шумом, так что добрался я быстро и не замеченным. Вскарабкавшись, рывком бросил себя в сторону и приземлился точно в цель – подошвами ботинок на трясущий пах великана,

отчего его ритмичное недавнее «о-о-о», перешло в сдавленное «О-О-О-О», пятки вздернулись, и мы весело скатились к подножию. Короткое движение подскочившего Рэка и в горло великана уперлось лезвие топора, скребанув по коже и вспоров ее.

– Ты кончил? – спросил я, вжимая ствол «свинки» в левый зажмуренный глаз гиганта.

Правый, перепуганный, ничего не понимающий, часто моргающий, таращился мне в лицо.

– Да-а… – выдавил трясущийся от пережитого шока парень.

Что ж. Можно понять. Лежишь тут в ванне, никому не мешаешь, занимаешься сбросом стресса после долгого тяжелого дня и тут вдруг бах! И тебе на яйца приземляется небритый мужик с игстрелом. А ты ведь совсем не его представлял в своих влажных мечтах, а ту сисястую сучку…

– Я уже порвал твои эротические фантазии? – обрадованно усилил я нажим игстрела – Теперь на мой образ начнешь насосом подкачивать?

– А? А?

– Может ты отпустишь друга? – сменил я тон на участливый, переступая на грудь парня – А то почти задушил бедолагу.

– Я не… я не… Ой! Чужие! Сучье вымя!

– Мы чужие – кивнул я, изучая пленника и с каждой секундой радуясь все сильнее.

На нем самодельная одежда. Жилет, спущенные до колен штаны, уже знакомые на вид трусы. Ноги босы, но вон Йорка уже стаскивает с желоба небольшой рюкзак и болтающиеся на лямке какие-то бутсы с лентами. Там же висит длинная дубина – метра полтора в длину. Несколько арматурных прутьев связанных вместе проволокой. Увесистое страшное оружие. Орудовать таким сможет далеко не каждый, но в лапе великана дубина покажется обычной палкой.

Как бы то ни было – никаких игстрелов и технических интересностей я не вижу.

– Ты кто? – ласков спросил я – М? Кто ты такой веселый дрочунишка из подземной джакузи? Должен же я передать твоей подружке чем ее парень в ванной занимается, да?

– Я… я Мук.

– Мук?

– Мук – осторожно кивнул великан, ударившись подбородком о прижатый к шее топор – Ой… не надо…

– А ты кто вообще? Гоблин?

– Дэв.

– Кто?

– Мы дэвы – проблеял великан – Великие и ужасные дэвы…

– Дэвы – повторил я, недоуменно глянув на Баска, что только развел руками – Как интересно. И чем знамениты дэвы? Ну кроме продвинутых техник самоублажения.

– Мы просто живем…

– Вы убили паучье звено, Мук? – буднично спросил я, снимая с пояса нож.

– Штаны… одеть штаны… – попросил великан, но я не собирался даровать ему моральное успокоение. Пусть и дальше его отросток горестно показывает себя. Дополнительное психологическое давление редко бывает лишним.

– Вы убили паучье звено, Мук? – присев на корточки на его груди, спросил я, заводя руку с ножом за спину и неглубоко втыкая его в… да куда пришлось туда и воткнул. Тут большие просторы телес.

– А-А-А-А-А!

Кожа толстая. Отточенное лезвие ножа прорезало легко, но сопротивление я ощутил.

– Вы убили паучье звено – я уже не спрашивал, а утверждал, одновременно давя ладонью на воткнутый нож.

– А-А-А-А!

– Настоящая сладкая феерия садо-мазо, да? – тепло улыбнулся я в огромное лицо – Сладкий комочек уже подкатил к сердцу? Ты чувствуешь себя униженным, но счастливым?

– А-А-А-А!

– Мук, может поглубже? Ты не стесняйся.

– Мы убили! Мы! Вытащи! Больно! Больно!

– Ну что ты сразу – вытащи – поцокал я языком – Тут главное привыкнуть. И тебе начнет нравиться. Давай так – придумаем наше и только наше с тобой личное кодовое слово. Ты мне его как шепнешь на ухо – и сразу прекращаю, что бы там удивительного я не делал с твоим роскошным телом. Хорошо?

– Что?!

– Ухо – скомандовал я и Рэк взмахнул топором. Треть уха уплыла по багровой воде.

– А-А-А-А-А-А-А!

– Какое твое кодовое слово?

– Зачем так?! Зачем?! Я расскажу! Не надо! А-А-А-А!

Ворочая ножом во все расширяющейся ране, я провел пару не самых плохих секунд своей жизни. Потом позволил парню и нашим барабанным перепонкам немного отдохнуть.

– Твое кодовое слово избавляющей от боли и увечий – быстрые и четкие ответы на мои вопросы. Усек, дэв Мук?

– Да! Да! Усек!

– Вы убили пауков.

– Точно. Десятерых. Да. Да.

– Тела их где? И снаряжение?

– Все утащили к себе!

– Зачем тела? Жрете?

– Редко… честно редко. Только в день Резни! И только если найдем. В этот раз вот нашли… сука…

– Что за день такой?

– Праздник. Наш святой праздник.

– День Резни? Святой праздник?

– Все так. Все так. Слушай… мы нормальные! Мы хорошие! Мы не жрем себе подобных! Мы не людоеды!

– Но пауков же счавкали?

– А что поделать?! Они попались нам в день Резни! Выбора нет! Страха нет! Разговора нет! Только бой! Только раж! Только кровь! Потому что это гребаный священный сучий праздник! – мне в лицо полетели брызги слюны – Да мы вообще никогда не спускались так низко! Что тут делать?! Нас привел сюда Раж! Просто не повезло всем нам – сраный день Резни! Резни! Резни! Мы мирные дэвы. Мы… мы не хотели их убивать. И не хотели умирать сами. И жрать не хотели… но пришлось! Вернее – в тот день хотели! И жрали! Но потом… су-у-у-ука….

Дернувшись всем телом, великан закрыл лицо широкопалыми ладонями и заплакал. При этом не побоялся откинуть ствол «свинки», что продолжал упираться ему в глаз. Хмыкнув, я чуть помедли и сошел с содрогающейся от плача груди, встав рядом с удивленным орком и Баском.

Презрительно оттопырив нижнюю губу, Рэк сделал вывод:

– Баба.

– Он, по сути, еще ребенок – тихо произнес зомби, странно изогнув шею и глядя на рыдающего великана подобно тому, как птица падальщик смотрит на почему-то ожившую дохлятину – Ему стыдно за содеянное.

– Стыдно?! – буркнула Йорка, на миг прекращая наблюдения за верхней частью багровой «джакузи» – А надрачивать посреди улицы ему не стыдно?! Охренеть! Лопнуть и сдохнуть! Гоблины! Вы совсем обалдели?!

– Дэвы – со смешком поправил ее я – Эй, Мук. Трусы натяни. А то девушка смущается. Ну или восхищается…

– Эй – дернулся Баск.

– Чем восхищаться-то? – фыркнула девушка – Натягивай трусы, плакса! Оди! Вот какого хрена, а?! Почему с тобой всегда так?!

– Я-то тут причем? – искренне поразился я.

– Притом! Мы шли искать в жуткой тьме Кислотки страшных

тварей порешивших боевое паучье звено. А что нашли? Онанирующего подростка?!

– О – по-прежнему закрывая лицо, стонал Мук – О дерьмо… мне конец… мне сука конец…

– Ну он постарше – заметил я и, решив, что ситуация достаточно сильно разрядилась, велел – Дэв Мук. Поднимись. Сядь вон к той стене.

– О… – мотал головой дэв.

Шагнув, с силой пнул его по бедру.

– Встань!

Гигант неуклюже подскочил. И разом превратился из лежащего плакса в трехметровую гору мяса нависшую надо мной утесом. Трусы он натянуть не успел, и мы с Рэком невольно отшатнулись. Чем-то напоминая покорное травоядное, великан дотопал до указанного места, наконец-то подтянул трусы и штаны, после чего уселся, скрестил ноги, уронил на бедра кисти рук и замер, вопросительно глядя на нас.

– Давай-ка побольше подробностей – ласково улыбнулся я, протягивая ему бутылку с компотом – Хлебни сладенького, продышись. И начинай говорить.

– Спасибо… спасибо… – бутылка утонула в его ладони почти целиком и жалобно затрещала, пока он выдавливал ее себе в рот.

В буквальном смысле выдавливал. При этом не касаясь губами горлышка. А когда выдавил все до капли, вернул сплющенную бутылку мне, а сам торопливо прополоскал руку в воде и вытер о грудь. Рэк дернулся было, но я остановил его коротким жестом. Нас никто не хочет оскорбить. Тут что-то другое. Связанное не с нами. Его движения машинальны, он делал так уже очень много раз. Глянув на бутылку, спросил по наитию:

– Что не так с бутылкой?

– Пластик – лицо великана сморщилось в гримасе отвращения – Грязь!

Потрясающе. Пластик – грязь. И кто это заявляет? Мужик чьи яйца в данный момент полощутся в сточных водах.

Видя наше недоумение, Мук с готовностью попытался прояснить:

– Невидимая грязь, что убивает! Убивает постепенно – проходит сквозь кожу, проходит через желудок и собирается здесь и здесь – он постучал себя по лбу и по груди – А потом ты умираешь! Так всегда… так всегда… Что поделать? Но надо беречься. Бойтесь пластика! Он пикограммами оседает в мозгах, а затем сводит с ума! Я выпил потому что вкусно и хотел пить – но этим приблизил день своей смерти или безумия.

Та-а-ак…

Видя фанатичную и какую-то детскую искренность в его глазах, я понял, что тут нужен немного иной подход. Отойдя в сторону, демонстративно убрав оружие, я присел на корточки и мягко попросил:

– Расскажи нам о своем народе, дэв Мук.

– Я не укажу вам мой дом – эти слова были произнесены с решимостью обреченного – Пытайте, убивайте. Я не расскажу. Я дэв. Я часть семьи. Я не предам.

– Да не расскажем мы им о том чем ты здесь занимался – махнул я успокаивающе рукой – Меньше стресса, Мук. Меньше стресса.

– Я не поэтому! – дэв дернулся как ужаленный – К-хм… вы пришли мстить, верно? Пришил убивать.

– Не – покачал я головой – Скажу, как есть – мне плевать на тех, кого вы здесь убили. Они мне никто. Те, за кого я могу убить – все здесь. В этой трубе. Исключая тебя.

– Я не могу тебе верить – и снова эта обреченность.

И снова этот чистый язык. Чистый в смысле – без ругательств. Пообщайся с любым гоблином – да даже с нами – и через слово услышишь «дерьмо», «сука», «придурок», «сдохни», «хреносос». Это как часть разговорного этикета. Но дэв Мук говорит чисто. Он выругался недавно. Но в такой ситуации кто удержится от мата? Даже самый благочестивый из нас осерчает душой, если прервать его воображаемое соитие с лучшей самкой… Опять же шок.

– Когда я захочу отыскать твой дом – а я захочу – то справлюсь и без твоей помощи. Мне всего-то надо побродить чуть подольше по этим трубам и однажды я наткнусь на очередного дэва предающегося фантазиям в укромном уголке. И однажды мне попадется тот, кто укажет путь в нужное место. Если я сам на него случайно не наткнусь.

– Но не сегодня.

– Не сегодня – согласился я – Но давай не будем торопиться, дэв. Ты же можешь просто рассказать о своем народе? Вы вроде неплохие ребята, верно? И попадаться вам на пути не стоит только в день Резни, правильно?

– Так и есть! Мы никого не трогаем! Мы просто живем здесь! Просто живем! Раньше никогда сюда не приходили – но чуть больше года назад одна дверь почему-то открылась. Та дверь, что с экраном. Что никогда раньше не открывалась! И это случилось в день Резни… я был там…

– Был там?

– Да – великан вздрогнул, поежился – Все черно перед глазами! Я бегу. Все бегут. Мы кричим. Мы ищем. Мы ищем, но

обычно никогда не находим. А потом успокаиваемся и все снова становится нормальным. Так было всегда! Но не в этот раз…

– Вам встретились чужаки.

– Да! Они были за той дверью с экраном. Дверь открылась – и там мелкашня вроде вас! Смотрит на нас. А мы бежим. Они начали стрелять! Вот – гигант ткнул пальцем себе в правый бицепс, где на светлой коже выделялись три красные точки – Они первыми выстрелили! Но… даже если бы и не стреляли… это день Резни.

– Вы ответили?

– Мы смели их. В день Резни мы становимся сильнее и быстрее. Злее. Мы ничего не боимся.

– И так весь день?

– Нет! Что ты! Только тридцать минут!

– Полчаса? – хмыкнул я – Всего полчаса? Вот это сучья невезуха у Трахаря случилась…

– Всего полчаса! Если никого не убивали, не проливали кровь – всего полчаса. Мы просто бежим. Никого не трогаем. Перепрыгиваем крыс и жавлов, колотим по стенам. А потом останавливаемся и возвращаемся домой. И все! Но тут эта дверь… я помню, как сломал одному шею. Сдавил и там что-то затрещало. А изо рта у него потекло… – гиганта затрясло – Фу! Фу! Фу! Он так на меня смотрел… так смотрел… а я разбил ему голову о стену, а затем раздавил глаза и… и… я откусил у него кусок из шеи. Вот… потом меня неделю рвало. Хотя в тот день мы ели…

– Отвлекись – прервал я его нагнетание – Ты сказал перепрыгиваете крыс и жавлов? Как они выглядят?

– Обычно – удивился дэв и зашевелил пальцами – Чешуя разных цветов у крыс. А у жавлов кожи нет, они как пузыри. Еще они яйца в воду откладывают.

Дэв Мук описывал плунарных ксарлов и беспанцирных черепах. И если черепах – жавлов – мы тоже могли спокойно оставлять в тылу, то вот плуксов…

– И крысы вас не трогает? Не нападают?

– Крысы на нас? – поразился дэв – Конечно нет. Зачем им это?

– Действительно – улыбнулся я – Зачем им это? Вы их едите?

– Иногда. И жавлов тоже. Можно многое приготовить. Но все равно вкуснее мясных грибов не сыскать. Настоящее мясо едим только после Ража в день Резни. Традиция и все такое.

– Но в тот день кушать пришлось другое? – вернулся я к главной теме.

– Да… в тот день мы убивали по-настоящему.

– И во время Ража всех подряд вы не крошите? Крыс и жавлов

не трогаете?

– Конечно нет! Не знаю почему, но мы нападаем только на чужаков вроде вас. Хотя слышал это только от старших. Но и те не встречали чужаков – мы лишь слышали, что так было раньше. Но у нас никогда не было чужаков! Мы никогда не убивали!

– Убили и убили – пожал я плечами – Всякое случается. Давай о том моменте. Дверь открылась. А у вас Раж. Вы налетели, сбили с ног первых. Убили. Остальные что? Побежали?

– Да. Сначала стреляли. Убили Молка, Миклу, Лошу. А потом побежали. Те, кто остался. А мы за ними. Бежали долго. По трубам и лестницам. Кое-где трубы узкие, там мы не могли бежать, только ползти.

– И пауки смогли оторваться – понял я – Но потом трубы расширились, и вы догнали выживших.

– Да. Под конец, когда меня уже ранили в руку и голову, мы догнали последних двух. И убили. Мы бы может и не догнали, но один вдруг прямо на бегу замер, что-то пробормотал про «гребаный мемва» и упал как мертвый. Так и добили его.

– Он поймал флешбэк – медленно произнес я, чувствуя, как взоры бойцов скрещиваются на моей спине – И его вырубило в самый неподходящий момент.

– Что? Что поймал тот несчастный?

– Неважно. А последний паук?

– Первый что упал – у него в руке было копье. И он проткнул им ногу другого. Хотя тот почти добежал до лестницы, а мы уже выдыхались…

– Сучья невезуха Трахаря – повторил я, качая головой – Это был не его день. Вы убили и его?

– Сначала он убил Лома. Прострелил ему голову насквозь и Лом упал. А потом мы схватили его и потащили, заодно ударяя дубинами. Он умер быстро. Но зубами держался за стальную веревку. И Милн отрубил ему голову. Мы побежали с рыком обратно. И тут Раж кончился… тогда мы вернулись, сняли одежду Лома, простились с ним. И ушли.

Мне кажется или у них все имена начинаются либо на «М» либо на «Л»?

– Почему не забрали тело?

– Не было сил – признался дэв – Раж забирает каждую каплю сил. Мы еле шли. Но тащили убитых – это священная плоть, предназначенная для еды. Бросать нельзя.

– Угу… а потом почему не вернулись?

– Срок истек.

– Срок истек?

– Срок истек.

– Повторение меня утомляет – признался я – Какой срок?

– Шесть часов после смерти – и никто кроме старейшин не может прикасаться к мертвому телу. Таков закон. Табу! Лома могут отнести только старейшины. Но они очень стары и слабы. Не могут этого сделать.

– И тело так и остается гнить в трубе – кивнул я – Ясно.

– Не гнить – поправил меня Мук – Дэвы не гниют. Мертвых дэвов тихо-тихо едят жавлы, мертвых дэвов тихо-тихо ест вода. Но не в трубе, конечно! Мы отправляемся в Нга Рука! И там исчезаем навсегда, обретая вечный покой.

– Та-а-ак…

– Но Лом будет спать в трубе. Еще долго. Очень долго.

– Убитые и пожранные пауки. Ведь все не сожрали?

– Только прикусили! Фу! Фу! Фу! Всех рвало! Если бы не священные обычаи!

– Дерьмо – выразился Баск.

Он же опустил рюкзак дэва рядом с хозяином, знаком дав понять, что не найдено ничего опасного или интересного.

– Остальные мы с почестями отправили в Нга Рука! Мы не звери! Мы скорбели и скорбим! Это… несчастью для обеих сторон конфликта!

– Красиво сказано – признал я – Повторю – мне плевать на пауков. Тела в Нга Рука. А их вещи? Одежда, рюкзаки, снаряжение, оружие. Вы ведь забрали все это?

– Конечно! Мы любим прибираться!

– И куда дели?

– Нам этого не надо. Грех. И много грязи.

– И куда дели?

– Туда же, куда отправляется все ставшее ненужным в этом мире.

– И куда? Дерьмо, кажется, я знаю ответ, но как хочется ошибиться.

– В Нга Рука. На вечный покой.

– С-сука! – рявкнул Рэк.

– Большая пушка. Та из которой убили Лома… – я все еще не терял надежды.

– В Нга Рука!

– Нга Рука – повторил я – Что это такое?

– Вечный покой.

– Выглядит как?

– Яма – пожал плечами великан – Бездонная яма. Прародина жавлов. Прибежище тысячи водопадов. Гудящая музыка смерти. Нга Рука.

Я задумчиво глядел на робко улыбающегося дэва.

Эти придурки во время сезонного обострения убили боевое паучье звено. Трупы и вещи отнесли домой. Там, брезгливо проведя священный праздник, что обрел удивительную реалистичность в тот день, отожрали от пауков по кусочку, после чего с почестями отправили трупы в бездонную яму Нга Рука. А следом – наверное уже без почестей – туда же улетели и все вещи. Включая гребаный игстрел Трахаря Семилапого.

– Ты опечален? – спросил великан – Я помогу помочь. Что ты слышал о джапа? И о священных словах ом намах Шивая? Хочешь услышать больше?

– Я хочу услышать координаты Нга Рука или Руки… – произнес я с тяжелым вздохом – И хочу услышать их прямо сейчас.

– Но она рядом с нашим домом! Я не могу!

– Послушай меня Мук. Ты кажешься умным парнем. И хорошим дэвом. А я знаешь кто?

– Кто?

– Я злой гоблин. Убивая, я кайфую так, как ты не кайфовал в той ванне с подсветкой, когда крепко сжимал в пальцах свой цветок лотоса. А еще я жутко нетерпеливый, нихрена не знаю про джапа, не знаю про Шиваю. И чем дольше я не получаю желаемого – тем злее становлюсь. Если ты покажешь мне Нга Рука – я просто спущусь туда, заберу нужные мне вещи, после чего поднимусь и уйду, не причинив вред ни одному дэву. Я здесь не по ваши души. Но если мне придется самому блуждать по этому хаосу, самому искать чертову яму – я разозлюсь так, что, наткнувшись на ваш дом, вырежу всех дэвов поголовно. Я устрою свой Раж и свой день Резни. Мы с бойцами еще посоревнуемся, кто успеет отрубить больше огромных голов.

– Ты говоришь страшные слова…

– Я говорю правду. Я тот, кого лучше не злить без веской причины. И у тебя такой причины нет. Отведи нас к Нга Рука.

– Туда никто и никогда не спускался!

– Отведи нас – повторил я.

– А если ты не найдешь желаемого?

– Тогда мы просто уйдем. И никого не тронем.

– На самом деле Нга Рука не бездонная – неожиданно признался дэв – Просто очень глубокая. Мне это по секрету сказала Лунна.

– Первая хорошая новость на сегодня.

– А еще Лунна должна была прийти сегодня к красивому багровому свету и воде. Но не пришла. А я так ждал, так ждал, что…

– Решил помочь себе сам – кивнул я – Одобряю твой

поступок. Сам бы сделал так же.

– Но лучше ведь не рассказывать другим дэвам о…

– Твои тайны останутся нераскрыты, дэв Мук – пообещал я – Отведи нас к себе домой. И дай мудрым старейшинам самим решить этот вопрос.

– Хорошо! Вы обещали! Но… очень прошу – никому ни слова…

– Конечно. Ни единого слова… – облегченно выдохнул я, вставая – Пойдем. Для начала покажи мне тут дверь с экраном, что раньше никогда не открывалась…

Дверь с экраном.

Через час выяснилось, что эта стальная мощная дверь, что сейчас сдвинута в сторону, открывая широкий проход, снабжена двумя экранами – по одному с каждой стороны. Под экраном знакомый сенсор. И едва я прижал к нему палец, на экране появились знакомые и незнакомые одновременно строчки:

Подключение к глобальной контрольной сети: отсутствует.

Принятие решения: локальный ресурс.

Решение: положительное + условия.

Условия: минимальный уровень играющего «Новик1».

Игровой вызов завершен.

Итог: **победа**.

Награда: открытие створки 3227АД.

Подключение к глобальной контрольной сети: отсутствует.

Принятие решения: локальный ресурс.

Решение: положительное + условия.

Условия: минимальный уровень играющего «Новик1».

– Вот это удивительно – признался я, отходя в сторону и давая остальным прижать палец к сенсору.

– Зачем вы прижимаете пальцы к греховной, но святой вещи? – удивился наш огромный провожатый с перевязанной ногой – И как вы оживляете экран?

– А ты прижимал?

– Разок – признался великан смущенно – Всего разок.

– Ну да. Лунна же не пришла – и ты решил сам. И что? Что увидел?

– Ничего – с еще большим удивлением ответил великан – Экран не ожил.

– А ты часто видишь зеленые строчки перед глазами?

– Что?

– Ты получаешь задания каждый день от системы?

– Что?

– От Матери?

– Мать существует!

– Ага. Она дает задания дэвам?

– Дала лишь однажды! Жить здесь, убирать здесь, прочищать заторы здесь! И дэвы стараются! Дэвы сильны! Дэвы чистят трубы каждый день! Хотя тут столько страшных убивающих вещей… каждый день пластиковые бутылки… каждый день кусочки оседают в мозгу…

– Веди нас дальше, дэв Мук. Веди нас дальше…

С каждым шагом я узнавал что-то новое. Информации все еще нехватка, но пока Мук шагает – пусть шагает. Нельзя дать ему передумать и обречь нас на долгие скитания по здешним темным закоулкам.

* * *

– Так вы столкнулись с дэвом Муком случайно, странники? – переспросил седой старик, медленно проводя ладонью по трем длиннющим седым волосинам торчащим из заострившегося от возраста подбородка – Что же отрок делал там так далеко внизу?

– Мы встретили его у одной из нижних труб. Где он, пребывая в мрачных раздумьях о судьбе народе дэвов, угрюмо точил свой меч – ответил я, после крохотной паузы.

– Обоюдоострый меч – внезапно добавила Йорка.

Рэк согнулся и затрясся в приступе кашля, Баск заботливо хлопал его по спине, заодно пряча от чужих взглядов искаженное лицо.

– Не особо разглядывал его меч – хмыкнул я – Подрастающее поколение воспитано правильно. Вы можете гордиться им.

– Благодарю тебя, странник – прикрыл глаза великанский старец – Благодарю. Мы стараемся. Но у Мука нет меча…

– Дубину – поправился я.

– Ага – поддержал меня Рэк – Он угрюмо полировал свою

дубину.

На этот раз закашлялся Баск, согнувшись в три погибели.

– Вы проделали долгий путь, странники – улыбнулся старец – Прошу вас к столу. Отведайте нашего скромного, но сытного угощения.

– Глянем на еду – улыбнулся я в ответ.

Не успели сделать несколько шагов, как мне в ухо яростно зашипела неугомонная гоблинша:

– Куда мы попали?! И как себя вести? Я не умею быть вежливой!

– И не надо – ответил я – Ведите себя обычно. Мы все равно не сможем так же, как они.

– Но впечатляет – признал Баск, оживленно крутя головой и по привычке щупая все вокруг, вместе с одновременным подсчетов шагов – Впечатляет…

– И пугает – добавила Йорка, медленно шагая за зомби – Мы… мы такие мелкие…

– Да – согласился и я – Вот что значит чувствовать себя мелюзгой пузатой.

– Да нормально! – прорычал Рэк, глядя на опасно нависшие над ним ягодицы особо крупного дэва могущего похвастаться ростом больше четырех метров – Черт…

Это не может быть наследственным. Я уже успел выяснить по дороге, что у дэвов, как и всех прочих уже известных нам жителей стального мира, не рождаются дети. Забеременеть невозможно. Должна быть другая причина, почему дэвы появляются на свет такого размера. Вариантов немного.

Отобрали всех существующих на свете гигантов и отправили сюда.

Либо создали гигантов из обычных людей тем или иным способом.

Но я не собирался ломать голову над этой загадкой. Во всяком случае не сейчас – у меня были занятия поважнее. Хотя и потратил пару минут на осмотр прибежища дэвов.

Деревня.

Ухоженная чистенькая деревня овальной застройки – вокруг круглой центральной площади. Туда нас и вели, как вскоре оказалось. Прямо к скромной белой стеле стоящей посреди площади. Никаких табличек, никаких символов. Просто белая стела поднимающаяся метров на пятнадцать к потолку – хотя чтобы дотянуться до него, колонне потребовалось бы подрасти еще настолько же.

Если назвать все вокруг одним словом – клякса.

Жилая клякса.

Но без столов и стульев.

Их роль выполняли мощные стальные блоки приваренные к полу на площади. А жилые постройки представляли собой могучие грузовые контейнеры, что потеряли за давностью лет краску и маркировку. Стальные ящики с распашными дверями в торце. Дэвы не могли выпрямиться в таких домах во весь рост, зато вполне могли спать внутри. Аналог спальных капсул. Вполне защитят от, похоже что, главного здешнего врага – льющих с потолка струй воды. Причем воды чистой. Ну или невредной для дэвов – я видел как стоящий на улице гигант задрал башку и, поймав ртом крохотный водопадик, с жадностью поглощает его.

Пока мы шли, шагающий рядом со стариком Мук говорил не умолкая. Это и было причиной по которой я согласился прогуляться до «трапезы». Но оставаться на обед не собирался. Едва мы дошли до уже накрываемых столов, я дождался приглашающего жеста, подступил к гигантскому столу и оторвал кусочек какой-то желтой водоросли. Закинув в рот, прожевал – кисло – одобрительно кивнул и отступил от угощений:

– Мы должны торопиться. Где яма?

– Нга Рука…

– Она самая.

– Ты просишь разрешения…

– Я не прошу – поправил я дедушку – Вот ни разу не прошу. И с огромным трудом сохраняю вежливость, хотя мне куда проще приставить игстрел к чьему-нибудь виску и попросить по шустрому указать направление до ямы. Не хочу обидеть, но мы сюда не рвались. И пришли сюда за своим.

– Мы лишь хотим немного загладить свою вину… мы дэвы совершили непоправимое деяние, убив ваших…

– Мне плевать на убитых. Мы пришли сюда за винтовкой. Большой стреляющей штукой. И чем быстрее мы ее найдем – тем больше у нас останется времени посидеть и рассказать друг другу о наших мирах. Что скажете?

– Туда – указал старик рукой и я тут же зашагал в указанную сторону, уже не обращая внимания на показавшихся у площади прочих седоголовых великанов.

Мне жутко интересно. Я очень хочу осмотреть здесь все, задать сотню вопросов и получить тысячу ответов. Но я не могу задерживаться – потому что не знаю сколько времени займет поиск игдальстрела Трахаря.

Может на поиск уйдет минута – заглянул в яму и тут же увидел болтающуюся на ремне винтовку.

А может не все будет так просто…

* * *

Нга Рука оказалась в километре от кляксы дэвов.

И представляла собой даже не шахту, а прямоугольной формы вертикальную шахту. Мне вообще упорно кажется, что в прошлом это шахта гигантского лифта. Убрали кабину, срезали тросы. А яма осталась. Габариты впечатляют – шесть на десять примерно.

Запах…

Запаха никакого. Но шахта сосет воздух, так что судить пока рано.

Пока шли сюда, двое улыбчивых провожатых гиганта подтвердили информацию Мука – тела дэвов практически не подвержены гниению. Их тела не разлагаются. И их тела не принимаются системой после смерти – хотя на всю деревню имеется один исправный медблок, куда каждый дэв может обратиться в любой момент. Но если положить туда труп – система оставит двери раскрытой. И на этом все. Поэтому давным-давно и был найден выход – Нга Рука. Бросил – и забыл. Сюда и улетел игдальстрел.

Ирония? Злая шутка?

Для кого-то символ высшей власти. Скипетр. А для кого-то ненужная в хозяйстве вещь место которой на помойке.

Заглянув в шахту, я убедился – темно. Вот когда пришло время порадоваться нашей экономности в использовании фонарей. Стащив с плеч рюкзак, принялся отцеплять бухту веревки, не забыв дать чуть жутковато звучащую команду:

– Готовимся к спуску в Нга Руку, бойцы.

Подумав, добавил:

– Рэк проверь внутренние стены на предмет зацепов. Если есть шанс подняться-спуститься без веревок – идем все вместе. Если нет – двое останутся тут.

– Ну да – рыкнул орк – Вдруг резанут по веревочкам…

– Мы бы никогда! – опешил один из гигантов, глядя на нас с изумлением – Вы что!

– Зацепы есть – глухо оповестил орк – Метров на десять вниз – точно. А дальше изгиб начинается. А еще там дохлый дэв висит башкой вниз. А на нем черепаха жирует.

– Тогда идем все вместе – подытожил я.

Глава восьмая

Первые десять метров дались легко. Даже веревка не понадобилась – на стенах шахты имелось предостаточно зацепок. А когда мы заманались по ним спускаться, луч моего фонаря высветил скобу лестницы, что начиналась у первого шахтного изгиба. Вдоль лестницы тянулись жвала раскрытых держателей – можно спорить, что раньше здесь тянулись провода. Много проводов, пока их кто-то аккуратно не демонтировал. По лестнице мы и продолжили спуск при двух фонарях.

– Если плуксы игнорируют дэвов… вот бы их к нам! – неожиданно выдал Баск, вися на скобе чуть выше меня – А? Живая стена. Им пофиг на крыс, а крысам пофиг на дэвов.

– Система – напомнил я.

– Черт. Система наверняка психанет от такого беспредела – вздохнул зомби – Вернет дэвов сюда, а Кислотку запечатает.

– Запечатать не сумеет – не согласился я, спускаясь ниже и повисая на одной руке – Мясо, охота на плуксов, яйца, наркота, салаты – Кислотка дарует столько всего, что пауки уже не смогут без нее обходиться. Они найдут место, где прорезать новый вход. Главное знать общее направление – и они прорвутся к любимому месту.

– Верно.

– И вряд ли Кислотка дает только это – добавил я.

– В смысле?

– Откуда взялась та паучья брошь? На портрете первой королевы ее нет.

– Думаешь отыскали в Кислотке?

– Запросто – ответил я, нащупывая следующую ступеньку – Потом рискнули прогнать вещь через торгмат. Система поняла, что вещь не отсюда. Но вернуть ее никак нельзя, изымать смысла нет, к тому же зачем портить отношения с королевой, если можно их укрепить? И активировала брошь-аптечку. Но это только догадки. И я это к тому, что Кислотка могла подарить паукам немало интересного хлама. И я бы не отказался в нем порыться любопытства ради.

– Склад! – оживился орк – Точно! У них должен быть потаенный складик со всем найденным барахлом, которое не стоит лишний раз афишировать. Молоток, командир!

– Склад… У них вон торгматы какие. Не просто порыться и покопаться – с пауками и пожить можно – задумчиво подала голос Йорка – У них столь благ житейских.

– Ты про шмотье и жратву? – задал я риторический вопрос.

– Задрал ты меня гоблин попрекать этим! – зашипела приникшая к стене гоблинша – Задрал! Чего плохого в житейских благах? В чем беда, если я могу пойти и выбрать себе по вкусу фруктовый сок или даже пищевой брикет? В чем беда если я, молодая баба, могу купить себе трусы нормального вида и цвета?! Или намазать на задубевшую харю хороший смягчающий крем. Что я могу нормально дышать без маски и защитных очков. Что на меня не льется дерьмо! Да я этого хочу! И что плохого? С пауками можно жить! А если ты тупой гоблин этого не догоняешь – так потому что ты мужик! А я баба!

– На этот раз почти убедила. Но дело не в этом. С пауками ни в коем случае нельзя жить – жестко ответил я и остановился, направив луч фонаря в сторону и высветив дохлого дэва – Лучше уже на Окраине, или в Кислотке. Или в Белой Стеле.

Белая Стела – так дэвы назвали свое поселение.

Ну да. А зачем напрягать фантазию и мучать воображение, если прямо посреди центральной площади стоит белая стела? Идеально же! Поселение Белая Стела! Милое название, хотя ему никак не сравниться с Сучьей Молотилкой или же Стылой Клоакой – не звучит так пугающе-солидно.

– Почему? – на этот раз неподдельно заинтересовался Баск, чей стиль спуска мне нравился больше всего – зомби не тратил понапрасну силы. Он не повисал на ступеньках, не делал слишком быстрых движений. Обретя зрение, Баск обрел грацию. И сейчас спускался по стене как тощая матерая ящерица, тратя лишнюю секунду на поиск двух-трех нисходящих зацепок, после чего мягко спускался и снова замирал, выискивая следующие зацепы.

– Мы живем в стальной клетке с прочными стенами и прутьями – ответил я.

– И что?

– И пауки единственные у кого есть инструменты, могущие пробить эти стены. Электросварка. Газовые горелки. Видели Кислотку? Пауки оборудовали там все по высшему разряду – стальные мостики, навесы, защитные решетки, подвесные дорожки, убежища, контейнеры. Все из стали. Они, такие же пленники со стертой памятью, как и мы, предпочли построить себе монархическое государство с гребаными политическими играми, не забыв заодно пристроить ферму с наркотой и жратвой, но при этом они не бросили все силы на то, чтобы пробить себе путь к свободе. Путь наружу.

– Вот дерьмо! – рявкнул Рэк – А я и не догнал! Сука! Ведь точно! Подкопить баллонов, собрать бригаду умелых сварщиков и бойцов – и рвануть напрямую вверх, пробивая стену за стеной.

Штурм! Штурм! Штурм, суки гребаные! Это штурм! Покажите нам небо! Покажите нам сучью свободу!

– Уймись, харя! – заорала испугавшаяся Йорка – Дебил! И чего мы встали рядом с трупом?! И почему пауки не рвутся к свободе? Характеры у них такие?!

– Скорее жратва и вода у них такие – ответил я глухо, подбираясь ближе к трупу – Или им регулярно промывают мозги во время медосмотров. Или все вместе взятое. Тут не угадаешь, но одно ясно точно – если пленники не рвутся к свободе, то с пленниками что-то не так. И раз так – я в их стаде жить не стану. Иначе однажды стану таким же как они.

– Путь к свободе… – хмыкнул повисший рядом Баск – Командир, а ты не думал о самом страшном, раз уж у нас такая беседа рядом с жопой помершего дедушки дэва.

– О чем ты?

– Ты не думал – что это и есть свобода – свободной рукой зомби указал на шахту и задницу дэва – Может весь мир такой. Вот мы пролезли сквозь одну запретную стену. Прошли через Кислотку. И где оказались? На свободе? Нет. Ни хрена. Мы снова между стальных стен. А из нового только добрые великаны, не гниющие трупы, жавлы и братская могила. Дальше куда? Снова наверх? Потом в сторону? Еще в сторону? По новой найденной дорожке вниз? А там наверх. В сторону. Пока не потеряем направление и смысл. И в конце концов вылезем снова на Окраине, где нас встретят такие удивленные и такие родные хари таскающих серую слизь чумазых гоблинов…

– Много говорить ты стал – заметил орк – Надо тебе глаз выколоть.

– Я тебе выколю! – окрысилась напарница.

– Не – покачал я головой – Нет, Баск. Если бы все так было просто. Но… ты не чувствуешь? Не понимаешь?

– Что?

– Толчки землетрясения. Толчки, что становятся все сильней. Оглядитесь, гоблины. Прислушайтесь! Этот мир коллапсирует. Я не знаю, что за гоблины жили здесь до нас – но им повезло куда больше. Они жили при расцвете Дренажтауна и Паучьего царства. Сейчас же полная задница. Взрыв породивший Зловонку, а заодно и давший шанс зародиться гребанному племени людоедов-болотников. Взрыв пробивший стальные небеса и обрушивший на город трупы, плуксов и поток дерьма – и водопад льет до сих пор. У пауков осталось лишь две снайперские винтовки – может три, если найдем пушку Трахаря. Улицы Дренажтауна по колено в дерьме – и с каждым годом его становится все больше. А наверху? Каждая труба и трубища в частых латках. Даже металл устает. Вы

вообще заметили тот коридор перед дверью с экраном? Ту трубу?

– Оттуда что-то выдвинулось. Что-то вроде огромного домкрата, что уперся в потолок. Видели. Если бы домкрат не поднялся…

– Не было бы прохода к двери с экраном – тихо сказал Баск – Система подняла резервный домкрат? Чтобы поддержать свод небесный?

– Устает даже металл – повторил я – А надпись про отсутствие глобального подключения к контрольной сети? Видели на экране?

– Ага.

– У системы нет доступа к той двери. И дверной компьютер выдал разрешение на игровой вызов подошедшему изумленному пауку. Думаю, что боевое паучье звено пошло на металлический шум поднимающегося домкрата. И увидели они, как одна из стен мира исчезает, открывая проход к двери. Если бы Трахарю повезло чуть больше – у паучьего племени сейчас появились бы связи с новым племенем и расой – с племенем дэвом. Но сучье невезение Трахаря… Да в задницу Трахаря. Суть – мир разваливается. И это нормально – потому что мы находимся внутри какой-то рукотворной структуры, гоблины! Рукотворной! Эти стены кто-то установил здесь. Кто-то сделал нас добровольно низшими. Кто-то отрезал наши руки и ноги! Кто-то установил и запустил систему! А раз так – однажды этому миру придет конец. Почему? Да потому что каждая вещь однажды стареет и ломается. И чем вещь сложнее – тем быстрее сломается. Стальная дубина прослужит века. А навороченная снайперская винтовка придет в негодность куда раньше. И хватит вообще трындеть!

– У дэвов нет шрамов на руках. У них свои конечности – заметила Йорка.

– А еще тут нет полусфер наблюдения. Кроме той что висит над белой стелой и давным-давно вышла из строя – добавил Баск.

– Дэвы тоже не вписываются – буркнул я – Их сюда будто из безвыходности пихнули. Чем они занимаются?

– Трубы чистят. Решетки чистят. Все чистят.

– Странные чистильщики, нет? Огромные, неуклюжие, с приступами общей неконтролируемой жажды крови, с телами, что не гниют.

– Еще они очень сильные и… живут не больше пятидесяти лет. А с сорока лет начинают очень быстро стареть – еще тише сказал Баск.

– В смысле? – дернулся я пораженно – Тут старики седые!

– Тому дедушке, что нас на площадь привел – тридцать девять лет. Так он сказал.

– Врет! – заявила Йорка – Точно врет!

– Не думаю – сказал зомби – Быть таким большим… это ненормально. Пусть они называют себя народом дэвов… но это ведь люди. Просто очень большие люди. Такие как мы. А для нас ненормально быть такими большими.

– Они люди? – недоверчиво уточнил я – Их тела не гниют. А жажда крови? Ладно. Держи фонарь, Баск. Луч мне на руки.

– И что собрался делать?

– Небольшое полевое вскрытие.

– Что ищешь? – в голосе зомби звучал неподдельный интерес и не слышалось брезгливости.

– Чип – коротко ответил я – Рэк! Зажигай свой фонарь и давай кромсай вторую руку. Ищем чип.

– Ну вот нахрена? – забулькала Йорка – И почему они не воняют? Хотя щас это даже к лучшему.

Отвечать я не стал. Занят был – воткнув нож в потемневшую кожу, делал глубокий разрез по всей длине ручищи. И дело это было непростым. Кожа дэвов оказалась удивительно толстой – я заметил это еще на трупе Лома, что словил лбом выстрел игдальстрела. А мясо поддавалось ножу еще хуже – такое впечатление, что в плоть вплетена тончайшая стальная сетка. Бойцы замолчали, напряженно наблюдая за вскрытием.

Минут через десять стало ясно – в руках чипов нет. И мы с Рэком взялись за голову покойника. Ведь был у нас шанс размолотить огромную голову дэва в куда более удобных условиях. Там в коридоре. Но азарт погнал меня дальше. Теперь вот приходится рубить топором в подвешенном состоянии.

– Есть… – на ладони орка медленно оседала горка кровавой каши.

По одному из мясных сочных склонов медленно съезжала чешуйка чипа. Крупное и толстое тыквенное семечко черного цвета. Подцепив его, внимательно оглядел. В размерах – больше уже виденного раза в два. В остальном ничем не отличается. И с чем связан дополнительный размер? Вряд ли тут играет роль объем мозга дэвов. Микроэлектроника если и растет в размерах – что против самой ее природы – то лишь вынужденно, когда от одного и того же девайса требуются некие дополнительные мощности или возможности. Выбрасывать чип я не стал. Спрятал его в наружный карман поясной сумки.

– Ускоряемся.

– А вот дэвы…

– Разговоры завершили – скомандовал я и зомби захлопнул рот, понимающе кивнул.

А я добавил:

– И не шумим.

Да мы освещали наш путь двумя фонарями. Но не все твари обладают глазами. Кто-то может ориентироваться исключительно на шум. На вибрацию. На запах.

Запах…

Я вдоволь нанюхался трупного запаха дэва. Уверенно можно сказать одно – вони разложения нет. Вообще. Пусть даже дэв умер совсем недавно – это все равно странно. Любой живой организм разлагается хотя бы частично и этот процесс сопровождается запахом. Даже гниющие растения воняют. Не знаю откуда я это знаю, но знаю – вонь умирающих джунглей ужасна. И она тем особо страшна, что ты не видишь источник запаха – он повсюду, он окружает тебя и оттого кажется, что гниет и умирает весь мир целиком…

Дэвы не такие. Дохлые дэвы не воняют. Но пахнут. Чем? Чем-то сладким и сдобным…

– Чем пахнет дохлый дэв? – не выдержал я.

– Тортом! – ответил зомби и стало ясно, что этот же вопрос мучает и его.

– Ватрушкой! – поспешила с ответом и Йорка.

– Жопа – ватрушкой с сахарной пудрой. А мозги…

– Подкисшим тестом? – помог я Рэку.

– Точно!

– Ясно… – вздохнул я – О… а вот и счастье подвалило. Ну-ка Рэк свети вниз.

Два фонаря ненадолго отобрали у темноты часть владений, высветив интересный участок с шахтой. Трупы дэвов огромны. И пусть шахта немаленькая, все же не удивительно, что трупы цепляются за стены, их пробивает насквозь торчащими штырями и крюками, они сцепляются руками и ногами. В результате под нами образовалась сеть из трупов, что поймала в свои тенета немало добычи. Первым что я увидел – висящий над сетью безголовый паучий труп в семилапой боевой сбруе. Стальными лапами он и зацепился за стену, повиснув метрах в двух от основной «пробки». Одежда на животе разрезана. Сам живот был вскрыт, а затем снова зашит. Трахарь был прямо под нами – и грустно смотрел на нас обрубком шеи.

– Мук сказал, что они ели печень – пробулькала надо мной Йорка – Черт… столько раз видела такое дерьмо – и все равно ком к горлу.

– По кусочку печени сожрали, остатки обратно вложили – дополнил ее рассказ Баск – Вот дерьмо… Это же Трахарь без головы? И башки нигде нет – наверное в дыру улетела.

– Его башка трос грызет.

– Точно… и с телом хреново вышло.

– Сучья невезуха Трахаря – кивнул я – Сучья невезуха. Но в жопу проблемы Трахаря. Где остальные пауки? И где винтовка?

– Вижу игстрел.

– И я вижу. Отчетливо вижу. А понять, как он там оказался не могу. И снова, гоблины – где остальные трупы? Еще девять жирных крупных пауков. Где они?

– Пролетели сквозь дыры?

– Все девять? – усомнился я – Ну нет… Слушай команду – закрепиться.

– А может…

– Заткнуться! – оборвал я Йорку – Слушать меня!

– Есть…

– Закрепиться получше. Проверить оружие и снаряжение. Привяжи веревки, Рэк. И тросы. Цепляй через карабин – чтобы можно было вытянуть веревку. Двое спускаются – двое наблюдают и прикрывают. Баск ты со мной. Рэк и Йорка наверху.

– Командир… давай я с тобой…

– Ты тяжелый – пояснил я свой выбор, глядя на медленно покачивающийся на краю сети труп дэва с раскрытым ртом и вываленным языком – И ты сильный. Если что – тащишь меня. Йорка тащит Баска.

– А может он меня? – предложила девушка. Смелеет гоблинша. И медленно, но верно входит во вкус.

– У тебя игстрел – напомнил я – Примотай к нему фонарик. Если что – игл не жалей. Баск… готов, зомби?

– Двинули.

– Двинули – согласился я, обматывая конец веревки вокруг пояса, а второй протягивая Баску – Привяжись ко мне. На трупы наступай осторожно. На животы вообще старайся не наступать.

– Почему?

– Дэвы может и не гниют. А вот их последняя трапеза – еще как – пояснил я, глядя на крупного «пузана» с неимоверно раздувшимся животом – Газы… гребаные вонючие газы. А когда газ выйдет – баланс и так еле-еле балансирующего трупа может нарушиться и…

– Я понял. Насчет того игстрела.

– Да?

– Отлетел при падении?

– Может и так – кивнул я – Может и так. И при этом чисто случайно угодил в единственное освещенное место. Нет, Баск. Тут не место сучьей счастливой сказке. Тут гребаная реальность, а в реальности любой красиво подсвеченный предмет говорит только об одном – что тебе его пытаются продать.

– И цена?

– Мы. Спускаемся. Медленно. Секунду смотришь под ноги, быстро выбирая место куда наступишь. Две секунды – в дыры между трупами. Три секунды – на заманушный игстрел. Просто считай про себя.

– Понял.

В чем я не ошибся – это шахта лифта. Судя по габаритам – грузового. Судя по высоте кабины – для людей и широкоформатных, но не слишком высоких грузов. Понял я это по полураскрытым стальным створкам в стене. По любому кабина должна соответствовать дверям, верно? А раз так лифт проектировался не для дэвов, чей рост больше трех метров.

За частично открытыми створками тускло светит настенный светодиодный фонарь. Ему не хватает мощности, тусклый свет мигает. Но света достаточно, чтобы осветить начинающийся за створками коридор. В трех шагах от створок, прямо по центру светового пятна, лежит игстрел в кобуре. Свинка. Отчетливо вижу украшенную вышитыми разноцветными пауками в странных позах. Вроде сношаются. Кобура Трахаря? Обернувшись, глянул на безголовый труп и тихо выругался.

Дерьмо.

– Дерьмо – подтвердил шепотом Баск, первым наступая на мокрую задницу покойницы и переступая на поясницу – Где лапы родные?

Стальные лапы на месте. Как и руки мясные. А вот ног нет по бедра. Из обрубков торчат обломанные кости, свисают вонючие нити мяса. Сучья невезуха Трахаря. Он зацепился над сетью. И некто кто пришел на сеть до нас – пришел скорей всего из тех самых створок – не сумел стащить весь труп. Не сумел вскарабкаться по стене. Но зато отодрал и утащил ноги. Вместе с набедренной кобурой – брошенную затем на пол.

– Неизвестный дерьмоед не умеет прыгать и невысок – оповестил я достаточно громко – Но силен. Гляди, Баск.

– Вижу.

Трахарь зацепился за стену стальным каркасом сбруи и парой лап. И его дергали так сильно, что сталь в паре мест прогнулась. Ноги не выдержали первыми. Будь труп чуть погнилее – оторвался бы в районе живота. Черт… откуда я это знаю?

Ладно.

Ладно…

Я опять повернулся к дверям. И, с крайней осторожностью уже наступив на труп, постояв на мясном мостике, передумал и вернулся на стену. По ней и двинулся дальше, в то время как присевший Баск светил фонарем в проход. Лицо напряженное,

единственный глаз часто мигает, а пустая глазница нервно дергается, по щеке медленно стекает темная струйка. Я не стал ему говорить «Успокойся». Я просто продолжил двигаться – размеренно и уверенно продвигаясь к цели. Нет лучшего ободрения чем спокойные и невозмутимые как камень соратники.

Добравшись, взялся за край створки и чуть надавил. Створка не поддалась. Приложил чуть больше усилий, но не преуспел – щель по-прежнему оставалась настолько узкой, что в нее придется протискиваться боком и перед этим снимать рюкзак. А на это я пойти не мог – в задницу рюкзак, но вот узкий крысиный лаз в случае быстрого отступления превратится в ловушку. Я на такое дерьмо не подписывался. Я вообще не знаю там ли игдальстрел – он вполне мог провалиться ниже, и мы зря теряем здесь время. С другой стороны и спускаться я не мог пока не удостоверюсь, что винтовка не здесь. И пока не увижу поджидающего в темноте врага – который вполне может выползти в шахту и спокойно ждать нашего подъема. Поэтому я вытянул ногу, уперся ей в другую створку и резко надавил. Заскрипело. Задрожавшая створка поддалась на полсантиметра. Еще разок… и еще… Раз за разом металл со скрипом отступал до тех пор, пока я не решил, что почти метрового проема мне вполне достаточно. Уже не застрянем – если поодиночке.

– Командир?

– Подойди ближе, но оставайся на трупах – скомандовал я, не глядя на Баска – Чуть сместись в сторону.

– Насколько?

– Встань так, чтобы ближняя ко мне створка прикрывала тебя почти полностью. То, что не прикрыла створка – прикрой щитом. Фонарем свети в щель щита.

– Я щите Йорке оставил.

– Больше так не делай.

– Подумал, что здесь не пригодится. Лишняя тяжесть.

– Больше так не делай – повторил я – Щит. Сейчас.

– Понял.

Задрав лицо, зомби забубнил. Ему отозвалась Йорка. Недовольно рыкнул орк. Я устал прикрыл глаза. Гребаная самодеятельность. Гребаные «я подумал». От них чаще всего и случаются все беды.

Дожидаясь, чуть подался к проему, сняв с пояса свой фонарь, посветил им в коридор целясь за световое пятно, заскользил лучом по полу. Так… уже все ясно. Пол чист по центру. Ну как чист – там и сям разбросаны какие-то железки, пара костей, обрывки почти истлевшей одежды, клубки проводов с рваной изоляцией. Навалено всякого хлама понемногу. Выглядит

живописно. Вот только по центру коридора нет главного – пыли. Вокруг разбросанного мусора – а я думаю скорее аккуратно разложенного, чтобы создать видимость нехоженого места – нет пыли. А вдоль стен она есть.

А это что?

Метрах в трех от игстрела лежал большой нож. Тесак с длинным прямым лезвием. Надежное крепкое оружие и инструмент. За ножом – еще какой-то предмет. Вроде поясной сумки. Какая интересная тропинка их «хлебных» крошек. Приблизив лицо к проходу, глубоко вдохнул через нос. Еще раз. Еще раз. И сумел уловить едва заметный запах разложения – тень запаха Зловонки. Вот именно так и должны пахнуть порядочные трупы!

Нет уж… так дело не пойдет. Первоначальный план отменяем. Выключив фонарь, прижавшись спиной к створке, глянул на зомби, махнул рукой, показывая, что ему надо еще сместиться. Кивнув, Баск зашипел на медлящую Йорку, чуть сместился.

Я же спокойно и громко заявил:

– К черту эту дыру. И вниз не пойдем – фонари уже садятся. Поднимаемся наверх. И в задницу награду – она того не стоит. Вообще эту дыру надо завалить раз и навсегда.

– Чего? – изумленно спросила Йорка и тут же ойкнула, схлопотав подзатыльник от орка – Эй! Какого! Ой! Ты чего… а-а-а… поняла… тогда поднимайтесь!

– Правильно решил, командир – проревел Рэк – В жопу этот риск. Вытягиваю веревку.

– Давай. Только тяни осторожно – тут столько всего торчит. Баск. Давай наверх.

– Понял, командир.

– Уходим отсюда – повторил я и тоже задвигался, зашумел, создавая нужный звуковой фон.

Для чего?

Тут классическая ловушка. Простенькая и наивная. Но чтобы ее соорудить – надо обладать интеллектом. А вдруг к этому интеллекту дополнительно прилагаются чуткие уши и понимание вербальной речи?

Привставший зомби двинулся было к стене. Но что-то ему то ли почудилось, то ли захотелось глянуть. И он чуть качнулся в сторону.

Свистнуло.

Звук удара.

Вскрик Баска.

Испуганный вопль заголосившей дуры Йорки швыряющей

щит. Под ее рукой болтается игстрел с зажженным фонарем.

Злобный рык Рэка, что перехватил веревку Баска и резко рванул вниз, натягивая ее как струну.

А я?

А я к тому моменту – спустя пару ударов сердца – оказался уже на стой стороне дверного проема, для чего пришлось совершить прыжок над дрожащей в дверях хреновиной. Толстой и крепкой на вид мерзкой хреновиной. Схватившись за послушную створку, уперся ногами в стену и дернул. Створка поддалась еще.

– Дерьмо! – заорал Баск, часто ударяя шилом себя в левую часть груди – Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

– А-а! – поддержал я его, напрягая все свои дарованные системой и тренировками силы в новом злобном рывке.

Рывок!

И створки закрылись. Схлопнулись с гулом. И в наш голосистый ансамбль тупорылых дилетантов гармонично вплелся вой нового участника, что ни привнес много смысла, но зато изрядно добавил общего шума:

– А-А-А-Р-Р-Р-Р!

– Баскушка… – продолжала вопить Йорка.

– Заткнись! – заорал я – Рэк! Мою веревку примотай и брось к хренам. Давай вниз! Я дернуться не могу! Йорка! Дура тупая! Продолжай светить и не ори! Баск! Статус?!

– Норма. Норма! Сука я в норме! – болтаясь меж двух натянутых веревок, Баск вцепился руками в ту, что воткнулась ему в грудь и пытался ее оторвать, продолжая при этом торопливо успокаивать – Норм. В пластины угодило. Я цел. Но эта тварь меня почти утащила…. Почти утащила сука! Дерьмо!

– Вот так и живем – пропыхтел я, напрягая ноги – Вот так и живем. Йорка! Больше света!

– Как? У меня один фонарь!

– Да хоть из задницы сияй! Больше света, гоблин!

– Лови! – успевший закрепить мою веревку орк впихнул меж зубов Йорки свой фонарь.

– М-м-м!

– А-А-А-Р-Р!

Изогнув шею, я глянул назад и от испуга удвоил усилия по удержанию створки – между дверей бешено дергалось гладкое слизистое щупальце белесого цвета. По белому медленно стекали бурые разводы, собираясь в капли, что срывались и летели в разные стороны. Толщиной эта хрень с мое запястье.

– Мне резать?!

– Режь!

– Может топор у тебя взять?

– Топором по висящему? Режь! Баск. Статус?

– Да тот же – уже успокоившимся, но все еще звенящим голосом отозвался зомби – Дерьмо! Зачем я отдал щит Йорке?

– Режу…

– Стойте! Стойте не режьте! Не режьте меня, суки гребаные! Не режьте! Поговорим!

– Охренеть – сказал я, поворачиваясь к замершим бойцам, но хватки створки не ослабляя.

Я мог себе позволить сей пируэт – щупальце перестало дергаться. Замерло между дверями как хрен комара в между сжавшимися створками раковины.

– Не режьте!

– Поласкай мудилу ножиком – попросил я орка.

Рэк с радостью провел ножом по обвившему щупальцу, срезая с него аккуратную мясную стружку.

– А-А-А-Р!

Вибрирующий, резонирующий, дикий вопль никак не мог принадлежать человеку. Хотя бы потому, что вряд ли человек – пусть даже супер голосистый – мог бы орать одновременно двумя голосами.

– Кто это там с тобой, гнида подвальная? – спросил я, когда вопль затих.

Труп дэва подо мной с хрустом повернул голову, глянул на меня мутными глазными яблоками, нижняя челюсть медленно отошла.

– Я не тебе – улыбнулся я обидевшемуся трупу и снова замерший дэв не стал начинать выяснять отношения.

– Отпустите меня…

– Отпусти как нашего для начала – велел я.

Секунда… другая… и Баск облегченно вздохнул, отшатываясь назад и не сводя глаза с повисшего перед ним щупальца оканчивающегося тремя очень длинными и тонкими белыми когтями.

– Хорошо – кивнул я одобрительно – Молодец. Повторяю вопрос – кто это там с тобой, гнида?

Еще один интересующий меня вопрос – с чего это два голоса орали от боли, когда стружку снимали только с одного щупальца?

– Я один!

– Я тебе твой член отхерачу сейчас по самые створки!

– Я один здесь! Один! И это не я атаковал! Я не собирался нападать!

– Ты че, сука издеваешься? – поражено спросил я – Ты там один, но атаковал не ты? Твой кусачий член действует сам по себе что ли? И у него стояк на тощих полуслепых зомбаков?

– Эй… – обиделся Баск, отступая в сторону от щупальца.

– Да! – завопили из коридора – Так и есть! Слушай… я все могу объяснить. Все могу показать. Отпустите.

– Так не пойдет – ответил я – У тебя есть артерии в этой хрени? Когда я обрублю – ты сдохнешь?

– Слушай… слушай… ты ведь командир. Вот и прими правильное решение.

– А я уже принял. Сейчас ты сдохнешь.

– Я не атаковал! Это не я!

– Не ты атаковал?

– Нет!

– Тогда ты не против если я обрублю долбанную длинную хрень напавшую на моего бойца?

– Нет! Я же сдохну! Ты сука издеваешься?

– Да похоже это ты тут пытаешься нам дерьма в уши напихать.

– Дай мне пару минут! Открой долбанные двери, освети меня – и сам все поймешь!

– Разговаривающая задверная хрень просит осветить ее – задумчиво повторил я – Ладно… но наших условиях.

– Каких?

– Не дергайся. Сейчас мы обмотаем твою гнилую сосиску веревкой и зацепим за стену. Потому продолжим знакомство.

– Может кончик отрубить? – вздохнул Рэк.

– Может и отрубим – буркнул я, уже чувствуя усталость в напряженной спине – Привязывай. Крепи к стене.

– Ща.

– Баск помоги ему.

– Ок.

– Йорка!

– Что?

– Один фонарь на дверь. Другой – веди за парнями.

– Хорошо.

Переполненные адреналином парни действовали быстро, решительно и с силой. Им хватило нескольких минут, чтобы перетянуть слизистую хрень веревками – перетянуть туго, жестко, со сдавливанием – и доложить о выполнении поставленной задачи.

Кивнув, я отпустил гребаную дверь и с облегчением повел затекшими плечами. Чуть размявшись, снял с пояса «свинку» и вежливо постучал стволом по металлу двери:

– К тебе можно, гнида?

– Слушай… только без предрассудков ладно? Если я не такой как все – это не повод сразу стрелять.

– Ты кто такой вообще? – спросил я, в то время как Рэк, снявший у меня со спины топор, пристраивался у другой створки.

– Я призм!

– Ну нахрен такие подарки.

– Да нет! Не приз! Призм! Я призм – принудительно измененный!

– А – кивнул я – Ну да. Каждый день встречаем таких ублюдков.

– Правда?

– Я открываю створки.

– Повторю – без предрассудков! И держите в головах – это не я напал! Я ведь не кретин сука, чтобы на четверых бойцов с игстрелами нападать!

– Я все меньше понимаю в твоей сказке – признался я, кивая.

Рэк уперся ногой в створку и надавил. Заскрежетав, дверь приоткрылась. Вот он момент истины… мы все уставилась на щупальце, но оно не двигалось.

– Я не оказываю сопротивления. И без предрассудков, ладно? Не надо. Пожалуйста.

– Выползешь в гости? Явишь харю?

– Не могу.

– Стесняешься?

– Я застрял здесь. Намертво.

– Опять дерьмо в уши льешь?

– Да застрял я! Намертво! Сам увидишь!

Пора прояснить эту непонятку.

Навалившись плечом на створку, отодвинул ее дальше и, пригнувшись, вошел в коридор, едва не касаясь макушкой начавшего мелко дрожать щупальца. Фонарь высветил «заманушный» игстрел продолжающий лежать в коридоре, затем я повел лучом света по щупальца, мелкими шагами продвигаясь вперед. Привязанная к поясу веревка натянулась, до ушей долетел голос Баска:

– Если что – вытяну, командир.

– Принято – ответил я, шагая по черному коридору вдоль мясной дрожащей струны – Спускайте Йорку вниз.

– Только без предрасс…

– Заткнись! – велел я и голос из темноты послушно пресекся.

Шаг. Еще шаг. Переступить игстрел в расшитой кобуре. Еще шаг. Еще. Стоп. Тут небольшой перекресток. Впереди – опущенная стальная переборка, что «перерезала» нарисованную на полу зеленую стрелу. Справа темно и попахивает гнильцой. Щупальце уходит влево. И оттуда пахнет. Но больше дерьмом. Неизвестный молчал.

Что ж…

Шагнув, чуть довернул корпус. И осветил темное пространство за поворотом. Замер, вглядываясь. И где-то через секунд десять сумел разродиться мнением об увиденном:

– Охренеть…

– Не убивай – шелестящим голосом попросила лежащая на полу жутко страшная хрень – Не убивайте меня. Дайте шанс, суки! Дайте шанс! Я столько прошел…

– Заткнись.

– Не могу я заткнуться! Если я буду просто молчать – то насмотришься до омерзения и прострелишь мне башку!

– Какую именно? – осведомился я, ступая чуть дальше.

Сунувший харю за поворот Рэк вздрогнул, перехватил топор:

– Валим хренососа!

– Стой! Стой, урод! Стой!

– Кого ты уродом назвал, урод?! Ты себя видел?!

– Охренеть – повторил недавнее мое выражение Баск, выглянувший из-за плеча Рэка.

– Контролируйте, но пока не бейте – велел я, мельком осветив фонарем пространство за «этим» и убедившись, что там еще один тупик и просто гигантская лужа дерьма и не переварившихся костей. Облепленные дерьмом человеческие кости создали причудливые ажурные конструкции – в профиль так прямо светлый город будущего высранный жуткой тварью.

А что в правом коридоре?

– О да – широко улыбнулся я, делая большой шаг и поднимая с пола покрытый запекшей кровью игдальстрел Трахаря Семилапого – О да! Детишки! Мы нашли конфетку! Кто лизнет первым?

– Прости, Оди – шмыгнула Йорка, продолжая тем не менее целиться в напряженно молчащую тварь игстрелом и фонарем – Прости. Я опять налажала.

– Щит где?

– Провалился.

– Уф – выдохнул я, оглаживая ладонями оружие – Разгребай весь этот хлам.

Под «хламом» я имел в виду еще одну кучу. Но на этот раз не из дерьма, а их рваных вещей, ломанного снаряжения, выпотрошенных рюкзаков, шкур и когтей плуксов и прочих уже совсем непонятных предметов. Куча покрыта бурой слизью и успела подсохнуть. Даже игдальстрел оторвался от пола с хрустящим чавканьем.

– Что забирать?

– Только игстрелы любого вида и боеприпасы. Ножи и шила –

если реально хорошего качества. В общем – сама определяйся. Все что стоит своего веса – сразу в рюкзак. Что не влезет – складывай под тем фонарем. У тебя десять минут.

– Сделаю.

– Видом твари насладиться не хочешь?

– Урод и есть урод. Тварь! Прострели ему башку, Оди. И уходим.

– Эй! Девушка! Охренела нахрен?! – завозился на полу монстр – Не суди по внешнему виду! Ты тоже не супермодель!

– Ты почти убил ее парня – пояснил я с усмешкой.

– О дерьмо… – отозвалась хрень после секундной паузы – Слушайте… не я это! Это она! Тупая, но быстрая сука, что сопряжена со мной нервными окончаниями! Это все она! Но и ее винить не за что – она же просто тупая и голодная! Очень голодная. Как и я… Не хотели мы никого убивать. Ладно – вру! Хрень несу. Хотели. Но мало ли чего я хочу? Одно дело хотеть – другое дело сделать! А я не делал! Ее просто не успел сдержать…

– Да-да – кивал я, разглядывая зажатый в руке игдальстрел – Вот это вещь мать его…

Длинная, с чуток даже эргономичным прикладом, длинным вздутием странного прицела и еще более длинным дулом солидного калибра. Широкая скоба спуска так и просит положить на нее палец. Я не отказал себе в удовольствии и приложился к винтовке. Повел из стороны в сторону. Вещь… жаль, что не по рангу. Во всяком случае пока.

– Ты же понимаешь, что я не хотел. Слушай, лидер…

– Да-да – кивал я, любовно оглаживая ладонями винтовку.

– Чем я смерть заслужил? Никого ведь не порешил. Да попытался – невольно! На инстинктах! – но ведь ничего не случилось, верно? Все живы и здоровы. А страх сердцу только на пользу идет чаще всего. Тут два варианта – либо сдох сразу, либо окреп сердечно! Дайте мне шанс, а? Помогите убогому. Сами же видите – в дерьме пресмыкаюсь. Я отблагодарю! Сейчас никак, но…

– Грохните его уже – поморщился я – Долго он трындеть еще будет?

– Легко! – обрадовался Рэк и взмахнул топором.

– Постой!

Хрясь!

– Не надо!

– Крепкая херня на нем – удивился орк, снова поднимая топор – Но на этот раз проломлю.

– Не проломишь – возразил Баск.

– Забьемся на три пищекуба?

– На пять! И три таблетки шизы.

– Погнали!

– Вы чего?

Удар.

– Эй!

– Не проломил – констатировал зомби, подсветив фонариком в место удара – Но нехило поцарапал. Гони выигранное.

– Давай еще? Увеличиваю вдвое. Лезвие просто чуть соскользнуло.

– Да по голове бей – зазвенела зло Йорка – Чего издеваетесь над бедолагой? Лоб ему пробей!

– Нашла чего посоветовать! Не хотел я твоего парня убивать! Само так вышло!

– Или по горлу – холодно добавила напарница.

– Так что? Вдвое ставку поднимаем, зомбяра?

– Давай – кивнул Баск – Но бьешь туда же, а не по горлу.

– Ну и бейте, с-суки! – голос уродливой хрени резко изменился, набрал вес, стал злее, стал настоящим – Чтоб вас, падлы, моей кровяшей и дерьмом уделало! Чтоб сука нахлебались ушлепки моего дерьма! Давай! Бейте! А один на один слабо, громила тупой? Только по связанному топором херачить и умеешь? Все чему в жизни научился, мудила? Бей! Ну же! Бей!

– Не-не, погоди. Не бей – возразил я, отрывая взгляд от оружия и с вернувшимся интересом поворачиваясь к пленнику – Хм… Что еще скажешь, убогий?

– Сам такой! Может ты со мной один на один? Давай!

– Думаешь не справлюсь?

– Может и справишься. Но лучше я в бою сдохну, чем вы меня как свинью зарубите. Может я тебя сука насмешливая хотя бы поцарапаю. И царапина загноится, а потом ты сдохнешь от заражения или тебе хотя бы ногу левую отхерачат!

– Уже и прицелиться успел – одобрительно хмыкнул я, опускаясь на корточки и ложа игдальстрел на колени – Как тебя зовут, убожище мерзкое?

– Хван! Так и запомни. Хван!

– Вот ты кричишь – по связанному. Но мы тебя не связывали, Хван. Мы только член твой на привязь взяли, чтобы ты к бойцу нашему грязно не лез.

– Это не… да я вообще не знаю что это! Рука моя! Хвост мой! Ну не связывали – но я ведь связан! Я завяз!

– Тут не поспоришь – согласился я, оглядывая логово в тупике – Нравится так жить? Срешь, где жрешь…

– Говорю же – завяз я!

– Да вижу… хотя тут другое слово больше подойдет. Ты врос

в этот коридор. Стал его частью.

– Верно.

– Так может стоит покончить с этим дерьмом? – лениво поинтересовался я, доставая из поясной сумки пищевой кубик и с хрустом начиная его разгрызать – Чем так жить? Удар топором – и проблемы кончатся.

– Я хочу жить!

– Зачем?

– Чтобы порвать! Порвать! – уродливую хрень мелко затрясло.

– Порвать кого?

– Не знаю! Не помню! Я призм! Память стерта!

– Принудительно измененный – медленно произнес я и второй кубик протянул к клыкастому широченному рту – Будешь?

– Да! Спасибо!

В голосе ноль притворства. Только усталость и голод. Спрессованные калории мгновенно превратились в влажную пыль, что исчезла в глотке.

– Так кого ты рвать собрался, если не помнишь.

– Вспомню!

– А с чего взял что есть кого вспоминать?

– Не знаю… чувство такое… не знаю, как объяснить. Просто не знаю! Но я знаю – есть кто-то кому я должен вернуть должок!

– Принудительно измененный – звучит как наказание. Нет?

– Да…. Думаю да…

– Так может тебя за дело вот так вот…

– В кучу дерьма превратили! – хрипло загоготал Рэк.

Я кивнул:

– Может за дело в кучу дерьма превратили? Может ты насильник. Или людоед. А может массовый убийца. Или еще что натворил?

– Нет!

– Откуда тебе знать?

– Да ниоткуда! Попить лучше дай.

– Откуда? – повторил я.

– Не знаю откуда – но знаю! Я не такой!

– Дай ему попить – глянул я на Баска – И таблетку «шизы» в пасть закинь.

– Последняя трапеза? – глянул на меня зомби.

– Все как положено – улыбнулся я – Ладно, убожище. Предположим, ты меня убедил. Но что это меняет? Ты по-прежнему растешь из пола как гребаный гриб. Давай мы тебя убьем, и ты больше не станешь отнимать наше время?

– Меня надо вырубить из этого сраного коридора! И поднять

наверх. Там я смогу поджидать здешних крыс и тех слизней. Тех, что здесь – я всех сожрал. А другие не лезут.

– А трупы дэвов?

– Гигантов этих?

– Ага.

– Не жрутся они – тоскливо поведала мне хрень Хван.

– Горькие на вкус?

– Дело не во вкусе. Я честно пытался. Но… их мясо хрен разгрызешь, а если и получится – куски проходят сквозь тебя и вываливаются нетронутыми. Как стальные!

– А по второму кругу не пробовал? – щелкнул пальцами Рэк – Выпали из задницы – а ты обратно в рот! Вдруг мягче стали?

– Свою жопу по второму кругу пусти, понял? Может тогда топором пользоваться научишься!

– А ну отодвинься, командир. Я попробую научиться топором пользоваться…

– Легко – дернул я плечом и подался в сторону.

– Вернемся к разговору душевному, командир! – поспешила заявить хрень Хван. Натянутое щупальце-лапа-не-пойми-что-загребаная-хрень задрожало.

Командир… быстро ориентируется. Дикое желание выжить.

– Отвязать? – глянул я искоса на натянутый хвост Хвана.

– Нет! – твердо ответил тот – Говорю же – не всегда контролирую.

– Это не щупальце – заметил я – Суставы есть.

– Три сустава. Общая длина семь метров. Сильная, быстрая, точная – охотно начал перечислять Хван достоинства уродского биологического приспособления что едва не пробило Баска насквозь – Это что-то вроде хвоста. Или лапы.

– Хвоста или лапы насекомого.

– Верно.

– А ты?

– Может и я уже оно… наполовину – так точно.

– Если мы тебя не убьем, а поможем тебе – отдерем от стен, поднимем наверх. Дальше что?

– Зависит от ваших планов.

– А у тебя какие?

– Сожрать еще пару десятков крупных крыс. Завершить эволюцию. И рвануть по тому же пути каким сюда пришел. К свету.

– Какому свету?

– Не помню. Но первое что помню – свет! И вкус стального пола – соленый. А еще мокрый. Я никого не трону. Мне главное нажраться, завершить эволюцию. А потом я уйду отсюда и

никогда не вернусь.

– Скольких бедолаг ты убил?

– Я? Да вы первые живые кого бы я мог сожрать! До этого первыми на вас похожими были те десятеро, что попали мне в брюхо. Но их сбросили сюда уже дохлыми! И я жрал и спал, жрал и спал. О как я их жрал…

– Мы тебе поможем – решил я, доставая следующий пищевой брикет – А это не больно? Вырубать тебя?

– Рубите по белому! Может и больно – но тут оставаться не вариант.

– Ты серьезно, Оди? – стоящая сзади Йорка ткнула меня коленом в спину – Это… это же разумный мешок дерьма с длинной подлой рукой. Убить его – милосердие.

– А червя убить почему тогда не милосердие? – приподнял я удивленно бровь, повернув голову и глядя на Йорку снизу-вверх – Тоже ведь милосердие? Че ему мучиться без ножек и ручек? Насилуй кто хочешь, издевайся кто хочет…

– Это другое! Червь… червь человек! Его жалко!

– Тебе жалко червя лишь из-за беспомощности, похожести на себя саму и боязни однажды оказаться на его месте – проворчал я – Человек тот еще гнида черствая. Ему жалко лишь тех, кто кажется ему маленьким, милым и хоть чем-то похожим на него самого. Ой девушка без ног – бедняжка! Ой птичка со сломанным крылышком – надо ей срочно помочь! Ой старушка упала – поднимите ее! Ой серийного убийцу-насильника хотят казнить – это же бесчеловечно! Давай устроим протест! Ой тут какой-то склизкий стонущий разумный мешок – фу! Убейте его из милосердия!

– Да хоть бы и так! Птички со сломанными крылышками трупы не жрут!

– Мало ты птичек видала, похоже – хмыкнул я – Руби по белому, Рэк. Желтое не трогай. Бурое точно не трогай – это вроде как дерьмо.

– Забьемся на ту же ставку? – обратился орк к зомби.

– На что?

– Я вырублю эту вонь склизкую всего за десять минут. Можешь засекать.

– Не вырубишь.

– Так что?

– Поднимаю втрое.

– По рукам!

– Но если что – помогу рубить.

– Ты бы лучше не тратил силы, Баск – заметил я, поднимаясь и отходя к стене – И ты, Йорка.

Секунда. Другая. И Йорка не выдержала, задав ожидаемый вопрос:

– Почему?

– Вам еще щит доставать – нехорошо улыбнулся я – Тот, что провалился глубже в шахту. Тот, что Баск с чего-то вдруг решил передать Йорке.

– Я достану – опустил голову зомби.

– Мне насрать кто именно из вас полезет туда, а кто будет следить. Но щит вы достанете. При этом не рисковать, на рожон не лезть, при виде серьезного противника – немедленно отступить.

– Сделаем – мрачно ответила девушка.

– Можете идти – взмахнул я рукой.

– Уверен?

– Более чем. Гнида Хван не станет устраивать проблемы. Ведь ему нужна помощь.

– Может хватить называть меня гнидой?

– Не хватит – покачал я головой, внимательно оглядывая лежащий на полу коридора ужас – Ты ведь и есть гнида. Нет?

– Потому что я напал? Поэтому гнида-ублюдок?

– Гнида – это яйца вшей – отозвался шагающий к шахте лифта зомби – А ты оно и есть. Яйцо с разумом и рукой.

– И второй головой – добавил я – Или это опухоль с усиками?

– Да я хрен его… Ой!

– По розовому рубанул – констатировал Рэк, поспешно отодвигаясь от брызнувшей из Хвана жижи – Во воняет. Хреносос ты грязный. Жопу мыть учили?

– Как я до жопы дотянусь, ублюдок?! Чем?!

– Заткни пасть, а то я тебе жопу грязную топором заткну! Командир! У него тут целые наросты дерьма!

– Сочувствую – сказал я – Хотя даже представить не могу насколько все чешется. Или не чувствуешь?

– Еще как! Сука еще как! И так день за днем! Чешется и чешется, свербит и свербит!

– Расскажи-ка мне все с самого начала – велел я – И чем интересней и подробней будет рассказ – тем больше вкусняшек я тебе скормлю.

– Договорились! Хотя рассказывать особо нечего.

– Разберемся.

Светя орку, я внимательно оглядывал невероятно странное создание, лежащее в коридоре.

Гнида и есть гнида.

Хотя проще это назвать сшитым из живой плоти спальным бело-розовым пульсирующим мешком, что выбросил из себя что-

то вроде белых толстых хлыстов, прилипших к полу и стенам, намертво приклеившим хозяина. Выглядело это дерьмо так, будто на гнилой деформированный длинный овощ вылили щедрый половник протухшего майонеза. Все это дерьмо подзастыло, после чего в него воткнули что-то вроде длинного суставчатого хвоста с одной стороны и затянутое прозрачным студнем почти человеческое лицо с другой. Не могут же у человека быть полностью зеленые глаза – без разделения на радужку, зрачок и прочее. И не может быть такой рот – неестественно широкий, растянутый, снабженный мелкими-мелкими игловидными зубами. И нос… его почти нет. Просто расплющенный бугорок с четырьмя дырками ноздрей. Самое же «вкусное» находится на левом виске – из него растет то ли вторая голова, то ли опухоль. Причем снабжено это полупрозрачное розовое дерьмо двумя длинными шевелящимися усиками, парой явно неразвитых зеленых глаз и довольно громко попискивающей пастью. «Майонез» – внешние покровы – застыл так сильно, что легко выдержал пару ударов топора.

– И вот это все дерьмо еще и эволюционировать должно? – уточнил я, обводя руками контуры разлегшегося в коридоре Хвана, кем бы или чем бы оно не было.

– Я же яйцо! Кокон!

– Откуда знаешь, что скоро эволюция?

– Оповещение статуса в меню.

– У тебя есть интерфейс?

– Ну да. Правда там всего один раздел – мой статус. И все.

– Начинай рассказ, Хван. Кстати, почему Хван?

– Все хватал и жрал, потому что.

– Тога почему не Хват?

– А хрен его… мне начинать?

– Рассказывай.

И Хван начал говорить. Сначала сбивчиво, не скрывая до сих пор мучающих его эмоций, но затем голос стал ровнее и четче, гнида перестала прыгать в рассказе с пятого на десятое.

Он очнулся от боли. От безумной терзающей его внутренности боли. Попытался вскочить – и понял, что вместо ног у него какие-то жалкие обрубки. То же самое вместо рук. Зато поясница – странно и неприятно щелкающая – стала удивительно гибкой. А еще у него в животе торчит обломанное копье. Глубоко сидит. А из дыры медленно течет странная бело-зелена жижа меньше всего похожая на нормальную красную кровь. Он дернулся, упал на копье, вбивая его еще глубже. Не специально – находящийся в шоковом состоянии организм дернулся сам, а конечности разъехались.

Вспышка боли. Яркая, ослепляющая, горячая. И он отключился.

Когда сознание вернулось – он куда-то падал. От этого состояние – ощущение падения – и пришел в себя. Говорят, что даже если во сне человеку приснится падение – он просыпается. Может и здесь так же. Он очнулся. И понял, что лежит на в глубокой луже на стальном полу. Приподнявшись, застонал, глянул на живот – и увидел, что копье нет, а дыра стала шире, рваней, безобразней.

В этот момент случилось странное – он потерял контроль над телом. Его будто отодвинули от рукоятей управления на место зрителя. И он «увидел», как приближается к лицу грязная соленая жижа лужи, как он жадно хлебает и хлебает из лужи, захватывая ртом воду, грязь, мелкие водоросли. Влив в себя литров десять воды – не меньше! – захлопнув полный воды рот, он пополз вперед, уходя в темноту. Пополз медленно, но упорно. И снова дикая терзающая боль от раны или ран – и снова потеря сознания. При этом, падая в темноту, он ощущал, что по-прежнему двигается, уволакивая себя все дальше и дальше по коридору.

Очнувшись, обнаружил себя лежащим в каком-то влажном углу и пожирающим чешуйчатую тварь с пастью на пузе. Над головой мигает умирающий фонарь. Тварь еще жива – он пожирает ее заживо, пробив левой рукой – что превратилась в длинное копье с игловидным наконечником. Его зубы легко пробивают прочную на виду чешую, в рот льется зеленая вкусная кровь, мигающие вспышки фонаря заставляют болезненно морщиться, а в мозгу разливается ощущение теплого счастья – ведь он насыщается, он получает жратву. Не сразу он обратил внимания на странное попискивание – что вроде доносилось от него самого, хотя рот был занят едой. Доев, отбросил опустевшую – и тщательно вылизанную – шкуру и улегся, уложив рядом руку-копье. И к нему снова вернулся контроль. Что позволило оглядеться по сторонам, осмотреть себя самого и заодно успокоиться – нет ничего страшней понимания, что ты своему телу не хозяин.

Именно тогда он осознал, что ему не привиделось и он представляет собой не человека, а какое-то подобие личинки. Еще ему показалось, что обрубки ног и руки стали короче – за исключением левой, что превратилась в жутковатое копье и вроде бы сместилась куда-то за спину.

Подкатила истерика.

Поганая визгливая истерика, когда катаешься по полу, бьешься с воем головой о стену, требуешь у кого-то ответов или

хотя бы сраного намека.

Что сука происходит?

Почему он не человек, а гребаная личинка?

Почему?

И едва он задал себе этот вопрос, перед ними появилась зеленые строчки.

Активация интерфейса – успешно.

Перечень последних трех событий:

Комплексная ампутация – успешно.

Дememоризация – успешно.

Активация интерфейса – успешно.

МЕНЮ.

Статус…

Ранг: Измененный (принудительно).

Текущий статус: ПРИЗМ. 1-ая стадия.

Процесс эволюции до 2-ой стадии: в процессе.

Страшные строчки.

Но они неожиданно успокоили.

А следом за спокойствием пришла злость.

Злость странная, сильная, направленная на кого-то определенного.

Не на что-то. А на кого-то.

На смену злости пришла твердая уверенность – он выживет. Он переживет любое дерьмо, любую беду. Он пройдет эволюцию до второй стадии и посмотрит, что получится в итоге. Но даже если он навсегда останется таким – сделает все, чтобы вернуть себе память и выяснить кого именно он ненавидит с такой безумной силой, что готов быть гусеницей.

Насколько сильно он был уверен, что все это не выдумки его шокированного разума?

Разум хрупок. И порой, чтобы не разлететься вдребезги, разуму нужна какая-то цель, какой-то ориентир. Так что, даже если ориентир вымышленный, даже если ему некого ненавидеть кроме себя самого – он все равно будет стремиться к этой цели.

Едва решив это, он уснул. Его будто выключили.

Проснувшись, понял – он находится в другом месте. Где-то в кромешной темноте. И медленно движется к источнику сладкого запаха.

Странное и страшное двойственное ощущение. Ему одновременно казалось, что он ощущает сладкий вкусный аромат

обещающий обильную пищу, а с другой стороны ощущал страшную вонь.

В итоге оказалось, что он набрел на труп гигантского слизня, которого дэвы называют жавлами – он узнал это гораздо позже. А в тот день он, оставаясь зрителем без контроля, наблюдал, как его тело вгрызается в огромную кучу дохлого разлагающего мяса. Что-то внутри него содрогалось от ужаса и от позывов рвоты. Но рот продолжал жадно чавкать, тухлое мясо продолжало пропихиваться сквозь глотку, глаза продолжали искать куски послаще и помягче, а зажатый под потолком фонарь продолжал сквозь студень раскисающего мяса освещать щедро накрытый стол.

Он провел там долгое время. Не знает сколько. Потому что большую часть времени он проспал. И с каждым разом периоды сна становились все длиннее. Чудовищно измененный организм будто смилостивился и предпочел отрубить излишне умное сознание – чего в темноту часами таращиться и слушать, как хрустит его изменяющееся тело.

Где-то в тот период он заметил, осознал и принял тот факт, что у него из виска растет вторая голова – причем явно не человеческой природы. Голова какого-то насекомого без панциря. Почти разумный кусок трясущейся попискивающей плоти. Кусок плоти нацеленный только на одно – найти жратву!

Хван честно признал – если бы не эта хрень на виске, он бы не выжил. Злоба злобой, но этого далеко не всегда достаточно. Человеку свойственно впадать в отчаяние и апатию. А насекомому насрать на все эти чувства. Оно прет и прет, руководствуясь исключительно первобытными инстинктами.

Затем случилась эволюция до второй стадии. Хотя мелкие метаморфозы шли постоянно – кожа огрубела, на ней выросли твердые бугорки, что постепенно слились в единые щитки жутко напоминающие ногти. Толстые оторванные ногти рассыпанные по всему телу… но он привык.

Что дала эволюция?

Многое. Тело увеличилось и стало крепче. Конечности исчезли. Осталась только левая рука, что благополучно закончила свое путешествие по телу, закончив на пояснице – где и остановилась, резко увеличившись в длине и силе, став походить на мощный скорпионий хвост. Только яда не было – но четыре острых белых когтя прекрасно пробивали броню даже крупных чешуйчатых тварей. Усталость – вообще перестала появляться. Он мог часами ползти по коридорам. Медленно, но постоянно. Тогда как раньше измученное тело сдавалось через десяток метров. Попробуй поползать без рук и ноги – пусть и с измененным

хребтом.

И наконец в своих странствиях он обнаружил нечто, что сначала счел великим сокровищем, которое впоследствии обернулось кошмаром – он нашел шахту лифту заваленную трупами дэвов и пирующими на них слизняками, что так похожи на черепах с содранными панцирями. У него ушло немало времени, чтобы спуститься и первые несколько метров все шло хорошо. Затем хвост сорвался и он рухнул вниз. Сеть трупов выдержала его вес – повезло.

В этот миг впервые пришло осознание того, что он сделал огромную ошибку – выбраться наверх уже не сможет. Но вокруг было столько еды, что все тревоги мгновенно рассеялись. Он принялся жрать. Полуголодное существование закончилось. У него было столько жавлов, сколько он хотел. Тут попадались и плуксы – их он ловил в первую очередь, не давая прытким ублюдкам убежать. Первыми убивал мелких оранжевых – умные суки, что наловчились командовать своими куда более тупыми собратьями.

Следующей находкой стал заблокированный этаж. Т-образное логово забитое жавлами! Он двигался по коридору, чувствуя себя зажатым внутри колбасы со стальной оболочкой и вкуснейшей начинкой. Где-то на пятом метре сплошного обжорства он начал отключаться. Причем надолго. Очень надолго. Тут уже речь шла не нескольких часах, а о днях. Информация в статусе, что долго игнорировалась, снова стала актуальной и тревожной.

Ранг: Измененный (принудительно).

Текущий статус: ПРИЗМ. 2-ая стадия. Хищбог.

Процесс эволюции до 3-ой стадии: в процессе.

Последняя строчка появилась недавно. И говорила о том, что организм уже движется к следующей метаморфозе. А инстинкты второй головы, отчетливо ощущаемые Хваном и порой принимаемые за свои собственные, говорили о том, что игнорировать это предупреждение нельзя. Надо срочно готовиться.

Вот тут и настала жопа.

Хван понял – пора выбираться из ямы, где он кормился так долго и сытно, но где уже закончилось угощение. Он как раз добрался до конца тупика, попутно сожрав все живое. За спиной лишь дэвы – он уже пробовал их жрать и убедился, что проще переварить камни, чем их странную плоть.

Призм развернулся, двинулся к выходу и… отрубился.

Проспал не меньше недели. Очнувшись же увидел страшное –

его намертво прилепило к полу и стенам. Инстинкты часто выручают. Но порой они дают сбой – как в этом случае. Он понял, что что-то пошло совсем не так. Долго думал почему, но так и не разобрался в этой гибельной загадке, хотя грешил на свой мозг – вдруг эта сука потребляет прорву энергии и поэтому не хватает на трансформацию? А может из-за наличия в одном теле кардинально различающихся видов… Хотя поначалу Хван надеялся, что запасенной энергии хватит на трансформацию даже при таком раскладе. Не хватило… и потянулись страшные дни и недели.

По-настоящему страшные.

Когда чувствуешь приближающуюся голодную смерть.

Когда видишь пробегающую мимо крысу, но не можешь дотянуться.

Он уже готовился сдохнуть, подумывая о том, чтобы проткнуть себе затылок ударом собственного хвоста.

И тут сверху прилетели подарки – трупы пауков. А за ними пришли крысы.

Он видел лишь часть коридора, но вот хвостом наловчился орудовать неплохо, заодно ощущаю им некое особое «тепло» исходящее от съедобных объектов. Трупы казались ему ярко-алыми угольями. Крысы светились тусклым оранжевым. А вот дэвы… бледно-синим. Жавлы – вполне красные и вкусные. Работая хвостом, он один за другим подтянул к себе трупы.

Подтянул свеженького – пожрал. Отключился на несколько дней.

Подтянул второго – уже не столько свеженького – сожрал. Опорожнился. Под вонь собственного дерьма отключился на пару недель.

Подтащил третьего – разваливающееся мясо. Сожрал. Огромным усилием воли заставил себя не вырубаться. Понимал – мясо гниет и пожирается крысами. Надо действовать. Получив полный контроль, несколько дней он выискивал хвостом все съедобное, подтаскивая к себе трупы, убивая крыс, копя запас. Заодно подтащил и все снаряжение.

Когда перед ним образовалась огромная куча крысятины и человечины – чуток пожрал и отключился.

Когда очнулся – кучи не было. А за спиной хрустела подсыхающая куча дерьма. Не все так красиво в эволюции. Как оказалось эволюция крайне тошнотворный процесс. Он не знал сколько проспал, но понимал – очень долго. За это время всего тело покрылось толстым слоем уже затвердевшей слизи, тело увеличилось в высоту, а большей части ранее имевшихся внутренних органов он попросту… не ощущал. Такое

впечатление, что внутри него вообще не осталось органов – их заменила тягучая однородная пузырящаяся масса.

Главная беда – гребаная трансформация не завершилась. Ему улыбнулась удача, но ее сучьей улыбки не хватило.

Хвост «видел» остатки мяса висящего на стене – в прошлый раз он отодрал ноги, но торс остался и сохранил немало мясо. Пытаясь дотянуться, Хван сначала задавался вопросом, почему человечий труп тоже перестал гнить. А потом «увидел» как «красное» мясо превращается в «синее» несъедобное и догадался – исходящие от трупов гигантов испарения законсервировали истерзанного человека. Превратили в настенный памятник – уродливую мемориальную доску посвященную самому себе. Странная сучья невезуха – всех сожрали, один остался и медленно-медленно тухнет.

Примерно тогда же в его думающей только о жратве голове появилась новая мысль – раз здесь есть люди – похожие на пауков со стальными лапами – может заглянут сюда уже живыми, а не дохлыми? Хотя ему сгодятся в любом виде. Захапанное им оружие и снаряжение выглядело дорогим. Вдруг кто-нибудь придет его искать? Главное выложить тропинку, а когда по ней пойдут ни о чем не подозревающие вкусняшки…

Он успел выложить тропинку. Сожрал пару случайный жавлов. И отрубился. Надолго. Вторая голова наверняка бодрствовала – отслеживая крыс, жавлов и опасности, но своего компаньона не будила.

Проснулся он от звука раздавшихся в шахте тихих голосов. Затем увидел лучи фонарей.

И понял – еда все же пришла.

Но все пошло не по плану. Зато теперь он познакомился со славным парнем Оди и чуть менее славным гребаным ублюдком Рэком не умеющим пользоваться топором. И они помогут ему выбраться из этого дерьма – во всех смыслах этого слова.

Да?

Ведь помогут же?

Усмехнувшись, я кивнул:

– Мы вытащим тебя из этого дерьма. Поднимем наверх. Подкормим. Но ты же понимаешь – не бесплатно.

– А что у меня есть? Даже это барахло – ваше судя по всему.

– Тот свет – сказал я – Откуда ты начал свой путь в темноту. Ты помнишь дорогу?

– Найду – уверенно ответил гнида Хван – Точно найду. Общее направление знаю стопроцентно. Кое-где меня отрубало, но в те дни ненадолго. Многое как в тумане… Короче – я найду! Доведу. А потом что?

– Потом и разберемся по ходу дела. Знай одно – без причины тебя убивать не станем. Бросить – может и бросим, если ты окажешься тем, кем выглядишь – бесполезным куском дерьма с человеческим лицом.

– Понял… и что? Даже не смущает мой вид?

– То, что ты выглядишь куском дерьма с человеческим лицом?

– Ага.

– В наше время это не редкость – буркнул я – У тебя зубы крепкие?

– А что?

– Надо же веревку за что-то цеплять…

– Ну не за зубы же.

– За яйца? – предложил я.

– У него их нет – заржал Рэк и взмахнул топором последний раз – Готово.

Подняв с пола тонкий трос – паучье наследство – я бросил конец Рэку:

– Цепляй. Попробуй вытянуть его наружу…

– Ща.

Я повернулся к Хвану:

– Если будет больно – скажешь.

– Больно? В жопу боль! Я наконец-то вылезу из этой дыры! Оди…

– Что?

– А если я окажусь полезным – мне можно будет дальше с вами?

– Почему нет – развел я руками – Всегда мечтал иметь в команде кусок дерьма с воткнутой в него палочкой для мороженного.

– И человеческим лицом!

– И человеческим лицом…

– Обвязал я гниду.

– Взялись!

Глава девятая

Хван поддавался тяжело.

Если раньше – по его рассказу – он и был невероятно гибкой личинкой, то сейчас представлял собой ороговелую глыбу весом под двести килограмм. Но проблема даже не в весе, а в неудобных габаритах и отсутствии зацепов. Дотащив его до края тоннеля, стоя у начала мертвячьей сети дэвов, мы долго прикидывали что и как делать, пока не поняли, что без веревок не обойтись. Затем принялись искать зацепы – и Хван, боящийся, что мы бросим эту затею к чертям – так активно помогал, что я на полном серьезе сказал, что мне в команду сгодится и немой боец. Гнида моим словам вняла и заткнулась. Я же, поглядывая еще и вниз – где мелькали вспышки фонариков Йорки и Баска, вооружился топором и молча прорубил в теле Хвана две пары дыр. Проверив роговую перемычку между ними, не обращая внимания на шипение охреневшего от дикой боли Хвана, я продел в дыры тросы. Один передал Рэку, другой закрепил за свой пояс, и мы полезли вверх.

Высунувшись, увидели меланхолично ждущего гигантского провожатого, о чем-то ласково беседующего со здоровенным мозгососом. Застывший на месте плукс словно даже и слушал. Но стоило ему завидеть мою голову – как спелым персиком поманили – он забыл про спокойное слушанье и рванул ко мне. Приподнявшись еще немного, я спокойно выждал секунду и всадил в мозгоса очередь из «свинки». Плукс рухнул на бок, подергался и затих. Дэв укоризненно качал огромной башкой и что-то бормотал. Не иначе мантрировал прямо у нас на глазах – и не стыдно при посторонних? Еще бы сраной медитацией занялся прямо у всех на виду…

Выбравшись, поманил великана пальцем и дэв послушно подошел, аккуратно обойдя дохлого мозгососа. Вручив ему первый трос, натянул вторую пару перчаток и вместе с Рэком взялся за второй трос.

– Тянуть? – спросил великан.

– Ждем – покачал я головой – Сеть трупов нестабильна. Возможны обрушения висящих тел, а под дохляками наши. Пришибет нахрен.

– Командир… ты себя со стороны вообще слышал? – после короткой паузы спросил Рэк и хрипло заржал – Ты себя вообще слышишь?! Сеть трупов нестабильна?! Возможны обрушения висящих тел?!

Пожав плечами, я чуть наклонился и гаркнул в яму:

– Выбирайтесь уже!

– На чем?! У меня рук-ног нет!

– Я не тебе!

– И вы мне хвост отвязать забыли!

– Тьфу! – сплюнул я – Точно… Эй! Баск! И хвост ему отвяжи! От стены! От хвоста веревку не отвязывайте и с ней поднимайтесь!

– Хорошо… щит достали!

– Подъем!

Через десять томительных минут бойцы к нам присоединились. Баск молча показал изгвазданный в какой-то жиже щит, мокрая насквозь Йорка угрюмо молчала, но зло щелкала кнопкой фонаря. Свет. Тьма. Свет. Тьма.

– Потянули – скомандовал я и налег на трос.

Налег – и едва не рухнул на спину, когда трос удивительно легко поддался в руках, а из ямы донесся ликующий вопль возносящегося гниды Хвана.

– Лечу-у-у-у!

– Вот дерьмо! – завистливо заявил Рэк, бросая трос и глядя на край ямы.

Там, чуть расставив ноги, выгнув поясницу, стоял дэв и легко-легко перебирая ручищами, вытягивал наверх двести килограмм груза. В одиночку. Двести кило. Шустро перебирая руками. Под темной кожей появлялись бугры таких мышц, что у орка слюноотделение повысилось. Я сам засмотрелся до такой степени, что едва не забыл отдать важную команду.

– Оттягивайте! – кивнул я Баску.

Они поспешили по коридору, держа идущую от хвоста веревку натянутой. Рисковать я не собирался.

Минута. Другая. Дэв тяжело шагнул назад и бережно опустил на край ямы кокон.

– Спасибо! Спасибо! – бормотала счастливая гнида.

– Пожалуйста – вежливо ответил гигант, с любопытством оглядывая свой улов – Ты что?

– Спасибо! – не мог остановиться щурящийся сквозь студень Хван.

– Займись лучше делом – поморщился я.

– Каким?

– Жри – схватившись за дохлого плукса, подтащил его к лицу Хвана и отступил – Бросайте хвост и в сторону!

– Еда… – шепнул Хван и разинул рот.

РАЗИНУЛ рот. Раскрыл так широко, что туда легко бы вошла моя голова. Из студня проявился бугор с головой, что под хруст внешней оболочки подался вперед и впился зубами в тушу

мозгососа, с легкостью пробив чешуи, отодрав кусок шкуры и буквально воткнувшись в плоть.

– Там иглы! – вспомнил я запоздало.

– Насрать! – утробно донеслось из-за туши.

Разведя руками, повернулся к своим. Поманил к ближайшей стене и, рассадив рядком, уселся напротив, снова уложив игдальстрел на колени.

– Так… Судьба послала нам яйцо золотое.

– И хищное – заметил Баск.

– Падальщик он – пренебрежительно буркнул орк.

Йорка, яростно вытирая лицо пучком влажных салфеток, промолчала. В чем она там интересно искупалась?

– С чего ты взял, что яйцо золотое, командир? – решил уточнить зомби – Может протухшее?

– Тут ты прав – согласился я – Не будем торопиться с выводами. Как бы то ни было – планы изменились. И сильно. Если раньше я хотел вернуться в паучье царство и чуть отдохнуть, после чего вернуться к дэвам и хорошенько обследовать их территорию, то теперь… теперь я хочу пробежаться по маршруту, чтобы был пройден милым гнидой Хваном. Прямо горю желанием. Маршрут не может быть слишком длинным – парень полз на пузе, подолгу задерживался в тупиках, где отъедался и менялся. Он бы вообще никуда не полз будь у него вдоволь жратвы. Как я понял – он полз от одной падали к другой, попутно убивая и пожирая встреченную живность.

– Да – кивнул орк – Жук падальщик. Пока есть жратва – никуда не пойдет. Зачем?

– Нам это на руку. Не придется долго топать до того «соленого света». Поэтому приказ следующий – разделяемся. Двое остаются здесь и занимаются охраной и кормлением гниды Хвана. Как я понял, когда в его теле кончатся топливо, «тупая» голова отключает «умную» – из-за прожорливости.

– Странно – снова встрял Рэк – У меня наоборот. Когда пузо полное – думка вообще не работает.

– Закончил?

– Прости, командир. Орк заткнулся.

– Я по любому спускаюсь вниз. Кто-то со мной.

– Мы с Йоркой останемся – мгновенно ответил зомби и покосился на улыбающегося гиганта наблюдающего за трапезой Хвана.

– Уверены?

– Справимся.

– Я не об этом – покачал я головой – Скажу прямо – я ищу выход из этих гребаных стальных джунглей. Тот «соленый свет»…

– Фонарь горящий над лужей тухлой мочи? – буркнула Йорка.

– Запросто – кивнул я – Но этот «свет» чем-то запомнился Хвану.

– Потому что он первый раз очухался именно там – вставил орк.

Я кивнул еще раз:

– Тоже верно. Это может быть пустышка. Вот и проверим. Но…

– Но?

– Но если это выход – мы через него пройдем, а затем двинемся дальше. И даже оглядываться не станем. И пойдем дальше пока идется. Без мыслей о том, чтобы вернуться назад в свой мерзкий уютный гоблинский мирок. Внятно растолковал? Или еще мельче разжевать?

– Ну и похрен! – орк отреагировал без промедления.

– Так… – осторожно сказал зомби – И почему ты смотришь на меня?

– Сука Ева все еще жива – напомнил я – К тебе вернулось зрение. Самое время, чтобы спуститься в Дерьмотаун, найти заведение, где она насасывает вялые хрены благодетелей, выволочь гребаную суку через заднюю дверь, выдавить ей красивые глаза ржавым болтом, обрубить руки и ноги, после чего бросить это еще живое дерьмо в жадные руки хтоника и посмотреть, как он ее разбирает на мелкие запчасти. После чего еще успеем вернуться в бар и выпить по паре доз самогона. Затем поднимемся на небеса и выше. А тем временем Рэк с Йоркой покормят зверушку.

Молчание… задумчивое молчание…

– Да в жопу эту суку – улыбнулся зомби.

– Дерьмо – сказал я, вставая.

– О чем ты, командир? Просто это не так важно. Топать ради этого столько километров по Кислотке? В жопу суку. Судьба еще сведет нас.

– Ага – бесстрастно кивнул я – Рэк. Рюкзак на спину и двинули.

– Двинули, командир.

– Не сдохните пока нас нет – велел я и зашагал по коридору, забрасывая винтовку за плечо.

– А я говорил тебе – прохрипел догнавший меня орк – Говорил. Они щенята писклявые. Какая месть? Думаешь, он хочет ощутить, как ее скуловые кости проминаются под его кулаком? Хочет услышать хруст ее ребер? Нет! Он хочет трахаться почаще, жрать послаще и жить спокойно. Как и Йорка. А он еще и глаз

починил – опять видит. Вот и угасла резко остаточная злоба. Зачем кого-то рвать на лоскуты, если с таким рангом как у него можно до конца жизни отстреливать плуксов, получать бонусы от системы и спать в обнимку с теплой бабой? Скентуются с пауками – и живи сладко, кушай мороженку, ссы на головы гоблинов.

– Завидуешь чему-то?

– Тьфу-тьфу-тьфу. Прожить тихо жизнь со сладким льдом во рту? В жопу. Мне такого грустного дерьма не надо. Компот будешь?

– Остался?

– Ага. И таблетку либо в пасть закинь, либо выкини – посоветовал Рэк.

Глянув вниз, выругался и выбросил неведомо как оказавшуюся в руке уже почерневшую от грязи серую таблетку мемваса.

Дерьмо.

Дерьмо вокруг.

Мягкое податливое и сговорчивое дерьмо с растворяющимися принципами…

Гребаная сеть трупов нестабильна…

* * *

– Ты сделал это… – прижавшись ко мне спиной, шептала Вэттэ, баюкая в руках игдальстрел – Дерьмо! Ты сделал это, гоблин! Ты сучий герой! Мой герой!

– Не просри свой шанс – шепнул я, касаясь губами ее уха – Бойся, паучиха!

– Пошел ты! Все пройдет отлично… Сам увидишь.

– Надеюсь не увижу – усмехнулся я и, потянувшись, встал с кровати и принялся одеваться.

Повернувшись, обхватив винтовку бедрами, обняв, буквально утопив символ власти между нежных грудей, паучиха задумчиво смотрела на меня поверх дула.

– Что? – спросил я.

– Останься.

– Какая ненасытная паучиха…

– Я не про это. Останься со мной, Оди. Ты и я. Вместе. На троне. На вершине.

– На вершине чего? – спросил я, бросив на нее взгляд через плечо – На вершине дерьма?

– Пусть так. Но это будет наше дерьмо.

– Не просри свой шанс, паучиха – повторил я, натягивая новую черную футболку.

– Не останешься…

– Я не могу – развел я руками – Не могу. Меня тащит дальше и выше.

– Тогда зачем вернулся? Зачем тратил время, чтобы притащить винтовку мне?

– Я обещал.

– Гребаный тупой принципиальный гоблин. Тебе не умереть своей смертью.

– Кто бы говорил – фыркнул я – Тебе предстоят те еще грязные игры. Политика мать ее…

– Вот и помоги разгрести это дерьмо! Прикрой меня!

– Помогу – кивнул я – Но по-своему.

– Это как?

– Ну с оргазмом же помог?

– Пошел ты!

– Притворялась что ли?

– Пошел ты! Гоблин! Останься! Я никогда никого не просила дважды. Да я вообще никого никогда не просила!

Наклонившись, провел ладонью по ее щеке, заглянул в паучьи глаза:

– Будь готова действовать, паучиха.

– Я… – начала она, но я уже выскочил за дверь и не слышал.

Пролетев коротким коридором, поднялся по винтовой лестнице, остановился у стены и буркнул в темную нишу:

– Вылазь.

– Как ты узнал, что я там? – с интересом спросил прилизанный парень, появляясь из темноты.

Вместо ответа, я спросил, не торопясь забирать у него свои вещи:

– Поможешь с парой мелких дел?

– Запросто. Прямо мелких? Что-то рутинное? Вроде штопки носков?

– Ага – кивнул я – Слушай, запоминай, одновременно обдумывай и готовь сжатый ответ. Слушай…

Я начал перечислять желаемое и чем больше я говорил, тем меньше оставалось невозмутимости на лице паренька.

– Уверены, бвана?

– Я тебя это спрашивал? – поморщился я – Где мой развернутый ответ?

– Уже готов. Могу даже проводить.

– Двинули.

Следую за провожатым по железному мостку, глянув на огни

города под нами, вспомнил кое-что еще:

– Мелочь, но важно для меня. Если вдруг я не вернусь через пару дней, сделай для меня кое-что.

– Слушаю.

– Где-то в Дренажтауне обитает одна хитрая расчетливая сука. Красивая соска без принципов.

– Пока слышу только похвалу в ее адрес.

– Если я не вернусь через пару дней – найди эту суку и пусть она умрет в жутких мучениях. И пусть знает, что умирает за свои прошлые грехи.

– Ради вас выполню эту просьбу лично, бвана. Что за грехи? Как ее сладкое имя?

– Она заманивала гоблинов-работяг в Стылую Клоаку, где им обрубали руки-ноги и отправляли на откорм в Зловонку. Она работала на Троллса. С ней на пару работал один хмырь, но тот давно уже сдох. Имя суки – Ева. Но теперь она вроде как Лилит.

– Сука Ева или Лилит – повторил служитель – Услышал и запомнил. Сделаю.

– Хорошо.

– Пришли – остановившись у ничем не примечательной стены, он указал рукой пару точек и добавил – Через три минуты двадцать секунд настанет сумрак. На четыре минуты семь секунд. Потом полторы минуты глаза Матери здесь, но она отведет их на семь минут. Потом весь цикл сначала.

– Запомнил.

– Уверены? Такое резкое ускорение событий…

– Позаботься от старпере наследнике – попросил я – И передай Вэттэ чтобы впихивала свою красивую задницу в шелковые трусики и спешила навстречу высокой политике. Но не рассказывай ей ничего! Просто отправь куда-нибудь в людное место. Пусть возьмет в лапку коктейль и шарахается сонной мухой от одной группки к другой.

– Вот тут не понял…

– Пусть она будет на самом деле удивлена и потрясена – пояснил я – Чем меньше фальшивых эмоций на королевском лике – тем больше верит чернь.

– Мудро. А если сдохнешь в процессе и нихрена не получится?

– Тогда я гоблин решивший, что это они натравили пауков на моих милых гоблинят. Пусть Вэттэ брезгливо плюнет на мой труп. Ты сам отсутствуй. Вернешься как бы из… да хрен его знает. Просто припрешься с опозданием.

– Понял. Я буду ждать у входа в Кислотку. Оттуда и отправлюсь лениво.

– Хорошо.

Отвернувшись, внимательно изучил стену, глянул на часы и, дождавшись нужного момента, начал подниматься, легко находя словно специально оставленные зацепы.

Выше и выше по стене Лихткастила…

* * *

Входя в чужой дом положено стучаться. Ну или окликать хозяина.

Одним словом – надо дать знать хозяину, что в его владения вторглись чужие.

За меня это сделал нож.

Перекинув ноги через подоконник, я мягко опустился за спиной что-то напевающей бабы с игдальстрелом в руках. Пережав ей горло правым локтем, всадил свинокол в левый бок, несколько раз дернул за рукоять, ворочая лезвием в ране меж ребрами. Выждав чуток, мягко опустил дохлую паучиху на пол, взяв из ее податливых рук винтовку, забросил за плечо. Оглядевшись, увидел две двери и стоящую напротив них кушетку. На нее и бросил ничком труп. Задрал халат, обнажая ляжки.

Подойдя к первой двери прислушался. Вскоре убедился, что стою у входной двери, а за ней лестница. Внизу сторожевой пост, слышен разговор нескольких пауков. Бдительные стражи охраняют высокопоставленных лиц. Молодцы. Продолжайте.

За второй дверью шумела вода. Непохоже, чтобы кто-то спешил выходить. Получается зря старался, подготавливая притягивающую взгляд сценку – ляжки на диване.

Чуть надавил на дверь рукоятью ножа, и она поддалась. Собрался уже открыть, когда смутное движение слева заставило повернуть голову. Глянул и на секунду остолбенел – убитая бабенка поднялась. Качаясь, держась за истерзанное сердце, она глядела на меня мутными глазами и уже открывала окровавленную пасть, чтобы заорать. Прыжком оказавшись рядом, сбил ее с ног, передавил сучью глотку и, навалившись всем телом, вбил нож в глаз и продавил поглубже. Сдохни.

Куда там! Тело подо мной забилось с бешеной силой. По лицу хлестнула выпроставшаяся из-под халата сиська, по щеке скребанули когти, мелькнул красный прямоугольник, прилепленный к коже. Дерьмо! Вот теперь все ясно…

Она затихла только секунд через тридцать – и все тридцать секунд продолжала дергаться и пытаться встать несмотря на фатальные повреждения мозга и сердца. Вот настоящий гребаный

зомби…

Встав, поглядел на искромсанное тело, оглядел себя – весь в крови – и зло зашагал к дверям.

Толкнув плечом, шагнул внутрь. Доли секунды хватило, чтобы оценить обстановку и схватиться за направленное в потолок дуло винтовки, чей приклад был уперт в дно ванны, где нежился крупный мужик со словно бы оплывшим лицом и застывшим взором. Купается со скипетром. На небольшом столике рядом россыпь разноцветных таблеток. Ревущий поток горячей воды бьет из крана и заглушает все звуки. Идиот. Наклонившись, я вскрыл ему глотку от уха до уха, после чего вбил нож в глаз. Выждав, когда бьющееся тело затихнет, надавил на лоб и утопил ублюдка. Подождал еще немного, глядя на пенящуюся красную воду. Вождь не вставал. Оно и понятно – на нем аптечки не было.

Хорошо.

Переступив бортик ванны, переключил воду на душу и, стоя на дохлом вожде, принял душ, смывая с себя литры чужой крови. Освежившись, закрыл кран и покинул ванную. Огляделся. Убедился, что трупы продолжаются оставаться трупами. И покинул высший наблюдательный пункт тем же путем, каким и пришел, унося с собой два игдальстрела.

* * *

– Су-у-у-ука – тихо сказал прилизанный паренек, неотрывно глядя, как я тщательно пакую игдальстрелы в пластик, щедро обматывая их липкой лентой.

– Мысль уловил? – спросил я, не прекращая своего занятия.

– Смутно. Ты унесешь их? В Кислотку?

– Дальше. К дэвам. Великанам…

– Рэк изволил мне поведать – поднял ладонь парень – Знаю в деталях.

– Че я сделал? – пробухтел орк, оторвавшись от натачивания ножа.

– Рассказал.

– Это да…

– Я унесу винтовки к дэвам. А у них есть Нга Рука.

– Погребальная яма – кивнул служитель.

– Верно. Лифтовая шахта заваленная дерьмом и не гниющими трупами. В теле шахты есть проход. Т-образный тупик. Вот там я и спрячу два игдальстрела за большой кучей дерьма. Запомнил?

– Такой адрес не забыть. Зачем?

– Затем, что сейчас вы нихрена ни о ком из своих типа союзников не знаете – пояснил я – Они улыбаются, а сами лишь ждут подходящего момента. Пусть Вэттэ для начала устранит всех прочих наследников на эти игдальстрелы. Потому пусть проверит каждого союзника трижды. И только потом даст одному из них игдальстрел. Это должен быть верный соратник. Кто-то вроде тебя.

– Понял и услышал. Может вообще никому не давать? Скипетр должен быть один.

– Думаю так же – кивнул я – И соблазнов меньше. Если система изменит условия задания для королевы – тогда забудьте о других игдальстрелах. Пусть винтовка всегда остается одна. Если нет – придется доставать минимум еще одну винтовку из тайника. Иначе Вэттэ навсегда останется пленницей верхнего наблюдательного пункта. Королева в золотой клетке. А ей ведь еще наркоту производить…

– Я услышал тебя, о мудрый бвана гоблин.

– Тогда топай в паучью крепость.

– Мы плели, плели и плели паучью сеть – хмыкнул паренек, смотря, как я забрасываю упакованные винтовки за спину – Плели и плели… прикидывали как убрать Мимира, что делать с его наследниками, что делать со Злой Лостой и ее гребанными наследниками. А ты взял и просто обрубил все цепочки разом. Никто из наследников не может претендовать на паучий трон – потому что скипетры власти исчезли… Почему я не додумался до этого? Черт…

– Потому что вы просто переставляли фигуры на доске. Елозили ими туда-сюда. А надо было их убирать.

– Глубокая мысль…

– Приглядывай за Вэттэ – попросил я напоследок и вошел в гостеприимно открытый и сочащийся кислотой люк.

– Обязательно! – донеслось мне вслед – Жду два дня! Если не вернешься – прирежу ту суку Еву в твою честь и вознесу поминальную молитву, танцуя на ее трупе!

Люк закрылся.

– Как же я задолбался – вздохнул я, ступая на гремящий железный мостик.

– А надо было спать, а не трахаться! – заметил шагающий впереди Рэк.

– А ты что делал эти шесть часов?

– Трахался!

– Вот и заткнись! Где нас должны ждать дэвы?

– Около двери с экраном. Давай чуть ускоримся, командир.

Если система опять опустит свой небесный домкрат и перекроет проход… грустно тогда будет.

– Ускоримся – согласился я, поправляя висящие за спиной винтовки – Ускоримся…

Глава десятая

Проходить Кислотку в сопровождении двух дэвов – просто прогулка.

Но прогулка медленная.

Во время своего Ража в день Резни они наверняка бегают шустрее, сейчас же они шагали размеренно и тяжело.

Поэтому, едва миновав «дверь с экраном» мы с Рэком ускорились, оторвавшись от улыбчивого эскорта. Дэвы не возражали и пообещали передать все услышанное и порученное старейшинам Белой Стелы.

Если вкратце, то мое сообщение было простым, коротким и гласило примерно следующее: «Ждите гостей, дэвы. К вам придут посланцы паучихи Вэттэ, дабы установить добрососедские отношения между двумя славными племенами».

Сам я возвращаться в поселение дэвов не собирался. Мы прошли совсем рядом с ним, буквально чиркнули по касательной, на пару минут задержавшись в коридоре с проемом в бывшую кляксу, что ныне была заставлены огромными грузовыми контейнерами, ставшими домами для великанов.

Дэвы – первая община, первое племя из встреченных мной в этом мире, что не имело прямого контакта с системой и не получало от нее ежедневных рабочих или же боевых заданий. Не получало солов, не имело торгматов, где их можно было бы потратить, но при этом раз в десять дней дэвы получали от системы подарочные нищебродские комплекты по типу «сделай сам». Они получали пластиковые толстые пластины, обычные ножи, скребки, молотки, огромные куски ткани, иголки, мотки ниток, что-то по мелочи еще. Все самого низшего качества. Ни одной готовой вещи, не считая инструментов. И ламп. Раз в месяц на все поселение дэвы получали двадцать небольших шарообразных светильников, что светили ровным желтоватым светом ровно двадцать девять дней. Потом заряд кончался и светильники потухали, после чего их с почестями отправляли все туда же – погребальная яма Нга Рука. Причем великаны устроили целый ритуал – зная точное время угасания светильников, они торжественной процессией несли их к яме, ждали, когда лампы угаснут прямо в их руках и после этого с чтением мантр отправляли в последний полет. Я там шаров не увидел, но это не странно – они размером с мой кулак и если часть и задержалась в сети мертвецов, то очень небольшая.

Откуда дэвы получали все эти богатства?

Из основание белой стелы, что дала название поселению. Там

оказывается имеются неприметные белые двери, что открываются три раза в месяц, принося дары. Хлам, хлам, хлам и лампы. Хлам, хлам, хлам и лампы. Шейте трусы домотканые, носите в кулаках неудобные одноразовые фонарики, скребите грязь в трубах и коридорах, улыбайтесь и читайте мантры, дэвы. Таково ваше некое великое предназначение.

А как по мне – они отработанный материал.

С ними просто не знали, что делать вот и пихнули в один из свободных темных закоулков безумного стального мира.

Почему?

Да потому что глупо делать чистильщиков труб такого размера – им попросту не развернуться. Сюда надо мотивированных добровольно низших вроде нас. С ежедневными заданиями и арендованными конечностями. Вот тогда бы трубы сияли…

Глянув последний раз на поселение великанов, я отвернулся и зашагал дальше. Мне нужно было срочно сообщить остававшимся тут бойцам кое-что важное и успокаивающее…

– Насчет иммунодепрессантов не

– Мы укололись уже – успокоил меня Баск.

– Как? Аптечки?

– Ага. Но было неожиданно и больно. А затем оповещение.

– Перед глазами?

– Угу. Ты это хотел сказать?

– Да. В каждой красной аптечке по три дозы.

– То есть у нас в запасе три дня.

– У вас три – кивнул я – У меня с Рэком четыре.

– Полтора дня туда, полтора обратно?

– Скорее сутки туда – и обратно – поправил я, поняв, что зомби прикидывает наш лимит – Было бы. Но не переживай – я просто попросил и получил в подарок еще четыре красные аптечки от жутко благодарных пауков. Так что времени у нас полно. Но курс усиливающих инъекций вы пропустите. Мы с Рэком обновили.

Баск развел руками. Тут он прав – что поделать? Отправлять теперь эту двойку вниз и ждать возвращения? Нет уж.

Но система хитра. Не сумела ограничить нас стальными стенами, а вот на химический поводок посадить смогла. Есть еще медблок дэвов – вдруг там выдают желанные уколы? Но… неохота что-то проверять. Вдруг тревогу поднимут? Гоблины сбежали!

– Где Йорка?

– Кормит Хвана серыми плуксами.

– Готов? – я искоса глянул на зомби, после чего отвернулся и, передав Рэку винтовки, кивнул в уже знакомом направлении – Готовься и ты.

Скривившись, орк кивнул и принялся стягивать рюкзак. После недавней заварушки на паучьем балу Рэк стал вести себя чуть спокойней. Радоваться бы, но я уверен – это временно. Орк похож на стоящий на огне чайник с заткнутым носиком. Когда гневного пара в черепе становится слишком много – происходит взрыв, а следом приходит успокоение на пару недель.

– Я прикрою.

Вздохнув, Рэк начал спускаться, а мы с Баском встали на краю ямы и, подсвечивая фонариками, страховали орка, заодно разглядывая уже привычную картину мертвячьей сети. Баск не ответил, а я не стал повторять вопрос.

Орк ненадолго скрылся в боковом проходе, а когда показался и, ступив на мостик из мертвых тел, показал большой палец, я крикнул:

– Разбей фонарь в коридоре. Закрой створки насколько сможешь. А затем обрушь этих.

– Разобью. Задвину. Кого этих?

– Гребаную нестабильную сеть трупов – рассмеялся я – Попрыгай на трупах, орк. Мы держим веревку.

– Понял!

Крохотная искорка, показывающая местоположение коридора, потухла. Заскрежетали сдвигаемые створки. Затем орк осторожно походил по трупам, выбрал наиболее подходящее место и взялся за дело. Несколько тяжелых прыжков – и некоторые огромные тела начали проворачиваться и расходиться. Труп будто поссорились и отворачивались друг от друга, размыкали многолетние объятия, сбрасывали с плеч дружески руки, выпускали из зубов чужие пальцы. Еще пара прыжков – и несколько мертвых дэвов беззвучно сорвались с места и понеслись вниз. Следом – будто пример друзей заразил их – вдогонку кинулись остальные, а орк повис над пропастью, держась за веревку.

– Поднимайте!

Дружными усилиями мы вытащили Рэка. Тяня веревку, невольно вспомнил насколько легко и непринужденно дэв в одиночку вытащил из ямы тяжеленного Хвана. Такая сила, такие размеры, такая толстая кожа – это все неспроста. Это не может быть случайным набором.

– Йорка?

Зомби махнул рукой, и мы покинули Нга Руку, что отныне приобрела иной смысл, став хранилищем «королевских»

винтовок. Миновав пару скудно освещенных коридоров, добрались до широкого яркого пятачка – прямо под созвездием из пяти чудом уцелевших светильников.

Хван продолжал жрать. Но теперь делал это неторопливо, прижав к полу еще живого плукса и медленно высасывая его через проделанную дыру в чешуе. Поглощаемое создание скребло когтями по стальному полу и броне гниды, но это не помогало и плукс «худел» на глазах. Когда Хван движением головы отбросил опустевшую шкуру, Йорка, проследив за ее недолгим полетом и шмяком о стену, брезгливо заметила:

– Лучше бы ты сдох, гнида.

– Да щас! – ощерил клыки Хван – Типа раз я салфетками рот не промокаю – меня убить надо?

– Ты плукса заживо высосал…

– А он тебя? – парировал парень – М? Крысы разве не заживо высасывают?

– В этом и дело! Чем ты лучше крысы?

– А ты? Сидишь тут в темном коридоре и всех и вся боишься! Чем ты лучше вороватой крысы?!

– Я тебя сейчас прикладом по лицу ударю! – буркнула Йорка – Лучше заткнись!

– Уел он тебя – усмехнулся я, замирая в паре метров от Хвана и с удивлением разглядывая «предохранительную систему.

Вот это да… вот это я понимаю параноидальный бред…

– Че удумали, а? – глянул на меня Хван – Обалдеть! Лучше бы под жопу тележку какую, а они к хвосту санки привязали!

– Зато не ударит – заметил остановившийся рядом Баск.

– Они не санки. Они грузило тебе к сраке привязали. Охренеть – рыкнул Рэк – Но одобряю.

Не знаю где они все это нашли, но Баск с Йоркой успели соорудить удивительнейшую конструкцию, намертво прикрепив ее к хвосту Хвана петлями троса. Больше всего это напоминало бутерброд – лист пластика на полу, на нем небольшой и чуть изогнутый лист стали, поверх лег хвост, сверху пришлепнули решеткой, которую нагрузили несколькими ржавыми железками и собственными рюкзаками. При этом конструкция была достаточно компактной в габаритах, но по весу такой, чтобы крайне опасный хвост не смог внезапно ужалить со скорпионьей быстротой.

– Нам ведь все равно его тащить – проворчала напарница, выпрямляясь и устало потягиваясь – Как были бурлаками – так и остались. Только раньше железяки из стены вытягивали, а теперь гнид по темным коридорам таскаем.

– Молодцы – сказал я, убедившись в прочности и

практичности – Рэк свой рюкзак туда же. Йорка права – нам все равно тащить его за собой. Лямки готовы?

– Готовы.

– Вы хоть чуток поспали?

– Выспались даже.

– Ну и мы неплохо отдохнули – вздохнул я – Впрягаемся тогда, гоблины. Наше великое путешествие продолжается.

– Нам туда! – отобедавший Хван не стал дожидаться понуканий, сразу указав подбородком на один из трех коридоров. Хвост задрожал, протащив «грузило» на несколько сантиметров.

Приняв одну из лямок, накинул ее на плечо, глянул на остальных и кивнул.

Шагнули раз. Шагнули два. Веревки натянулись, Хван сдвинулся с места, зашелестело пластиковым поддоном грузило, два свежезаряженных фонаря освещали нам путь.

Путешествие продолжается…

* * *

Сдвинутый с места груз – уже не груз, а попутчик. Главное не останавливаться.

Хотя, как я еще раз убедился, уколы системы творили чудеса. Хвана тащили по двое, сменяясь раз в час. И при этом, когда подходило время отдать лямку, я не ощущал серьезной усталости. К расслабившимся мышцам приливала кровь и из них быстро уходило онемение. Десять минут ходьбы – и я снова был готов поработать бурлаком, возникни такая нужда. Вспомнить меня в дни сразу после «рождения»… и блевать хочется от омерзения к самому себе тогдашнему.

Первые несколько километров – Баск уверенно вел подсчет шагам, не сбившись ни разу, мы прошли по сети частично залитых водой труб, ни разу не склонив головы. Хван волокся за нами и даже не думал жаловаться, когда его заливала вонючая вода. А чего гниде жаловаться? Ему то и дело попадал на обеденный стол очередной плукс или жавл, после чего несколько минут слышалось жадное урчание и сонное попискивание второй головы. И как заявил сам Хван – наконец-то он помыл задницу, а то уж боялся, что может начаться жопное загнивание. А это вроде как не самый лучший способ умереть.

Еще километр мы протопали по куда более узкой, но при этом сохранившей высоту трубе, идущей под уклоном вверх. Что-то вроде овального тоннеля с несколькими отворотами. В одном из боковых проходов я заметил мерцание и, решив устроить

небольшую передышку на приподнятом над водой зарешеченном пятачке, вместе с Баском наведался к источнику света.

Не могу сказать, что особо удивился, увидев утопленный в стене экран и дверь в стене. Прижав палец, хмыкнул, изучая информацию на экране.

Подключение к глобальной контрольной сети: отсутствует.

Принятие решения: локальный ресурс.

Решение: положительное + условия.

Условия: минимальный уровень играющего «Новик1».

Итог: Отказ (несоответствие уровня)

– Ну-ка я – загорелся зомби, поспешно прижимая палец.

Но его тоже ждало разочарование. Из нас двоих никто не соответствовал загадочному уровню «Новик1». А ведь чтобы пройти через ту дверь, что открыла проход к дэвам, паукам пришлось принять игровой вызов и выиграть его. И уровень там был такой же – новик1. Вывод – каждый из добровольно низших способен добиться такого же уровня. Ну или среди пауков был кто-то не совсем добровольно низший…

– Уходим – велел я, оценив идущий в сторону темный коридор и ошметки белесой слизи на полу.

– Торопимся – тоскливо вздохнул Баск, ткнув экран кулаком – Кто знает, что за дверью? Командир…

– Слушаю.

– Может притормозим? Мы реально летим слишком быстро. Летим!

– Как по мне – мы ползем как гребаные жавлы – мотнул я головой – Слишком медленно!

Вздохнув, Баск развел руками и зашагал за мной. Но это не помешало ему проворчать:

– Не все такие быстрые и злобные, командир.

– Так пусть ускорятся и разозлятся – ответил я, поправляя игстрел – Чтобы не отстать. Ясно?

– Ясно, командир. Ясно…

Вернувшись на маршрут гниды, меняясь чуть чаще, проволокли его еще километр, где Хван радостно указал на свое бывшее логово. Очередной тупик с огромной кучей дерьма и шкурами плуксов.

Сам тупик не больше пары метров длиной, а вот перед ним

овальное расширение трубы с приподнятой над водой решеткой. Их будто специально тут натыкали – эти решетчатые пятачки способные вместить немало народу, чтобы дать возможность обсушиться, сменить обувь и носки, перекусить. Над каждым пятачком несколько отработавших свое мертвых фонарей, что только подтверждало мою догадку.

И что это за пятачки такие?

Места отдыха для персонала?

И почему в тупике облюбованном Хваном для логова так много следов от крепившихся здесь некогда проводов, почему там несколько стальных заплат в стене? Что раньше стояло в тупике? Торгмат, где можно было купить крепкого горячего кофейку и протеиновый батончик?

Я бы выпил горячего кофе. Но пришлось довольствоваться шизанутой водой. И крохотным кусочком серой таблетки из подаренных Вэттэ. Слишком уж меня приперло – пусть система и снимала ломку, но чем больше времени проходило с момента последнего укола, тем сильнее меня потряхивало. Не кайфа ради. Только чтобы снять симптомы…

Убедившись, что находимся на верном пути и гнида не врет и не ошибается, двинулись дальше. И вот тут впервые пришлось тяжело – уклон остался прежним, но пол стал склизким. Упираясь руками в стены, цепляясь за любую неровность, мы с Рэком, хрипя, тащили замолкшего Хвана, Йорка двигалась впереди, Баск контролировал наши рюкзаки и тыл. И подобное построение меня напрягало – труба узкая. Нападни кто на замыкающего – и не факт, что мы подоспеем вовремя. И как отпустить гниду? Бронированный кокон помчится вниз как пуля по стволу, снося все на своем пути.

Но пока все неприятности встречались только впереди – плуксы. Мелкие плуксы. Йорка не переставая махала дубиной, давя чешуйчатых крысы и отбрасывая вниз. Мы переступали через мертвых, давили недобитков, а прямо из-под наших пяток давленное мясо выхватывал зубами урчащий Хван. Он же, влегкую проглотив довольно крупную тварь, попросил притормозить, огляделся, жутковато ворочая слизистым бугром головы и тихо пояснил в ответ на мое отчетливо-злое недоумение – нам приходилось держать его, чтобы гнида не покатился весело вниз.

– Где-то чуть дальше косоватая решетчатая площадка.

– Там бы нас и тормознул! – зло сказал орк, налегая плечом на веревку.

– Тише!

– Что? – посерьезнел я.

– Там в сторону и вниз уходит труба откуда очень вкусно пахло. Для меня. А вообще – оттуда дико несло изрядно подтухшей падалью. Вонь такая перла, что у меня желудок чуть из пуза не выскочил и в ту сторону не поскакал.

– Проверил что там?

– Не-а.

– Почему?

– Меня что-то остановило. Вот почему – мрачно произнес Хван и его уродливо лицо передернуло отчетливой судорогой – Какой-то инстинкт четко и внятно шепнул – гнида! Не ходи туда! Не надо!

– И ты послушался?

– Ага.

– На том перекрестке долго торчал?

– В тот раз? Да я там даже выспался после того как пару десятков жирных крыс счавкал.

– И не побоялся заснуть? – удивленно покачала головой Йорка, стоящая выше и освещающая нас фонариком.

Причем освещающая так как я научил – направляя луч над нашими головами в свод трубы, но не на нас. Всех заставил обращаться с фонарем именно так, ни в коем случае не направляя соратникам в глаза.

– А чего бояться? – хмыкнул Хван и покосился на свой левый висок – Когда я сплю – вторая голова не дремлет. Я как проснулся – оказалось уже жру вовсю.

– И с той вонючей трубы ничего не вылезло?

– Ни единого плукса. А вот жавлы были. И прямо жирные.

– А с чего сейчас вспомнил?

– Не чувствуете? – удивился Хван – Вонь! Дикая! Ароматная!

Настал мой черед удивленно принюхиваться и таращиться. Нет. Никакого трупного запаха.

Поняв, что никто из нас не может унюхать вони, гнида торопливо пояснил:

– Я это к чему вообще – у меня почему-то зрительная память хуже обонятельной. А такая память есть вообще? Да похрен. Я вас сюда пока вел…

– Вел он нас, ага – кивнул Рэк с насмешкой.

– Пока вы меня сюда тащили, у меня ориентиры через раз не зрительные, а обоня… запахо… короче – носом вас вел.

– И?

– И то, что до этого все запахи соответствовали! Различия были, конечно. Но так – по мелочи.

– А этот? Выветрился?

– То-то и он! Хрен там! Сильнее в разы стал! В десятки раз!

Воняет так, будто весь мир сначала обосрался, а потом и сдох за тем перекрестком!

– Баск? – окликнул я стоящего за Хваном зомби – Слышал беседу нашу?

– Я не чую ничего кроме костяной жопы этого засранца – мрачно ответил Баск, стоя с направленным вверх фонарем – Вы в курсе что он тупо не контролирует свой кишечник и из него все время что-то сука выделяется? Давайте Рэк пойдет сзади?

– Давай ты пойдешь нахрен! – возмутился орк – Я бурлачу тут!

– А я херней страдаю? У меня тут через шаг гребаные дерьмомины! И еще этот чертов хвост!

– Я же не виноват! – включился Хван.

– Заткнитесь все – велел я и развернулся к Йорке – Займи мое место. Топаем за мной до перекрестка. Там определимся. Не шумим, но и красться не пытаемся.

Когда гоблинша впряглась в мою лямку, я проверил игстрелы и выдвинулся вперед, оторвавшись от группы на несколько метров. Следующие несколько сотен метров ничем не отличались. Даже плуксы кончились, хотя со свода свисали прозрачные жопы жавлов и я сшибал их дубиной, зная, что на слизистый «фрукт» найдется желающий.

Запах…

Первым его ощутил идущий сзади Баск, чем доказал, что еще не до конца утратил свой переставший быть столь полезным нюх – зрение то вернулось. А затем запах… нет… не запах. А затем вонь разом набрала такую силу, что я почти видел эту колышущуюся стену невероятного смрада. Принюхиваться больше не было нужды и, сделав короткую остановку, мы поспешно напялили ненавистные полумаски с фильтрами. Вонь отсекло, в медленно приходящие в себе ноздри входил бодрящий свежий воздух с техническим душком. Бесследно пропал мираж колышущегося вокруг бурого запаха. И мы без каких-либо препятствий добрались до следующей площадки, от которой на самом деле отходил в сторону коридор. Узкий и нисходящий. Из коридора волной выдавливало прохладный воздух, что приятно освежал лоб. Так и хочется содрать маску и подставить освежающему бризу вспотевшую харю. Вот только дикая вонь как раз оттуда и прет…

Решение я принял быстро. Знаком подозвал к себе Рэка. Баска и Йорку оставил рядом с гнидой, показав им пять растопыренных пальцев, обозная срок нашей вылазки.

– Пахнет такой жратвой, которую уже кто-то сожрал и высрал. Но остались еще непереваренные сладки кусочки –

прикрыв зеленые глаза, поведал Хван – Намек услышали?

– Что ты психопат и дерьмоед? – осведомилась Йорка, протягивая гниде наколотого на шило крохотного серого плукса. Под маской ее голос звучал едва слышно.

– Я гурман-падальщик. А намек – кто-то там плотоядный был. Или есть.

Я качнул головой и мы, выключив фонари, двинулись вдвоем по коридору.

– Как думаешь – что там, командир? – пробормотал Рэк.

И снова в его голосе ни намека на страх. Только нездоровое любопытство и может немного детской сладкой мечты нарваться на в меру сильного противника и порвать его на сочные кровавые ошметки.

– Запах знакомый – столь же тихо ответил я.

– И мне знаком. Трупы.

– Много трупов – поправил я.

– Приплыли – на этот раз в голосе Рэка слышалось разочарование.

Я остался нейтрален, остановившись и вглядываясь в появившееся впереди препятствие. Орк прав – путешествие оказалось до смешным коротким. Наш путь преградила стена с врезанной в нее вентиляционной решеткой. Узкие щели между полосами стали подсвечены желто-зеленым ровным светом.

Тронув орка за плечо, прижал указательный палец к маске. Рэк понятливо кивнул и дальше мы двигались максимально медленно и предельно бесшумно. Воды тут считай не было. Так – даже не грязь, а чуть влажные наслоения многолетней пыли мягко пружинят под подошвами ботинок. Ничего не хрустит, ничего не гремит, а решетка медленно приближается – просто идеально. Добравшись до цели, успел перехватить руки Рэка, что уже собирался схватиться за решетку – а на них столько пыли, что все это моментом обвалится серым покрывалом с обеих сторон решетки.

Осторожно приблизив лицо к решетке – но не слишком, не доводя нос до освещенной зоны, чтобы оставаться в сумраке, я взглянул на ту сторону – взглянул прямо в вонь. И ошеломленно замер, пытаясь осознать увиденное.

Зал. Большой квадратный зал с высоченным потолком. Сверху свисает огромная виноградная гроздь – из желтых и зеленых светильников. Прекрасная люстра дарует залу мягкое, но при этом сильное освещение, что позволяет разглядеть главное гребаное украшение помещения – огромный мясной шар, скорее похожий на деформированный улей, лежащий в дальнем от нас углу.

Огромный ком серо-сизого мяса испещренный толстенными почти черными венами. Общий размер… Это настоящий холм. Метров пятнадцать в высоту, чуть больше в ширину. Вся эта хрень ритмично пульсирует, из многочисленных темных отверстий брызжет мутная зеленая жижа.

Старое… матерое гнездовище плунарных ксарлов…

Разинувший рот орк обратился в пучащую изумленный глаз статую. Руками вцепился себе в бедра, подался вперед, рот разинут. Рэк потрясен. Но держит себя в лапах, продолжая изучать. Убедившись, что выдающих нас криков удивления не последует, я вернулся к наблюдению, на этот раз скользнув взглядом чуть ниже страшного гнезда.

Стальной пол почти невидим. Его частично покрывает вода из льющего из пробитой под потолком трубы водопадика. Но большей частью пол скрыт деловито снующими туда разноцветными плуксами различных размеров. Тут весь диапазон. От настоящих гигантов до неразличимой мелочи.

Наше «окошко» расположено очень удачно – тоже под потолком. Нам виден весь зал целиком. И, когда мозг устал ужасаться, разум начал делить увиденное на сектора. И сразу вычленил два наиболее интересных участка зала свободных от плуксов.

Первый участок – расчерченный диагональной оранжево-черной свежей разметкой квадрат примерно шесть на шесть метров. Судя по темной щели по периметру – это грузовая платформа. Открытый лифт. И сейчас он находится на верхнем этаже.

Второй участок – угол зала служащий отхожим местом. К нему тянется цепочка серых и белых – раньше таких не видел – плуксов, носящих в пастях куски дерьма и прочих гнездовых отходов. Доходя до угла, они бросали отходы и уходили прочь. Брошенные комки плюхались в воду и их медленно сносило к вмонтированной в стену сточной решетке. Иногда особо мелкий плукс оступался и плюхался в воду – и его тоже уносило в темноту за стеной. Неудачливый плукс начинал свое путешествие по большому и страшному стальному миру. Бродя по коридорам, он рано или поздно наткнется на незадачливого гоблина и схватит того пастью за лапу…

Но насрать на унесенных водой плуксов.

Отхожее место – вот откуда вонь. Но не от дерьма плуксового, а от огромной горы человеческих костей.

Это реальная гора. Ну ладно – холм. Но я отчетливо вижу десятки и десятки черепов – как целых так и раздавленных. Кости облеплены дерьмом, кое-где с них свисают крохотные кусочки

плоти, другие давным-давно очистились от всего бренного, но обросли чем-то вроде известняка.

Рэк схватил меня за наплечник. Сдавил до хруста пластика. Сдавленно забормотал:

– Плуксорубы мать их!

– Где?

– В углу! Видишь нагрудник? Красный. С черным.

– Ну? – чуть прищурившись, я легко вычленил уже замеченный раньше защитный жилет с плохо различимой символикой.

– Там плукс, в него как бы веером воткнуты нож, шило, топор, копье и оттопыренный средний палец шипастого кулака. Это боевая эмблема бригады Плуксорубов. Той…

– Той, что пропала – кивнул я, сверля взглядом нагрудник заваленный свежими на вид черепами.

– Как они здесь очутились?! Как?!

– Я вижу только один вход – тихо сказал я и резко дернулся, заметив движение в центре зала – Смотри!

Висящая под потолком «гроздь» часто замигала. Снова загорелась ровно. Это вызвало огромное оживление в стае плуксов, начавших, казалось, хаотично передвигаться, но быстро замерших кругом вокруг оранжево-черного квадрата. Секунда, другая – и квадрат с коротким лязгом провалился вниз.

– Вот дерьмо нездоровое! – прошептал Рэк – Вот дерьмо сука нездоровое…

– Заткнись…

– Ага… но вот ведь дерь…

– Заткнись!

Орк кивнул, из-под маски послышалось глубокое размеренное дыхание – пытается взять эмоции под контроль. Этим же занимаюсь и я, не отрывая взгляда от черной дыры и прислушиваясь к слабому гулу невидимых моторов.

Момента, когда квадрат грузовой платформы вернулся, я не пропустил. И прикипел глазами к стоящим в центре шести фигурам.

Поправка.

Стояло трое – босая женщина с распущенными золотистыми волосами, лицо прикрыто полумаской, в белой безрукавке и коротеньких шортиках. Два могучих мужика в стальной мощной броне – шлемы, шипастые наплечники, стальные гульфики, кирасы, наручи, стальные боты и все прочие дела. Два могучих блистающих чернобородых рыцаря под два метра ростом. Немалый, судя по всему, вес доспехов они будто и не замечали. На спинах игстрелы, на поясах ножи, на бедрах кобуры со

«свинками», на правых наручах установлены выдвижные лезвия. Уверен, где-то под этой броней прилеплены и аптечки – минимум красные.

Еще трое стояли на коленях. Руки заведены за спины. На глазах повязки. Видимая часть лиц перекошена – дикая вонь рвет их ноздри на части. Вот одна из связанных уже блюет, пачкая веселенькую оранжевую полосу белесой рвотой. Два парня и девушка. Все явно под наркотой – слишком уж вялые.

Что за дерьмо?

Руки златовласки – до меня внезапно дошло.

Ее руки выглядят так знакомо – еще бы. Ведь точно такие же черные странные узоры тянутся по новой руке Йорки. А эта эротичная сука вся покрыта росписью загадочных татуировок. Из-под коротеньких шортиков видны нижние полушария подкачанных ягодиц – и на них отчетливо видны черные и красные полосы.

Гномы. Мы увидели гномов.

Плуксы…

Все плуксы замерли. Никакого движения. Только мясное гнездо продолжает хлюпать и чавкать, выплескивая из себя зеленую жижу. Плотоядные твари плуксы неподвижны… они не бросаются на таких мягких и вкусных недоумков, что сами пришли к ним в гости. Они замерли почтительным кругом и чего-то ждут.

Босоногая златовласка грациозно ступила вперед, вскинула руки вверх, странно скрестила над головой запястья, качнулась из стороны в сторону, что-то певуче и звонко произнесла.

Секунда… и раздвигая чешуйчатую мелочь, к женщине тяжело зашагал огромный оранжевый плукс. Настоящий гигант – я таких не видел никогда. Больше двух метров в холке. В длине больше четырех. Монстр. Уродливейшая тварь с пульсирующей опухолью на башке. Шаг… еще шаг… огромный «мандарин» остановился в полуметре от спокойно ждущей девки. Медленно поднялся на задних лапах и широко раскрыл вертикальную щель страшной пасти. Златовласка опустила руки и шагнула вперед. Монстр подался навстречу, смыкая пасть. Медленно опустился на все четыре лапы. И замер.

– Какого… – едва-едва слышно произнес Рэк.

Я был с ним солидарен. Какого?

Оранжевый плукс-гигант ожил. Медленно приподнялся, повел корпусом из стороны в сторону, сделал несколько шагов. Опухоль ритмично задергалась, завибрировала. И все плуксы тотчас ожили, подались к центру лифта, где остались по-прежнему стоящие на коленях пленники – рыцари отошли к стене и замерли

там блестящими статуями.

Миг…

И я вздрогнул, увидев, как вал тварей захлестнул и подмял под себя людей. Брызнула кровь. Раздался короткий женский крик полный боли. И пресекся.

Оранжевый гигант снова поднял на задние лапы, развел передние, открыл пасть. И в пасти монстра мы увидели живехонькую златовласку возлегающую за задними рядами клыков на упругом мясном ложе, с руками, утопленными в странных дырах. Она повела плечами – и плукс повел корпусом, разинул пасть шире. Плуксы закружились вокруг гиганта, исполняя что-то вроде странного танца, что длился не так уж долго – минуты две-три. За это время растерзанные останки исчезли с лифта. Пропала даже слизанная кровь. Плуксы постепенно замедлились, начали расходится. Многие плуксы спешили к гнезду – поделиться мясной вкуснятиной с мамой.

Оранжевая тварь медленно и неуклюже присела перед квадратом лифта, снова разошлась пасть – и из влажного зева все так же грациозно шагнула мокрая, но улыбающаяся веселая сука с расписными руками. Ни царапинки. Облепившая мокрая тело короткая безрука подчеркнула красоту грудей, обрисовала соски. Сверкнув улыбкой шагнувшим навстречу рыцарям, она помассировала виски, потянулась, закидывая согнутые руки за голову и выставляя вперед грудь. Выгнулась… и замерла, вдавив подбородок в грудь и смотря на расплывающееся на мокрой тунике алое пятно.

Щелк. Щелк. Один в цель. Один мимо.

Перезарядить. Еще три щелчка. Все три в цель. Перезарядить. Три щелчка. Два мимо. Один вроде куда-то под ухо…

Дернул Рэка за руку.

– Валим!

Мы отпрянули от решетки и рванули прочь. Я еще успел увидеть, как тяжело прыгнувший вперед оранжевый гигант закрывает своей тушей рухнувшую бабу, как на его башке дрожит опухоль, как начинает приходить в неистовство вся плуксовая стая и как очнувшиеся и что-то заоравшие рыцари вскидывают игстрелы, наводя их на решетку под потолком.

За нашими спинами зазвенело. Гневный рев эхом зазвенел в трубе. По решетке садили очередями. А мы с Рэком, не оборачиваясь, продолжали бежать, добравшись до перекрестка в рекордные секунды.

– Валим! – повторил я уже всем, хватаясь за лямку – Гнида! Куда?!

– У меня имя же е…

– Куда?!

– Туда! – мигом все понял и заткнулся Хван.

– Что случилось? – спросил Баск, уходя вперед и освещая нам путь – Ну?!

– Оди убил гномку расписную – прохрипел Рэк – Всадил в нее чуть ли не десяток игл. И правильно!

– Да что случилось?! – зашипела Йорка – Что за дерьмо опять?

– Вперед! – оскалился я, толкая ее плечом – Вперед!

– Вперед! – повторил и Рэк – Он убил расписную. А гномы их вроде очень уважают.

– Расписную?!

– На руку свою глянь – посоветовал орк – Ту за которую гномы были готовы отдать бешеные бабки.

– Дерьмо!

– Быстрей – повторил я – Быстрей, гоблины! Я прямо жопой чую – гномы чуток обиделись. Так что шевелите булками, пока вам их не отстрелили нахрен!

Глава одиннадцатая

Бежали мы недолго – вернее карабкались по гребаному стальному склону.

Миновал без остановки еще один решетчатый пятачок, добрались до следующего, заодно обнаружив, что уклон закончился и труба снова пошла вверх – и в сторону. Здесь мы и остановились. Под решеткой притаились дремлющие в воде жавлы – вытащив их, буквально продрав сквозь прутья кусками, Йорка и Баск принялись кормить Хвана. А мы с Рэком улеглись рядом с хвостом гниды, доверчиво повернувшись задницами к товарищам, а ушами и глазами по направлению к возможному неприятелю.

Ну как возможному – недругов у нас точно прибавилось.

Скорее к возможно двигающемуся за нами – в чем я сомневался.

Из того зала с гнездилищем плунарных ксарлов был только один выход. Грузовая платформа уходящая вниз – туда, где по рассказам и обитали гномы, занимающие нижние этажи сего славного мирка. Я уверен, что гордые рыцари обязательно попытаются достать наглых ублюдков посмевших пристрелить их расписную девку, которую только-только отрыгнул оранжевый плукс.

Но одного желания мало.

Нас надо еще найти.

И надо знать кого искать. Пока они знают мало – кто-то спрятался за вентиляционной решеткой откуда и произвел выстрелы. Кто он? Сколько их?

Еще им надо иметь возможность выхода на верхние ярусы – уровень дэвов.

Но не стану скидывать упертость гребаных фанатиков со счетов.

Рано или поздно гномы доберутся до места, откуда мы стреляли. Рано или поздно они переговорят с добрыми великанами дэвами и те расскажут о чужеземцах все что знают. Покажут в какую сторону мы ушли. И гномы двинутся следом. Сколько их будет? Минимум звено. Это минимум. Я бы поставил на два-три звена – гномы ведь не могут с самого начала знать сколько нас, к тому же не знают ничего о маршруте. Их еще надо снабдить продовольствием, снаряжением.

В общем – хлопоты займут какое-то время. В ближайшие часы атаки можно не ждать.

Проблемы начнутся, когда мы, побывав у места, где гнида

Хван видел и лизал «соленый свет», найдя там что-то или не найдя ничего, вернемся назад и на одной из тропок столкнемся с очень злыми гномами. Вот тогда и начнутся проблемы.

Но…

К чему заглядывать так далеко вперед?

Уровень дэвов…

Этот гребаный слоеный пирог ублюдочного мира казался мне мерзким и родным одновременно.

Гномы, гоблины, пауки, дэвы. Загадочные великаны на самом верху?

И как не странно – несправедливей всего мир или чей-то замысел обошелся с гигантами дэвами.

Что у них есть?

Ничего.

Закольцованное стальное пространство, крохотное поселение с контейнерами вместо домов, никому не нужная унылая чистка труб, шитье трусов из дерьмовой подаренной ткани, бесцельное блуждание, чтение мантр.

Даже у гоблинов с Окраины – которых раньше я считал самыми обделенными – куда больше развлечений. Как бы глупо не звучало – но самый последний гоблин может сходить в город и купить себе сраного мороженого. Вот и сложилась оценка жизни… жизнь не жизнь, если не можешь купить себе сраное мороженое…

Я вслушивался в ровное гудение трубы минут тридцать. Заодно все выпили воды и перекусили пищевыми кубами. Все кроме Хвана – этот доедал жавлов, а воду похлебал прямо со дна трубы, свесив вытянувшуюся как у черепахи голову с края решетчатой платформы.

– Выдвигаемся – скомандовал я, накидывая на плечо лямку – Хван. Как долго еще?

– Вот-вот – бодро ответит сытый и всем довольный гнида – Но… Давайте без обид если там на самом деле освещенная фонарем лужа протухшей мочи – моей к тому же. Кто знает сколько я там пролежал с копьем в пузе.

– Обид не будет – не оборачиваясь, бросил я – Хоть что-то там точно обнаружится. Откуда то ведь ты выполз.

– Выполз – согласился Хван, наблюдая, как его тело сползает с решетки.

– Из задницы – пробурчал Баск, вставая рядом со мной – Разомнусь.

– Разомнись – кивнул я.

Йорка утопала вперед, попутно отбросив небольшого жавла к Хвану. Рэк остался позади.

– Может мне сзади лучше? Послушать? – задумался зомби.

– Труба как резонатор – выдохнул я – Тут даже глухой не услышит, так почувствует что-то – вибрацию или волну воздуха. Чтобы оставаться в таких условиях бесшумным – надо либо неспешно лететь, либо очень медленно шагать. Не говоря уже о видимости – мощный фонарь высветит все на пару десятков метров. Хрен спрячешься. Ненавижу трубы…

– И поэтому лезешь в них все глубже и глубже? – не скрывая насмешки, спросила Йорка.

– Должны же мы узнать откуда нам на голову стекают гниды и прочее дерьмо – парировал я, сказав чистую правду.

– Сверху! – буркнула Йорка – Что тут непонятного? Всегда и везде дерьмо стекает на наши головы сверху! Веришь, что где-то иначе?

– Хотя бы поглядеть тогда на лучезарные лики небожителей – пожал я плечами – Вам самим не интересно докопаться до сути?

– Есть немного – признался Баск – Чем больше нового, чем сильнее занята голова перевариванием информации – тем меньше тоски от этих стальных стен. Хотя у Копулы или в том паучьем трактире Небесные Сиськи я бы пожил с удовольствием.

– Как? – удивленно переспросил я – Трактир Небесные Сиськи? Не столовая Скайбубс?

– Ну… это ведь Небесные Сиськи? Такое ведь значение? Нет?

– Возможно – согласился я – Хм… А Лихткастил тогда что?

– Вроде как тоже что-то с небом – пропыхтел зомби.

Осмотрев его – обманчиво массивного в защитном снаряжении – я сокрушенно вздохнул:

– Ты когда мышцу наращивать начнешь?

– Так я жру! А она не растет! Хотя чуток мышц добавилось. Может такие как я просто не могут вес набрать?

– Болотники свинопасы с тобой бы поспорили – хмыкнул я – Может у них диета какая секретная?

– Бр-р-р! Ну нахрен такую диету! Фу!

– Фу! – поддержала и Йорка, которую так сильно передернуло, что мне на миг почудилось, что гоблинша наступила на оголенный электропровод.

– Я лучше сам – помотал головой зомби – Представляю, чем они кормили бедолаг. И что с ними вытворяли… Суки! Знаешь, командир – ты великое дело сделал. И нас к нему примазал. Даже если мы прямо сейчас все разом сдохнем – нас не забудут. Ведь уничтожили Зловонку.

– И Клоаку – добавила Йорка.

– Клоака – так – отмахнулся Баск – Пугало туманное. Клоака сама уже медленно умирала – сколько бы Тролс протянул? Я

тогда еще не видел, но судя по рассказам.

– Он жил на болеутоляющих и наркоте – согласился я – Внутри него давным-давно все разладилось.

– А вот Зловонка – продолжил Баск – Скольких она сгубила? Скольких перемолотила в фарш? Мы сделали великое дело.

– Нихрена! – буркнул я.

Глянул на удивленные глаза зомби и со вздохом спросил:

– Кто виноват в смерти свиньи? Свинопас что заколол, освежевал и нарубил несчастную свинью или покупатели, что пришли пораньше, чтобы выбрать себе самые лакомые и нежные кусочки?

– Ну…

– Кто виноват? – повторил я – Свинарь, что зарезал всего одну свинью и не собирался трогать других или же внезапно нагрянувший покупатель, что потребовал для себя не одну, а целых три пары нежных сисек и, скажем, семь синих глаз.

– Да понял я… спрос…

– Да – кивнул я – Гребаный спрос. Гребаный бизнес стремящийся удовлетворить все потребности – даже самые мерзкие. Вот вы так хвалите старую нимфу Копулу. Вы сами верите, что в ее борделе особо именитым клиентам откажут в подаче на ужин свиной отбивной? Верите, что в трактире Небесные Сиськи никогда не жарили эти самые гребаные сиськи и не подавали обрамленные грибочками?

– Короче – не виноват никто?

– Виноваты все. Дай время – и появится новая Зловонка. Нельзя решить проблему уничтожая свинофермы. Нужен более кардинальный метод. Но до тех пор, пока система поощряет страсть к пожиранию себе подобных, страсть к людоедству… оно никуда не денется. Пока мы здесь шагаем – где-то на темной улочке Дренажтауна новоявленный мясной дилер кутается в дождевик и наблюдает за тем, как его подручные разделывают над сточной решеткой пойманную дуру-девчонку или беспомощного старика. Мы пройдем еще пару километров – и мясо уже будет шкворчать в сковороде, а сидящий за столом ублюдок будет с нетерпением поглаживать вилки и облизывать сальные губы. А завтра мясной дилер – что успел стать богаче и найти еще пару подручных – уже получит заказ на вдвое большее количество мяса.

– Дерьмо – подытожила Йорка – Вот ты и обосрал все наши достижения, да, гоблин?

– Дерьмо – повторил Баск и, вздрогнув, торопливо заговорил – Постой! Постой! Что значит «система поощряет страсть к людоедству?». Ты о чем вообще? Да система убивает

гребаных мясников! При нас же было. И задания на их головы выдает. Система ненавидит свинарей и людоедов!

– Ты слышал что-нибудь про серию громких арестов и системных расчленений после того как мы поймали и доставили на допрос того ублюдка вагоновожатого? – спросил я – А ты Йорка? Слышала?

– Да вроде нет – чуть замедлила шаг девушка – Нет. Точно нет. Но нам ведь не до этого было! Как будто ты дал время уши погреть в кляксах городских!

– Точно – поддержал ее зомби, но на его лице появилась глубокая задумчивость.

– Мы бы услышали – не согласился я – Когда арестовывают денежных и знаменитых – об этом радостно вопят все нищеброды. Убей гоблина или зомби – вспомнят разок и забудут. Убей полурослика при деньгах и положении – обсуждать будут неделю. А уж если богатого полурослика расчленит система за людоедство…

– Ну и жизнь у вас там! – подал голос Хван – Охренеть! Ладно я жрал человечину – выхода другого не было. Да я бы отказался – вторая голова сама бы все сделала. Но ведь вас там вроде кормят и поят – мне Баск рассказывал.

Я пожал плечами, Баск повторил мой жест и признал:

– Мы ничего такого не слышали. Странно…

– Что-то наверняка было – продолжил я – Крупные штрафы, блокировка банкомата, изъятия всех средств, зарезервированных капсул и прочее. Но система расчленять никого не стала – мягко пожурила и дала шанс исправиться. И так будет всегда. Если ты просто жрешь свинину – спрос с тебя небольшой. Ты ведь просто сраный потребитель. И плевать, что ты заказываешь на обед не просто мясную вырезку пожирней, а три пары девичьих сисек.

– Я бы тому ублюдку хрен вырвала и на сковороде пожарила! И ему бы скормила! – прошипела Йорка, врезав кулаком по стене трубы.

– Но даже не это главный показатель.

– А что тогда?

– Почему наше мясо до сих пор съедобно? – буднично спросил я.

– В смысле?

– В прямом. Оглянись. Мы тащим за собой страшного ублюдка – замешанная на дерьме помесь насекомого с гоблином.

– Вот спасибо! – обиженно донеслось сзади – Хотя и правда… но обидно!

– А дэвы? Их мясо даже Хван сожрать не стал – а он жрет протухшую падаль! Помнишь, как он рассказывал, что последних

пауков доедал, когда их мясо уже стало таким мягким, что пенилось как кремовое мыло и само с чавканьем с костей слезало?

– Угх… помню…

– После встречи с дэвами я и задался вопросом – продолжил я – Это же вопрос, лежащий на самой поверхности. Мы живем в мире, где с человеческими телами проводят занятные манипуляции. Обращаются с телами как с конструкторами. Легко играют с генами, смешивая их в причудливый коктейль. Вот и ответь – насколько сложно добавить в наши тела – пусть даже регулярно повторяемой бесплатной инъекцией – что-то вроде гормона, вещества или чего-то там еще, что попросту сделает наше мясо либо ядовитым, либо вызывающим кровавую диарею для любого ублюдка, кто его решит сожрать? Призмы, жавлы и плуксы не в счет – пусть жрут. Но вот чтобы сучий гоблин решивший сожрать другого гоблина обдристался бы вусмерть, сам бы пополз в медблок моля прикончить его. Но система этого не делает! И мясо одного гоблина по-прежнему остается сладким угощением для другого. Ответь мне, Баск. Почему?

Зомби молча развел руками. Промолчала и Йорка. Хван что-то пробухтел, но тут на его пути попался достаточно крупный жавл и он предпочел заняться перекусом. Оглядев всех, я усмехнулся:

– Что и никто не скажет какой-нибудь трогательной хрени вроде «Пути Матери неисповедимы»? Йорка. Ты ведь звала ее мамой.

– Отвали. Я в дозоре.

– Отвалил – вздохнул я, оборачиваясь – Рэк! Все в норме?

– Норм. Сзади тихо, спереди дерьмо капает. И трещина все шире.

– Какая трещина?

– На жопе Хвана.

– Может хватит уже? – вскинул башку гнида – Я не особо обидчивый, но окажись вы на моем месте…

– Да заткнись ты – рявкнул Рэк – Сдалось мне восьмой раз на твоей жопой смеяться. Я серьезно – трещина появилась. Не прям на заднице, а чуть выше. И потихоньку расходится.

– Йорка глянь – попросил я и окликнул замедлившегося было Баска – Двигай давай, любознательный! Мы бурлаки.

Протиснувшись мимо, Йорка забралась на спину Гниды и, сидя на этой куче застывшего «майонеза», светя фонариком, крикнула:

– Уродливый не врет – трещина. Внутри что-то розовое выпячивается. Шилом ткнуть?

– Не надо, пожалуйста – удивительно тихо и удивительно вежливым голосом попросил гнида Хван – Я вас очень прошу.

– Не ссы, таракан – заржал орк – Не обидим.

– Сантиметров пятнадцать в длину. Сантиметра три в ширину – продолжила доклад гоблинша – О… длиннее стала на пару сантиметров. Может Хван слишком много жрет?

– Звучит логично – согласился я – Хван. Что у тебя в меню?

– То же самое – в процессе эволюции до третьей стадии.

– Может и она – вздохнул я – Ускоряемся! Надо добраться до цели до того, как Хван станет бабочкой или распадется на шестьсот головастиков. Тогда нам никто не покажет куда идти…

– Черт…

Я удивленно глянул на Хвана, а тот медленно продолжил, глядя на меня своими удивительными глазами:

– Никогда не думал об этом так… а если и правда – распадусь на кучу мелких тварей, и они разбегутся…

– И каждая будет уносить в себе эхо твоего затухающего последнего крика исчезающей личности – усмехнулся я.

– Если начну распадаться больше чем на два куска – убейте меня. Пожалуйста! – попросил Хван.

– Уверен?

– Более чем. Убейте. Если превращусь и сохраню сознание – сам решу. Но… последнее время я живу только надеждой. Верой в то, что это гребаное дерьмо наконец-то кончится и я перестану быть личинкой.

– Скоро мы это увидим – ответил я, останавливаясь у развилки – Куда?

– Налево! – уверено ответил Хван и мы свернули, начав двигаться под уклон.

* * *

Путь вниз длился недолго. Хотя, где здесь верх и где здесь низ? Все субъективно. Стены, стены, решетки, стены. Помогает только вода – показывая уклоны и подъемы, стремясь к подножью мира.

Воды много. Прямо много. Уже не поворачивается язык назвать ее жижей – нет в ней той мерзкой загустелости, той смрадности и липкости как в том месиве, что льется и льется на Дерьмотаун. Мы шагаем по пусть грязной, но все же воде. И запах. Мы дышим полной грудью, жадно набирая в легких куда более свежий воздух. И с каждым новым пройденным километром я все сильнее ощущаю этот смутно знакомый запах – который

пока не могу определить, но точно откуда-то знаю, что запах не просто знаком, а представляет собой нечто куда большее.

Я настолько увлекся попыткой опознать запах, что едва не упустил тот миг, когда фонарь все еще идущей впереди Йорки скользнул по стенке трубы и равнодушно сполз вниз. Столь равнодушный взгляд на скользящее световое пятно бросил и я. Нет ничего хуже равнодушия напарников – оно заражает. Но еще хуже – винить кого-то в собственной невнимательности. Я среагировал в последний момент. Только и успел что с размаху пнуть Йорку в поясницу, толкая ее вперед. Получив неожиданный удар, она, пытаясь сохранить равновесие, пробежала несколько шагов и упала, выронив фонарик. Над ней скользнула и исчезла зыбкая тень.

– Оди! – в голосе зомби звучал испуг и гнев.

Не обращая внимания на вопль, я дал очередь от бедра по изогнутой стенке трубы, разрядив весь картридж. Выпустив «свинку», выхватил левой рукой нож, правой тянясь за плечо. Шагнул к стене и с силой полоснул по ней лезвием ножа.

– Спятил?! Командир?!

Отделившийся от стены разрезанный буро-серый блин задергался в судорогах, на верхней его части проявилось и исчезло искаженное женское лицо. Свистнуло. Меня трижды толкнуло в грудь. Ударило по выставленному бедру. Полоснуло по голени. Там защита и не выдержала. Обожгло болью, я подался вперед, падая на подогнувшуюся ногу и снова проводя лезвием по трубе – сверху-вниз, таща за собой ко дну.

– Вот дерьмо! – взревел подскочивший орк, двигаясь вдоль стены и ведя по ней ножом.

Звук тупящейся о сталь стали сменился шорохом и хрустом разрезаемой некой массы, послышался тонкий едва слышный визг, обрывки каких-то слов. По противоположной стене зазвенели выпущенные вставшей Йоркой иглы. На нее рухнул Баск, уберегая от протянувшейся со свода длинной тонкой плети, что почти дотянулась до ее горла. Лежа на спине, я всадил вверх следующий картридж, перезарядил. Вскинув голову, увидел «стекающее» на меня лицо – будто гигантская капля с нарисованным реалистичным смайлом. В него я и шарахнул иглами, что сразу прояснило – это не жидкость. Это вполне уязвимая плоть, раскатанная в тончайший блин. На меня брызнуло теплым и едким. Следом рухнула отлепившаяся от потолка мясная лепешка, попыталась дотянуть до меня тонкими и плоскими лапами с тончайшими прозрачными когтями. Увернувшись, ударил прикладом, навалившись, полоснул крест-накрест ножом. Гребаная мимикрия…

– Отвяжи мне хвост! Хвост отвяжите! Помогу!

Бессвязно орущий орк вбивал в воду что-то крупное и бьющееся. Кричащая Йорка, бросив оружие, пыталась отодрать от шеи корчащегося зомби длинные плети свисающих с потолка лап, не замечая, что к ней тянутся такие же.

– Учил ведь – прохрипел я, перезаряжая игстрел – Учил же!

Стрекот игл. Перезарядить. В ноге разгорается настоящее пламя. Я ее уже не чувствую, там просто сгусток боли. Веду стволом игстрела по стенам и потолку. Стреляю раз за разом. На меня падает гребаный блин, сверху наваливается Йорка, прижимая тварь к моей груди и начиная наносить частые удары шилом, непрестанно при этом крича:

– Сука! Сука! Сука! Сука!

Я чувствую, как острие ее шила бьет по защитным пластинам, проходя сквозь корчащуюся и пищащую тварь. Вытянув шею, стреляю по своду над Хваном, успевая пробить несколько дыр в тянущейся к нему твари. Игстрел сдох. Выронив его, перезаряжая «свинку», сбрасывая с себя гоблиншу и подыхающего монстра, стреляю в спину Рэка облепленного огромным почти черным блином. От попадания игл блин выгибается в обратную сторону, со свистом рвет воздух тоненькими лапами, в его центральной части проявляется рельефная злобная харя – в нее я и метаю нож, угодив точно в лоб. Повернувшийся Рэк впечатывается спиной в стену, елозит по ней, одновременно полосуя ножом облепившие его ноги протянувшиеся из воды лапы.

Кричит Йорка. Кричит страшно. Изогнувшись, падает в воду. Из шеи льет кровь. С диким воплем Баск сдирает с потолка живое полотнище, сгибая его, прижимая к себе и втыкая в него нож раз за разом.

– Дерьмо…

Перевалившись на живот, я на локтях ползу к дергающейся Йорке, помогая себе одной ногой. Вторую уже не чувствую. Добравшись, сдираю с ее шеи разодранный защитный воротник, зажимаю глубокую рану ладонью. Выдернув из поясной сумки моток клейкой ленты заматываю шею вместе со своей ладонью. Сделав пару мотков, выворачиваю ладонь, прижимаю уже сверху и продолжаю наматывать. Артерия вроде цела. Но полоснуло глубоко. И яд… гребаный яд в ране что так близко к мозгу и сердцу. Залив все огромным тюбиком клея, поворачиваюсь и осматриваюсь.

Сука…

Нас будто ураган потрепал.

Ранения у всех без исключения. Хуже всего Рэку, хотя он довольно лыбится, не обращая внимания на исполосовавшие

харю шрамы. Еще не осознал дебил…

– Я слышу! – просипел подползший на четвереньках зомби, отпихивая меня от Йорки – Там откуда мы пришли – слышатся такие же сучьи писки. Йорка! Жива?!

– Не тряси ее! – оттолкнув его от затихшей девушки, кричу – Рэк! Мой рюкзак! Антидоты!

– Какие?!

– Все! Себе коли первому! Живо!

– Понял!

Перед глазами черные пятна. Слабость. Подбежавший орк пихает в рот таблетки. Каждому по очереди. Горстью, не разбирая. Яростно жуя, растирая горечь между зубами, с натугой привстаю, ударяю себя по безвольной ноге. Давай! Давай! Нога неохотно покоряется, сгибается и я поднимаюсь. Нагнувшись, выуживаю из воды оружие. Перезаряжаю «свинку», бесполезный игстрел забрасываю за спину, потускневший фонарь запихиваю под ремень.

– Хван… где твой гребаный соленый свет?

– Чуть дальше! Прямо, прямо и налево. Там увидите! Слушай… видно не судьба – бросайте меня! Я серьезно! У вас двое лежат!

– Заткнись – сиплю я, нагибаясь теперь за Баском. Пальцы скользят по крови. Все же я ошибся – Баску досталось сильней всех. Подхватив его, тащу к Хвану, с хрипом забрасываю на его ороговелую спину. Повернувшись, получаю пощечину – Рэк забрасывает к зомби Йорку, и ее безвольная ладонь съездила мне по лицу. Сразу стал бодрее. Залепив себе оплеуху, схватился за лямку.

– Налегли!

– Бросьте меня! Там ведь просто какой-то свет! Я не знаю, что там! – прогундел Хван.

Мы с Рэком не слушаем. Мы тащим, наступая на податливая плоские тела.

Укол. Еще один.

Дернувшись, я гляжу на грудь, прислушиваясь к ощущениям и, широко ухмыльнувшись, с утроенной силой налегаю на лямку.

– Вперед, гоблины! Вперед! – хриплю сквозь зубы.

Рядом столь же радостно ухмыляющийся орк с располосованной рожей бодро налегает на лямку.

– Сучьи аптечки! Вот это сила! – ревет он.

– Это сила – соглашаюсь я.

– Сука! – крик Йорки полон злобы и боли – С-сука! Больно то как! О дерьмо! За нами что-то сверкает…

– Держи Баска чтоб не сполз! – крикнул я, налегая на лямку –

И стреляй если есть чем!

– Нечем! Давайте быстрей! Баск! Очнись!

– Здесь налево!

Круто свернув, мы ввалились в куда более широкий и куда более приземистый коридор. Но все как в тумане. Я не вижу детали. Все размыто. Но я вижу его – сияющий впереди яркий свет. И стремлюсь к нему изо всех сил, хрипло подбадривая орка и хохочу над руганью осипшей Йорки. Укол. Еще укол. Похоже антидоты нихрена не действуют. Но аптечка старается. Если не излечить, то хотя бы отсрочить конец.

Вперед! Вперед!

Свет становится шире. Под ногами плеск воды. Зрение исчезает.

Раздавшийся чужой голос был звучал с удивлением, страхом и… состраданием…

– Люди?

– Мы гоблины – ответил я, пытаясь увидеть хоть что-то сквозь сгустившийся в глазах серый туман – Гоблины… О дерьмо…

Ноги подгибаются, и я падаю ничком. Голова плюхается в мокрый и соленый свет – приятная горечь наполняет мой рот, жжет глаза и раны. Слышу плеск. Чьи-то сильные руки подхватывают меня. Новый укол в шею. Укоризненный голос мягко журит:

– Как можно не лечить яд шевров! Ты уже бурый как моя пятка!

– И нас уколите! – закричала где-то далеко-далеко Йорка – И нас тоже, дедушка!

– А это кто с вами?

– Я Хван!

– Нехорошая какая штука… я так думаю – надо здесь бросить.

– Никто никого не бросит – произношу я, поднимаясь на четвереньки. Хотел сказать что-то еще, но подкатившая ко рту рвота выплеснулась фонтаном, улетая прямо в свет – Ур-р-р-г…

– Мы вместе! – поддержал меня Рэк – Вместе!

– Я так думаю – дураки вы.

– А вот тут даже и не спорю – отвечаю я, снова падая и переворачиваясь на спину – Даже и не спорю… мы те еще дебилы… не знаю кто ты. Но сюда идут твари… Помоги-ка мне подняться.

– Лежи спокойно и не мешай – рассудительно возражает голос, и я чувствую, как под ремни на груди пропихивают веревку, что скользит по моей щеке – Надо немного и отдыхать… Эй там! Поднимайте!

Рывок. Меня поднимает над водой.

– Хвана заберите тоже! Он наш! Наш!

– Я их! Меня тоже!

– Я так думаю – мы всех заберем.

Наверху лязгает, слышится звон и стук какого-то механизма, крутясь на веревке, я медленно поднимаюсь навстречу яркому свету. Сознание угасает… возвращается… угасает… надоедливый тонкий писк в ушах становится нестерпимо громким. Под лобной костью кто-то начал деловито сверлить и стучать, пробиваясь наружу.

– Рэк!

– Тут! Сука у меня в паху что-то кровоточит… если задели самое ценное, то…

– Йорка!

– Я под тобой. Баск со мной. Держу его… держу крепко… он дышит…

– Хван?

– Вроде обвязывают и меня! Спасибо, Оди! Спасибо тебе!

– Ладно – расслабляюсь я – Хрен с вами – теперь можно и отрубиться.

Уронив руки, я закрываю глаза и позволяю себе расслабиться. Будто только это и ждав свет становится еще ярче, заливая меня слепящей белой волной…

Ну и выматывающий же сегодня денек…

Пару минут повишу и надо подниматься, двигаться дальше.

Первым делом надо выяснить кто и куда нас поднимает. А потом… потом…

Сеть трупов нестабильна… гребаная сеть трупов не…

Конец четвертой книги